

ISSN 2686-7648

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Евразийские исследования. История. Политология.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Eurasian Studies. History. Political Science.
International Relations”

Series

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

4
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Evraziyskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 Historical Sciences and Archeology

23.00.00 Political Sciences

Objectives and scope

"Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" is a scientific journal devoted to the topical issues of development of the post-Soviet States, Eurasian integration processes and international relations in the region.

The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research related to the scientific study of the post-Soviet countries.

The journal publishes scientific reviews, studies, articles related to the study of the problems of modern historical development of the region, the building and transformation of political systems and the formation of a new political ideology and culture, international relations, the processes of integration and regionalization, ethno-cultural policy, inter-religious relations and humanitarian cooperation. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of the complex of theoretical and practical problems of development and interaction of the post-Soviet countries.

The journal accepts for publication original articles, complex studies of Russian and foreign authors, previously unpublished scientific reports.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media, 06.07.2018, reg. No.: Series PI № FS77-73206 from 06 July 2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel.: 8-495-250-62-11

e-mail: rggu@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология

23.00.00 – Политические науки

Цели и область

«Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» – научный журнал, посвященный актуальным вопросам развития государств постсоветского пространства, евразийских интеграционных процессов и международных отношений в регионе.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства.

На страницах журнала публикуются научные обзоры, исследования, статьи, связанные с изучением проблем современного исторического развития государств региона, становления и трансформации политических систем и формирования новой политической идеологии и культуры, международных отношений, процессов интеграции и регионализации, этнокультурной политики, межконфессионального взаимодействия и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 06.07.2018 г., регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: 8-495-250-62-11

Электронный адрес: rggu@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

E.I. Pivovarov, corresponding member of RAS, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

A.S. Levchenkov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.E. Titkov, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.M. Velikaya, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.L. Kheifets, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

K.E. Meshcheryakov, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

E.Ya. Wittenberg, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

B.B. Pak, Dr. of Sci. (History), senior research scientist, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science (RAS), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Akimov, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

A.V. Vlasov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

A.V. Guschin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.Yu. Mukhin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

K.P. Kurylev, Dr. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Solopova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

N.I. Kharitonova, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

A.V. Fenenko, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

B.G. Ayagan, Dr. of Sci. (History), Institute of History of the State Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Nursultan, Kazakhstan

M. Bassan, Ph.D., professor, University of Sodertorn, Stockholm, Sweden

J.M. Jafarov, Dr. of Sci. (History), professor, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan

M. Laruel, Ph.D., professor, Georgetown University, Washington, USA

M.-P. Ray, Ph.D., professor, University of Paris I Pantheon-Sorbonne, Paris, France

A.T. Sabirov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Tashkent, Uzbekistan

P.P. Tolochko, full member of NAS of Ukraine, Dr. of Sci. (History), Kiev, Ukraine

A. Filler, Ph.D., professor, University of Paris 8, Paris, France

Executive editor

E.A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Е.И. Пивовар, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Редакционная коллегия

А.С. Левченков, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия (*заместитель главного редактора*)

А.Э. Титков, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия (*заместитель главного редактора*)

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Н.М. Великая, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

В.Л. Хейфец, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

К.Е. Мещеряков, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Е.Я. Виттенберг, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Б.Б. Пак, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия

Ю.Г. Акимов, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

А.В. Власов, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

М.Ю. Мухин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

К.П. Курылев, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

О.В. Солопова, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

Н.И. Харитонова, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

Б.Г. Аяган, доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Нурсултан, Казахстан

А.В. Фененко, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

М. Бассан, профессор, Университет Сёдертёрна, г. Стокгольм, Швеция

Д.М. Джафаров, доктор исторических наук, профессор, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан

М. Ларюэль, профессор, Университет Джорджтаун, г. Вашингтон, США

М.-П. Рей, профессор, Университет Париж I Пантеон – Сорбонна, г. Париж, Франция

А.Т. Сабиров, кандидат исторических наук, доцент, Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, г. Ташкент, Узбекистан

П.П. Толочко, академик НАН Украины, доктор исторических наук, г. Киев, Украина

А. Филлер, профессор, Университет Париж 8, г. Париж, Франция

Ответственный за выпуск

Е.А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

Contents

Ethno-political movements in the post-Soviet republics

Oleg G. Kazak

- Institutionalization of the Western Polesie ethno-political movement in Belarus. The functioning of the socio-cultural association “Polisse” (1988–1995) 10

Memory spaces and politics of memory

Elena A. Kosovan

- Memory of the capital period in the urban space of contemporary Semey (Republic of Kazakhstan) 38

Current political processes in the Central Asia region

Kanybek A. Kudayarov

- Analytical centers of Kazakhstan and Uzbekistan 60

Social and humanitarian issues of the post-Soviet states

Aidyn A. Askerov, Vadim M. Shneider

- Teaching the Azerbaijani language in RSUH in the context of the development of Russian-Azerbaijani relations 73

Aleksandra A. Bychek

- Legal regulation of gender relations among Muslims of Ukraine and Uzbekistan 85

Interstate cooperation in Eurasia

Marina V. Sharueva

- Economic and humanitarian cooperation between Russia and Tajikistan in the post-Soviet period 96

Anton D. Prudnikov

- Development of relations between China and Ukraine in Russian studies of the 2010s 110

Alena A. Zyuzina

- Uniting Eurasia. Prospects for the development of the Northern Sea Route 126

Review and bibliography

Aleksandr S. Levchenkov

- Book review: Pivovarov, E.I. (ed.), Wittenberg, E.Ya., Mukhin, M.Yu. and Khanova I.E. (2022), Publications of the Institute of post-Soviet and interregional studies, is. 5: Kyrgyzstan' Studies, RGGU, Moscow, Russia 135

Содержание

Этнополитические движения в постсоветских республиках

О.Г. Казак

- Институционализация западнополюсского этнополитического движения в Беларуси: функционирование Общественно-культурного объединения «Полісьсе» (1988–1995) 10

Места памяти и историческая политика

Е.А. Косован

- Память о столичном периоде в городском пространстве современного Семей (Республика Казахстан) 38

Актуальные политические процессы в Центрально-Азиатском регионе

К.А. Кудаяров

- Аналитические центры Казахстана и Узбекистана 60

Социально-гуманитарные проблемы постсоветских государств

А.А. Аскеров, В.М. Шнейдер

- Преподавание азербайджанского языка в РГГУ в контексте развития российско-азербайджанских отношений 73

А.А. Бычек

- Правовое регулирование гендерных отношений в среде мусульман Украины и Узбекистана 85

Межгосударственное сотрудничество в Евразии

М.В. Шаруева

- Экономическое и гуманитарное сотрудничество России и Таджикистана в постсоветский период 96

А.Д. Прудников

- Развитие отношений Китая и Украины в российских исследованиях 2010-х гг. 110

А.А. Зюзина

- Объединяя Евразию: перспективы развития Северного морского пути ... 126

Критика и библиография

А.С. Левченков

- Рецензия на книгу: Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. 5: Кыргызстановедение / Редкол.: Е.И. Пивовар (отв. ред.), Е.Я. Виттенберг, М.Ю. Мухин, И.Е. Ханова. М.: РГГУ, 2022. 305 с. 135

Этнополитические движения в постсоветских республиках

УДК 323.1(476)

DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-10-37

Институционализация западнополесского этнополитического движения в Беларуси: функционирование Общественно-культурного объединения «Полісьсе» (1988–1995)

Олег Г. Казак

*Белорусский государственный экономический университет
Минск, Беларусь, olegkazak90@tut.by*

Аннотация. В статье проводится анализ функционирования Общественно-культурного объединения «Полісьсе» в контексте общественно-политической и национально-культурной жизни Беларуси в период советской перестройки и в первые годы независимости. Рассмотрены различные аспекты деятельности организации в структуре Белорусского фонда культуры, а также в союзе с иными политическими силами (Белорусский народный фронт, украинская партия «Рух», «Партия народного согласия», «Координационный комитет общественных и политических движений Республики Беларусь», «Народное движение Беларуси»). Предпринята попытка составления политического портрета лидера западнополесского движения Николая Шеляговича. В статье анализируются аргументы противников западнополесского движения из числа представителей властных и интеллектуальных элит Беларуси (недопустимость политизации этничности, антинаучность утверждений о существовании отдельного западнополесского народа, отсутствие объективных предпосылок для автономизации полесского региона). Основу источниковой базы исследования составили впервые введенные в научный оборот документы Национального архива Республики Беларусь и Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси (обращения лидеров западнополесского движения в различные инстанции, аналитические записки, направленные в Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики / Республики Беларусь, протоколы заседаний академических институтов, на которых обсуждалась деятельность Общественно-культурного объединения «Полісьсе»).

© Казак О.Г., 2022

Ключевые слова: национальная политика, общественно-политическая жизнь, западнополюсское движение, объединение «Полісье», Николай Шелягович, сепаратизм

Для цитирования: Казак О.Г. Институционализация западнополюсского этнополитического движения в Беларуси: функционирование Общественно-культурного объединения «Полісье» (1988–1995) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 10–37. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-10-37

Institutionalization of the Western Polesie ethno-political movement in Belarus. The functioning of the socio-cultural association “Polisse” (1988–1995)

Oleg G. Kazak

*Belarusian State Economic University
Minsk, Belarus, olegkazak90@tut.by*

Abstract. The article is analyzing the functioning of the socio-cultural association “Polisse” in the context of the socio-political and national-cultural life of Belarus during the period of Soviet “Perestroika” and in the first years of independence. It considers various aspects of the organization’s activity in the structure of the Belarusian Cultural Foundation, as well as in alliance with other political forces (Belarusian People’s Front, Ukrainian Party “Rukh”, “Party of People’s Accord”, “Coordinating Committee of Public and Political Movements of the Republic of Belarus”, “People’s Movement of Belarus”). An attempt is made to draw up a political portrait of the leader of the Western Polesie movement Nikolai Shelyagovich. The article also analyzes the arguments of the opponents to the Western Polesie movement from among the representatives of the power and intellectual elites of Belarus (inadmissibility of politicization of ethnicity, anti-scientific statements about the existence of a separate West Polesie people, lack of objective prerequisites for the autonomization of the Polesie region). The basis for the source base of the work were first introduced into the scientific turn-over documents of the National Archives of the Republic of Belarus and the Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus (appeals of the leaders of the West Polesie movement to various authorities, analytical notes sent to the Commission on National Policy and Interethnic Relations of the Supreme Council of the Byelorussian Soviet Socialist Republic / Republic of Belarus, minutes of meetings of academic institutions, at which the activities of Socio-cultural association “Polisse” were discussed).

Keywords: national policy, social and political life, Western Polesie movement, association “Polisse”, Nikolai Shelyagovich, separatism

For citation: Kazak, O.G. (2022), “Institutionalization of the Western Polesie ethno-political movement in Belarus. The functioning of the socio-cultural association “Polisse” (1988–1995), *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 10-37, DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-10-37

Активисты западнополесского движения, зародившегося в 1980-е гг. в Советской Белоруссии, отстаивали идею существования отдельного полесского (ятвяжского) этноса и добивались национальной-культурной автономии для региона его проживания (отдельные районы Брестской области). Лидером движения стал филолог, поэт и публицист Н.Н. Шелягович, опубликовавший в 1985 г. первую подборку стихотворений на западнополесском говоре.

Институционализация движения началась в апреле 1988 г., когда Н.Н. Шелягович и группа его единомышленников (в большинстве своем это были представители интеллигенции, родившиеся в Брестской области и проживавшие в Минске) создали Общественно-культурное объединение (далее – ОКО) «Полісьсе».

Согласно Уставу, объединение ставило перед собой следующие цели: собирать, исследовать и пропагандировать духовную и материальную культуру этнического Полесья; приобщать уроженцев этнического Полесья к достижениям мировой и советской культуры посредством полесских говоров и их литературной нормы – полесского языка; всемерно способствовать развитию полесскоязычного и полесского этнокультурного творчества; принимать участие в решении экологических и других вопросов этнического Полесья¹.

Руководство ОКО «Полісьсе» сумело привлечь к деятельности организации известных ученых (прежде всего филологов и историков), писателей и поэтов, среди которых были корреспондент республиканской газеты «Звезда» («Звезда») А.М. Лукашук, писатель А.И. Трушко (псевд. Алесь Наварич), поэт Н.Н. Минзер, историк, профессор Минского института культуры Л.Р. Козлов, философ, сотрудник Академии наук (далее – АН) БССР Г.А. Антонюк, его коллеги филологи Ф.Д. Климчук, И.И. Лучиц-Федорец и другие [Цадко 2016, с. 80].

Среди части белорусской интеллигенции была популярной версия о том, что создание организации инспирировали власти БССР для «сдерживания», «торпедирования» белорусского национально-культурного возрождения, чтобы не допустить перерастания последнего в сепаратистскую инициативу по выходу Белоруссии из состава Советского Союза. В частности, «покровителем» Н.Н. Шеляговича и его соратников называли заведующего отделом агитации и пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии (далее – ЦК КПБ)

¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 974. Оп. 1. Д. 2033. Л. 29.

С.Е. Павлова, который не стал чинить препятствий деятельности культурной организации, а также разрешил выход странички «Балесы Полісья» («Голоса Полесья») в издании Центрального комитета Ленинского коммунистического союза молодежи Белоруссии «Чырвоная змена» («Красная смена»). Сам лидер западнополесского движения в одном из интервью отрицал якобы имевшее место «взаимовыгодное сотрудничество» с влиятельным партийным функционером:

Да, я убедил его, Савелий Ефимович пошел навстречу – нормальное, обычное дело. Но нельзя же в самом деле бесконечно, во всех случаях оплевывать человека, потому что он пользуется негативной репутацией. У меня нет морального личного права чернить этого человека. Как административное лицо в ситуации с «Полесьем» он оказался на высоте. Хотя мог отказать, высмеять, обругать. Почему поступил именно так – совершенно иное дело. Кстати, с той полесской страничкой я несколько раз обращался в революционно-демократический «ЛіМ», но получал неизменно невразумительное «нет». И патриотическая «Маладосць» ушла в сторону... И после этого мне напыщенно заявляют: «Ты не имел права обращаться за помощью к человеку со славой реакционера!» Извините, такая логика мне кажется извращенной, казуистической, здесь типичная попытка свалить все с большой головы на здоровую. Я имею право заявить: Павлов ничем не хуже так называемых демократов, которые его клеймят, а сами топят всех, кто кажется им балластом².

В соответствии с нормативными актами того времени созданное общество могло действовать под эгидой уже существующей институции в качестве коллективного члена. Выбор активистов западнополесского движения пал на Белорусский фонд культуры (далее – БФК). Вопрос о регистрации ОКО «Полісьсе» рассматривался на заседании Президиума правления БФК 5 октября 1988 г. Все члены Президиума положительно отнеслись к инициативе по возрождению материальной и духовной культуры полесского края. Лишь А.И. Вертинский (белорусский советский поэт, драматург) выразил несогласие с тем, что организация создавалась в столице Советской Белоруссии: «Такое объединение должно создаваться на Полесье»³. Остальные участники заседания не увидели в этом какой-либо проблемы. Белорусскому филологу Н.В. Бирилло (был известен как автор

² Уліцёнак А.Л. Іншадумцы. Мінск: Беларусь, 1991. С. 134.

³ НАРБ. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 12. Л. 81.

работ по диалектологии) было поручено оказывать организационную поддержку деятельности ОКО⁴.

Уже спустя месяц после регистрации ОКО «Полісьсе» его лидер Н.Н. Шелягович отправил письмо Первому секретарю ЦК КПБ Е.Е. Соколову, в котором просил оказать содействие многочисленным культурным инициативам общества (создание научных, музейных центров, публикация материалов на западнополесском диалекте и др.). БФК обратился за разъяснениями по сути изложенных Н.Н. Шеляговичем предложений к ряду экспертов. «Куратор» ОКО «Полісьсе» Н.В. Бирилло в своем заключении отметил, что большинство предложений были преждевременными. Филолог считал, что общество только начинает свою деятельность, даже не разработало ее детальную программу. По мнению Н.В. Бирилло, ОКО следовало заниматься «сбором, сохранением и пропагандой культурного достояния этнографического Полесья»⁵, а не попытками кодификации нового литературного языка.

Для достижения целей, по убеждению автора заключения, достаточно было наладить взаимодействие с городскими и школьными музеями региона, а не создавать новые научные центры. Н.В. Бирилло крайне скептически относился к идее создания западнополесского языка:

Литературные языки возникают тогда, когда консолидируется народ или нация, для которых необходим самостоятельный язык. На Полесье есть белорусы и украинцы, потребности в языковых отношениях удовлетворяют существующие литературные языки. Если у кого-то есть потребность в самовыражении на родном для него диалекте, он имеет право писать литературные произведения с сохранением его особенностей. Но это не литературный язык⁶.

В экспертном заключении заведующего отделом диалектологии Института языкознания АН БССР Н.А. Михайлова также содержались крайне негативные оценки попыток Н.Н. Шеляговича и его единомышленников сформировать новый литературный язык:

Главным критерием при отборе особенностей так называемого «литературного языка» для Н.Н. Шеляговича является отыскание экзотических узорегиональных черт, фактов, явлений, которые таким образом распространяются на значительно большую территорию, где они необычные, непонятные и противоречат законам местного говора⁷.

⁴ НАРБ. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 12. Л. 81.

⁵ Там же. Д. 33. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 5–5об.

⁷ Там же. Л. 7.

Н.А. Михайлов поддерживал идею всестороннего изучения культуры Полесья, но подчеркивал, что заниматься этим должны профессионалы с профильной подготовкой:

Резонным является предложение Н.Н. Шеляговича относительно создания Полесского научно-культурного центра со штатом научных работников. Однако, на наш взгляд, такой центр целесообразно открывать не в Минске, а в Бресте, вначале, например, при областном краеведческом музее или педагогическом институте, где для этого имеются необходимые реальные условия. В состав этого центра должны были бы войти высококвалифицированные специалисты из разных отраслей наук, а возглавить – авторитетный, хорошо подготовленный ученый. Считаем, что кандидатура Н.Н. Шеляговича как руководителя научно-культурного центра абсолютно неподходящая, поскольку он не имеет необходимой основательной филологической подготовки⁸.

Письмо Н.Н. Шеляговича Е.Е. Соколову и отзывы экспертов на него обсуждались на заседании Президиума правления БФК 10 января 1989 г. Особой эмоциональностью отличалось выступление режиссера В.Т. Турова:

Надо создать отдел при АН БССР или институт по изучению и развитию полесской культуры. Но мы одна нация, один народ, и конфронтация с культурой несовместима⁹.

В постановлении заседания Президиума правления БФК отмечалась недопустимость скоропалительных решений в полесском вопросе:

Проблема имеет место, но поспешных шагов делать нельзя. Решать проблему в данной связи с учеными, опираясь на их исследования. Провести организационную и научную работу по разработке проблемы, которая ляжет в основу работы конференции. Включить в работу по подготовке конференции АН БССР, Министерство культуры¹⁰.

Многие руководители БФК довольно скоро поняли, что активисты ОКО «Полісьсе» вместо анонсированной работы по изучению региональной культуры занимались политизацией проб-

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же.

лемы. На заседании Президиума правления БФК 23 февраля 1989 г. был поставлен вопрос о желательности функционирования организации непосредственно на территории Полесья. В постановлении заседания отмечалось:

С целью усовершенствования дальнейшей работы, приближения деятельности к полесскому региону считать необходимым предложить объединению «Полісьсе» зарегистрироваться при Брестском или Гомельском областных отделениях БФК; просить Гомельский университет имени Ф. Скорины и Брестский педагогический институт помочь объединению по-настоящему на научной основе начать культурно-просветительскую работу в регионе¹¹.

В ответ на подобный «демарш» правление ОКО «Полісьсе» на Втором общем собрании 15 апреля 1989 г. приняло решение продолжать свою деятельность «вне контакта с БФК» до выполнения последним ряда условий (юридическое оформление Устава ОКО, проведение в первой половине 1990 г. научной конференции, посвященной проблемам полесского региона, «оказание должной моральной и материальной поддержки объединению в налаживании его деятельности»)¹².

Дальнейшие отношения между БФК и ОКО «Полісьсе» складывались неоднозначно. По всей видимости, во второй половине 1989 г. в них наметилось некоторое потепление. На заседании Президиума правления БФК 2 ноября 1989 г. было принято решение о проведении в Бресте и Пинске 9–10 декабря «литературно-художественных вечеров, посвященных этническому возрождению Полесья»¹³. На следующем заседании (23 ноября 1989 г.) было решено оплатить участникам этих мероприятий (Н.Н. Шелягович, заслуженный артист БССР В.А. Мищенко, литераторы А.И. Трушко, В.В. Брыль, Н.Н. Минзер) командировочные расходы за счет средств БФК¹⁴.

Заседание Президиума правления БФК 14 декабря 1989 г. утвердило проведение очередных мероприятий, инициированных ОКО «Полісьсе». Положительно был решен вопрос о проведении в Пинске 13–14 апреля 1990 г. «республиканской конференции по проблемам Полесья» (утверждена смета в 2,5 тыс. руб.). Председателем оргкомитета конференции был назначен профессор

¹¹ НАРБ. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 12. Л. 69.

¹² Там же. Л. 77.

¹³ Там же. Л. 100.

¹⁴ Там же. Л. 125.

Белорусского государственного университета (далее – БГУ), доктор филологических наук А.Е. Супрун, заместителями председателя – академик АН БССР Н.В. Бирилло и проректор Брестского пединститута В.В. Мелешкевич, секретарем – Н.Н. Шелягович. Также было решено провести 27 февраля 1990 г. в Минске «благотворительный Полесский литературный вечер»¹⁵.

«Ятвяжская» (Западнополеская) научно-практическая конференция (по техническим причинам состоялась не в Пинске, а в Минске в апреле 1990 г.), организованная ОКО «Полісьсе» при поддержке (в том числе финансовой) БФК, стала кульминацией сотрудничества двух институций. В заключении конференции (опубликовано на русском языке) говорилось о важности создания условий для окончательного формирования западнополесского этноса. В целом позитивно оценили творчество молодой генерации полесскоязычных авторов некоторые авторитетные участники конференции (крупнейший в мире специалист по славянским микроязыкам А.Д. Дуличенко, белорусский писатель, литературовед М.А. Тычина и другие) [Ятвјкжа 1990]. В последующем активисты западнополесского движения неоднократно ссылались на заключение конференции для обоснования своих требований.

Руководство БФК, несмотря на имевшие место разногласия с ОКО «Полісьсе», также признавало значение данной конференции. Председатель правления БФК И.Г. Чигринов в письме заместителю председателя Совета Министров (далее – СМ) БССР Н.Н. Мазай (документ не датирован, предположительное время его составления – лето 1990 г.) отмечал:

На Ваш запрос относительно ОКО «Полісьсе» сообщаем, что БФК является учредителем Объединения и всемерно поддерживает его деятельность, направленную на ятвяжское (западнополесское) возрождение. Нами совместно с Белорусским обществом «Знание», Министерством образования БССР и ОКО «Полісьсе» 13–14 апреля этого года была проведена ятвяжская конференция, которая детально рассмотрела все вопросы научного аспекта деятельности Объединения. Принципиальный вывод конференции – программа «Полісься», направленная на этнокультурное возрождение края, имеет все основания для реализации¹⁶.

Однако еще до начала конференции разворачивается новый виток противостояния между БФК и ОКО «Полісьсе». В декабре

¹⁵ Там же. Л. 153.

¹⁶ НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2286. Л. 210.

1989 г. Н.Н. Шелягович направил письмо в Президиум Верховного Совета (далее – ВС) БССР с просьбой осуществить перерегистрацию «Полісьсе» в качестве республиканско-региональной организации. Утверждалось, что такой статус более соответствовал масштабам и характеру деятельности объединения:

За полтора года своего существования общество сумело широко заявить о себе делами, инициативами, организовать несколько значительных акций, среди которых – создание проекта литературного полесского языка и проведение 9–10 октября сего года в Бресте и Пинске мероприятий, посвященных четырехлетию Ятвяжского Возрождения. В последнее время в зарубежной, центральной и республиканской печати опубликовано немало материалов на полесскую тематику. Нынешний статус объединения (эгида БФК) уже тормозит дальнейшее развитие его деятельности¹⁷.

Руководство ВС БССР обратилось в различные инстанции с просьбой проанализировать письмо Н.Н. Шеляговича и программные документы ОКО «Полісьсе», что породило новую волну дискуссий по проблеме.

Большинство организаций представило критические отзывы относительно деятельности ОКО «Полісьсе». В заключении Института языкознания АН БССР, кроме привычных констатаций нецелесообразности создания полесского литературного языка, подчеркивалось желание активистов объединения распространить его деятельность на другие советские республики (в частности, на УССР)¹⁸. Показательно, что большинство участников заседания ученого совета института, на котором обсуждались программные документы ОКО «Полісьсе» (5 февраля 1990 г.), признавали языковые особенности региона, позитивно оценивали публикации на полесских диалектах, но выступали против политизации западнополесского вопроса. В частности, А.А. Кривицкий (научный руководитель Н.Н. Шеляговича во время обучения последнего в аспирантуре Института языкознания) отметил:

Необходимо поддерживать идею создания культурных обществ под эгидой БФК. А это общество совсем не то, что хотелось бы видеть. Стоит ли говорить, что можно создать полесский микроязык? Можно приветствовать публикацию стихотворений, материалов. А поддерживать создание микроязыка, на мой взгляд, нельзя¹⁹.

¹⁷ НАРБ. Ф. 974. Оп. 2. Д. 2033. Л. 28.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 2033. Л. 36.

¹⁹ Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 406. Л. 14.

Схожей точки зрения придерживался Н.В. Бирилло:

При создании общества ставилась культурно-просветительская задача. Все, в том числе Шелягович, были вначале с этим согласны. В начале лета общество собирается проводить в Пинске конференцию (культурно-языковые проблемы, ятвяжская проблема). В рецензии необходимо подчеркнуть, что у организаторов этого общества смутное представление о формировании литературных языков. Те черты, которые Шелягович приписывает литературному полесскому языку, являются узкорегionalными. Многие придумано или взято из разных диалектов. Общество имеет право на существование с уставом культурно-просветительского [института] (фольклор, этнография, язык)²⁰.

И.И. Крамко считал, что ОКО «Полісьсе» могло сыграть свою роль в белорусском национально-культурном возрождении, но только в том случае, «если бы во главе общества стоял более подготовленный, квалифицированный человек вместо Шеляговича»²¹.

Оригинальную идею озвучил Г.А. Цыхун. Филолог считал, что поддержка полесских культурных инициатив со стороны руководства БССР могла быть использована в качестве контраргумента в возможных спорах с общественно-политическими силами Украины, которые выдвигали свои территориальные претензии на регион. При этом Г.А. Цыхун также скептически оценивал организационные способности Н.Н. Шеляговича:

Полесский микроязык может быть создан. Этому даже можно содействовать. На Украине его никто не признает, единственное место, где он может существовать – в Беларуси. Только он должен создаваться естественным путем, как и другие языки (предлагаются проекты, обсуждаются). Шелягович создает свой язык на очень архаических чертах, поэтому не видно перспектив развития этого языка, потому что все другие языки обычно образуются на современных говорах²².

Схожим по содержанию являлось заключение Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР (5 февраля 1990 г.). Его авторы утверждали, что диалекты имеются во всех языках мира, а требование признать каждый из говоров

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 16.

²² Там же. Л. 14.

отдельным литературным языком является абсурдным. Подчеркивалось отсутствие научно обоснованных оснований считать население Полесья отдельным этносом с единым литературным языком²³.

В заключении АН БССР, подготовленном по запросу Министерства юстиции БССР 25 июля 1990 г., основное внимание было уделено попыткам некоторых активистов ОКО «Полісьсе» во главе с его лидером трактовать население западнopolесского региона в качестве прямых потомков ятвягов. В документе приводились аргументированные доводы в пользу того, что это балтское племя было ассимилировано славянами до XIII в. и не оказало существенного влияния на этнокультурный облик местного населения, безусловно славянского по своей природе. В данном заключении, как и в других документах подобного рода, позитивно оценивалась возможность изучения культуры Полесья, но в то же время подчеркивалась опасность, которую несет в себе политизации этничности:

В программе и документах четко не определено конкретное отношение объединения «Полісьсе» к белорусскому государству и общественным объединениям и учреждениям (в том числе местным). Попытки организаторов объединения «Полісьсе» найти несуществующую западнopolесскую или ятвяжскую нацию с ее отдельными языком и культурой вводят людей, которые не владеют проблемой, в заблуждение относительно их национальной принадлежности, содействуют ослаблению национального единства и самосознания части белорусского народа, несут в себе опасность раскола нации на отдельные группы²⁴.

Еще более резкие оценки содержались в заключении «Общества белорусского языка» (общественное объединение, созданное в 1989 г. в целях поддержки белорусизации общественной жизни), также подготовленном в июле 1990 г. В документе утверждалось, что деятельность ОКО «Полісьсе» «может обострить межнациональные отношения путем создания искусственных преград для изучения белорусского литературного языка представителями групп населения республики разных национальностей, учреждения печатных органов на языке диалектов этнического белорусского Полесья, а также формирования, функционирования культурно-просветительских учреж-

²³ НАРБ. Ф. 974. Оп. 1. Д. 2033. Л. 39–40.

²⁴ Там же. Ф. 7. Оп. 10. Д. 2286. Л. 236–239.

дений, ориентированных не на ценности всей национальной белорусской культуры, а только на ее региональные особенности». Подчеркивалась нежелательность функционирования ОКО «Полісьсе»:

Если брать, по большому счету, деятельность «Полісься», независимо от воли его основателей, не может не быть направленной на разрушение белорусского этноса, культуры и белорусского языка²⁵.

В заключении Министерства юстиции БССР (27 июля 1990 г.) относительно ОКО «Полісьсе» отмечалось, что «в принципе, сама цель создания такой организации действующему законодательству не противоречит»²⁶. В то же время были выявлены некоторые юридические нюансы, позволявшие трактовать Программу и Устав объединения как некорректные (нечеткое определение статуса организации, вопросов финансирования). Основная претензия к тексту Программы была сформулирована следующим образом:

Анализ текста показывает, что практически все ее положения исходят из статуса автономии Етвязи как края, что не соответствует действительности²⁷.

В итоге попытка Н.Н. Шеляговича добиться перерегистрации объединения закончилась неудачей.

12 февраля 1990 г. Президиум правления БФК в очередной раз принимает решение о целесообразности «релокации» ОКО «Полісьсе»:

Просим Брестский Областной комитет КПБ, облисполком, Пинский Городской комитет КПБ, горисполком оказать всемерное содействие правлению ОКО «Полісьсе» при БФК в переезде и размещении в Пинске (выделение помещения для размещения правления, библиотеки с читальным залом, редакции бюллетеня «Балесы Полісься», предоставление 3–4 квартир, а также финансирование основных научно-просветительских программ и налаживание организационной работы объединения)²⁸.

²⁵ Там же. Л. 240–242.

²⁶ Там же. Л. 234.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.

БФК брал на себя обязательство выделить для этих нужд 10 тыс. руб.²⁹

3 апреля 1990 г. Н.Н. Шелягович сообщил о беседе с председателем Пинского горисполкома Л.В. Вильчинским. По словам чиновника, для помощи в переезде ОКО «Полісьсе» у города не было «ни возможностей, ни средств»³⁰. Н.Н. Шелягович просил БФК значительно увеличить сумму финансовой поддержки («до 45–50 тыс. или хотя бы до 25–30 тыс. руб.»)³¹. Президиум правления БФК на своем заседании 5 апреля 1990 г. принял решение отказать Н.Н. Шеляговичу в его просьбе³².

Все дальнейшие инициативы ОКО «Полісьсе» и его лидера Н.Н. Шеляговича не находили поддержки БФК. 29 ноября 1990 г. Президиум правления БФК отклонил предложение Н.Н. Шеляговича о включении программы этнокультурного возрождения Западного Полесья в число основных программ фонда и выделения в 1991 г. денежных средств на ее реализацию (Н.Н. Шелянович просил выделить 27 тыс. руб., из которых 12–15 тыс. руб. должны были пойти на фонд заработной платы для 2–3 освобожденных работников, столько же – на организацию культурно-массовых мероприятий и текущие расходы)³³.

В январе 1991 г. Н.Н. Шелягович сам поставил перед правлением БФК вопрос о переезде ОКО «Полісьсе» в Брест и просил для этой цели 50 тыс. руб. с условием возврата данной суммы в течение 1–2 лет, но получил отказ ввиду отсутствия у фонда средств³⁴. В марте 1991 г. Президиум правления БФК принял решение воздержаться от подписания письма ОКО «Полісьсе» Председателю СМ БССР В.Ф. Кебичу о принятии постановления о наделении ОКО правами и льготами самостоятельной организации. Кроме того, двум сотрудникам БФК (А.Я. Богдановой и В.А. Скворцову) было поручено «изучить деятельность ОКО “Полісьсе” как организации БФК»³⁵. 17 декабря 1991 г. ОКО «Полісьсе» было исключено из БФК решением Президиума правления фонда³⁶.

На отчетно-выборной конференции БФК, прошедшей 26 ноября 1992 г. (уже в независимой Беларуси), председатель прав-

²⁹ НАРБ. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.

³⁰ Там же. Л. 70.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 58.

³³ Там же. Л. 241, 248.

³⁴ Там же. Д. 56. Л. 2, 16.

³⁵ Там же. Л. 26.

³⁶ Там же. Д. 57. Л. 22.

ления фонда И.Г. Чигринов высказался о деятельности ОКО «Полісьсе». Была озвучена популярная среди представителей белорусской интеллигенции гипотеза о поддержке западнополесского движения властями БССР, руководству организации были вменены в вину необоснованные политические амбиции:

Хочу отметить, что недавно довелось исключить их структуры фонда ОКО «Полісьсе», которое ранее по подсказке сверху и при поддержке некоторых известных наших активистов функционировало при нашей организации. На мой взгляд, его деятельность стали определять не культурное просветительство, а непреодолимый амбициозный зуд, гипертрофированное представление о региональной исторической значимости в развитии нашего общества, для которого нет никаких оснований³⁷.

В последние месяцы существования СССР полесский вопрос вновь стал предметом рассмотрения центральных органов власти республики. Причиной послужило письмо правления ОКО «Полісьсе» (подписано заместителем председателя правления А.И. Трушко) председателю ВС БССР Н.И. Дементю. В документе содержались упреки в адрес руководства БССР, которое, по мнению активистов, отказывалось финансировать их инициативы и способствовать таким образом «западнополесскому возрождению». Авторы письма апеллировали к историческим фактам, якобы свидетельствующим о том, что власти Полесского воеводства межвоенной Польши признавали культурную самобытность местного населения, считали его отдельным народом, а не этнографической группой белорусов, украинцев, поляков или русских. Приводились данные переписи населения 1931 г., согласно которым большинство жителей региона назвали себя полешуками³⁸.

Данная система аргументации является ярким примером произвольной трактовки истории. Действительно, руководство Полесского воеводства Польши стремилось ограничить «нежелательные» для него культурные влияния (прежде всего белорусское и украинское) на полешуков, но делало это не ради удовлетворения потребностей данной этнической группы, а для облегчения процессов ее полонизации. Согласно опубликованным данным переписи 1931 г., большинство населения назвало себя не полешуками, а «тутэйшыми» («местными») [Казак 2015, с. 139–142].

³⁷ Там же. Д. 67. Л. 17.

³⁸ Там же. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4090. Л. 133об.–134.

В заключении письма утверждалось, что только поддержка государством инициатив ОКО «Полісьсе» давало возможность предотвратить центробежные тенденции в регионе:

Уничтожается культура – исчезает этнос. И вот, вначале не учитывают национальный аспект, а потом удивляются, что возникает экстремизм, национальная нетерпимость и как итог этого – кровь. Не полешуки могут сделать Карабах на своей древней земле, а невнимательность и некомпетентность местных и центральных властей³⁹.

В мае 1991 г. письмо А.И. Трушко и деятельность ОКО «Полісьсе» рассматривались на заседании Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям ВС БССР с участием приглашенных экспертов. Наиболее резкую оценку деятельности и программным документам организации дал депутат О.А. Трусов:

Нагнетается национальная напряженность, документы – антиконституционные; в данном случае мы имеем дело не с внутренним направлением, но ситуация управляется «сверху». В Беларуси существуют силы, которые заинтересованы в нагнетании напряженности, желании не выполнять «Закон о языках в БССР» (согласно данному закону, принятому в 1990 г., единственным государственным языком в БССР являлся белорусский язык. – О. К.). Кроме того, идет явная подтасовка фактов⁴⁰.

Филолог Г.А. Цыхун признал возможность формирования полесского микроязыка, но считал, что вариант, предложенный Н.Н. Шеляговичем, для этой цели не подходит. Ученый в несколько завуалированном виде повторил озвученную годом ранее на заседании ученого совета Института языкознания АН БССР идею, согласно которой полесский фактор мог быть использован как контраргумент в возможном споре с украинской стороной о территориальной принадлежности региона. Коллега Г.А. Цыхуна Н.А. Михайлов отметил, что «в деятельности ОКО “Полісьсе” ощущается политический уклон, об языках идет речь во вторую очередь»⁴¹.

12 июня 1991 г. на заседании Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям ВС БССР вновь рас-

³⁹ НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4090. Л. 134об.

⁴⁰ Там же. Л. 107.

⁴¹ Там же. Л. 108–109.

сма тривалась полесская проблематика. На этот раз на заседание были приглашены активисты ОКО «Полісьсе» (Н.Н. Шелягович, А.И. Трушко, председатель Пинской региональной гуртыны К.Л. Удовидчик, председатель Брестской региональной гуртыны В.А. Пташиц), а также чиновники из Министерства культуры и Министерства народного образования. Н.Н. Шелягович озвучил основные требования объединения: принять закон о западнopolесской этнической группе (народе); принять постановление о финансировании работы ОКО «Полісьсе» в полесском регионе; создать Западнopolесский культурно-просветительский центр. Большинство выступающих отмечали, что условия для оформления полесского литературного языка и организации образовательного процесса на нем еще не созрели, но при этом позитивно оценивали интерес активистов ОКО «Полісьсе» к культуре региона.

Подчеркивалась недопустимость политизации этнических факторов, которая могла стать причиной сепаратистских тенденций. Так, депутат М.В. Жебрак отметил:

Я приятно удивлен, что есть такие люди, которые так защищают свою культуру и языковые традиции. Я предлагаю одобрить работу этого объединения. Но главное, что мы должны признать, это территориальная целостность Белоруссии. И надо помнить, что мы живем в государстве Белоруссия. Что касается требования автономии, то это преждевременно. Нет никаких объективных условий. Это же касается и вопроса выделения средств – 9 млн руб. сегодня государство изыскать не может⁴².

В решении комиссии декларировались поддержка и одобрение деятельности ОКО «Полісьсе» по изучению народной культуры, фольклора и диалектов, содержался призыв активизировать эту работу путем сотрудничества со школами и музеями региона. В то же время комиссия «считала нецелесообразным принятие законодательных актов по созданию каких-либо автономных научных центров»⁴³. Отмечалось, что «жители Белорусского Полесья являются самобытной частью белорусского народа»⁴⁴.

1992 г. стал апогеем противостояния сторонников и противников западнopolесского движения. Бюро Отделения гумани-

⁴² Там же. Л. 130–132.

⁴³ Там же. Л. 135–136.

⁴⁴ Там же. Л. 136.

тарных наук АН Беларуси в этом году на своих заседаниях дважды рассматривало полесский вопрос. Автором первого обращения в АН был известный белорусский писатель и общественный деятель Н.С. Гилевич, который являлся одним из наиболее последовательных противников западнополесского движения. Его программная статья в издании Министерства культуры и Правления Союза писателей БССР «Літаратура і мастацтва» («Литература и искусство») в 1988 г. дала начало систематической критике ОКО «Полісьсе». Н.С. Гилевич считал, что создание нового литературного языка может привести к расколу белорусской нации:

Я посчитал бы всю эту «лингвистическую» шумиху нелепой, несвоевременной игрой, если бы не был уверен, что перед нами – продуманная стратегия, конечная цель которой – расчленить нашу нацию, для чего нужно подорвать основы ее прочности, ее единства. Известно, что одной из таких основ для каждой нации является ее общенациональный литературный язык⁴⁵.

Автор программной статьи также упрекал представителей белорусской интеллигенции, которые не замечали опасности, исходившей от активистов западнополесского движения.

В выпуске печатного органа ОКО «Полісьсе» – газете «Збудіне» («Пробуждение»; издавалась с 1989 г.) – за апрель 1992 г. было опубликовано открытое письмо активистов западнополесского движения (подписано упомянутыми Г.А. Антонюком и И.И. Лучиц-Федорцом, а также географом, доцентом БГУ Г.Я. Рылюком) на имя Председателя ВС Республики Беларусь С.С. Шушкевича и Председателя СМ Республики Беларусь В.Ф. Кебича (копия письма была направлена в Президиум АН). Авторы письма указывали на продолжавшиеся ассимиляционные процессы в среде западных полешуков, просили оказать государственную поддержку этносу, «находившемуся на грани исчезновения»⁴⁶. В письме был изложен план создания в структуре АН

⁴⁵ *Гілевіч Н.* Неабачліваць ці...безадказнась? // Літаратура і мастацтва. 1988. 21 лістапада. С. 5–6.

⁴⁶ *Антонюк Г., Лучиц-Федорец І., Рылюк Г.* Открытое письмо Председателю Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушкевичу и Председателю Совета Министров Республики Беларусь В.Ф. Кебичу // Збудіне. 1992. № 7. С. 1.

...специального центра (института) комплексных преимущественно фундаментальных научных исследований западнополесского этноса в области истории, социологии, философии, психологии, культуры, управления, права, политологии, языка, литературы, экономики, экологии и др., способного одновременно выполнять функции координации фундаментальных и прикладных исследований данного этноса в Белоруссии в целом и в Западном Полесье в частности, а также функцию подготовки соответствующих научных кадров⁴⁷.

Авторы письма считали, что такой институт должен был иметь 60–70 человек в штате и получать государственное финансирование в объеме 3–3,5 тыс. руб. в год⁴⁸.

Академик-секретарь Г.М. Лыч в итоговом докладе о деятельности Отделения гуманитарных наук АН за 1992 г. отметил:

Дважды бюро Отделения с приглашением специалистов наших институтов, Министерства культуры, Министерства образования, Белорусской энциклопедии собирались на их (писем. – О. К.) рассмотрение и обсуждение. И оба раза приходили к одному и тому же выводу, что летописные, археологические, антропологические, лингвистические, этнографические, статистико-демографические и другие данные убедительно свидетельствуют о принадлежности жителей Западного Полесья (так называемых полешуков) к единому общему этническому и культурному белорусскому сообществу, которое сформировалось на базе древнего славянского населения этого региона. Современное население Западного Полесья представляет собой по лингвистическим и этнографическим признакам отдельную диалектную группу близких говоров, которые образовались в зоне белорусско-украинского пограничья. Нет никаких научных оснований относить современное население этого региона по происхождению к потомкам иноязычной балтской этнической группы – ятвягам. В соответствии с этим нет лингвистически-этнографических предпосылок для выделения населения Западного Полесья в отдельную, самостоятельную этническую общность и для выделения его организационно-территориально в отдельную культурную и этническую автономию⁴⁹.

Деятельность ОКО «Полісьсе» обсуждалась на заседании ученого совета Института истории АН Беларуси 3 марта 1992 г. Звучали ставшие привычными обвинения в адрес Н.Н. Шеляговича и его соратников в том, что они действовали в интересах

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ЦНА НАНБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 437. Л. 25.

партийной номенклатуры и стремились саботировать процесс суверенизации Беларуси. М.М. Чернявский озвучил еще одну популярную концепцию, согласно которой активисты западно-полесского движения хотели присоединить регион к Украине. В то же время не все ученые столь негативно оценивали деятельность культурной организации. Так, А.Л. Киштымов заявил:

Иногда складывается впечатление, что СССР развалился и организуются десятки новых с теми же недостатками. Вот и сейчас мы должны дать справку – права или неправа эта организация. Перепутаны два вопроса – политический и научный. Было так в свое время (20-е гг. XX ст.), когда белорусов предлагали считать кривичами, а язык – кривским. В XIX в. в целом ряде статистических изданий ятвяги проходят⁵⁰.

По результатам обсуждения на ученом совете П.Ф. Лысенко и В.А. Полуяном было подготовлено открытое письмо, опубликованное в республиканском издании «Народная газета» и брестской областной газете «Заря» летом 1992 г. В письме приводились выдержки из статей газеты «Збудінне», авторы которых предлагали возможные пути решения вопроса государственной принадлежности Полесья (автономия в составе Беларуси или Украины, независимое государство и др.). Авторы письма-статьи делали особый акцент на украинском факторе в западнополесском движении. Приводились многочисленные исторические факты, доказывающие ошибочность аргументации активистов западнополесского движения, стремившихся обосновать существование отдельного ятвяжского народа⁵¹.

У активистов ОКО «Полісьсе» не было единого мнения по вопросу о государственной принадлежности западнополесского региона. Г.А. Антонюк указывал, что отдельные участники движения считали возможным создание независимого государства или присоединение региона к Украине либо к Польше, однако подавляющее большинство лиц, симпатизировавших деятельности ОКО «Полісьсе», выступало «за различные формы самоуправления, автономии Западного Полесья Беларуси»⁵².

⁵⁰ ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 962. Л. 25–29.

⁵¹ Лысенка П., Полуян У. Пазіцыі і амбіцыі Міколы Шаляговіча і яго папличнікаў. Аб нацыянальнай прыналежнасці Заходняга Палесся і пазіцыях кіраўнікоў аб'яднання «Полісьсе» // Заря. 1992. 16 июля. С. 4.

⁵² Антонюк Г. Западные полешуки: их путь во всемирной истории (краткая историческая справка) // Збудінне. 1993. № 9. С. 2.

Н.Н. Шелягович в своих интервью неоднократно озвучивал идею федерализации Беларуси, в результате которой государство стало бы «славянской Швейцарией»:

Я категорически против построения Беларуси как национального государства белорусов, в котором представители других народов республики являются национальными меньшинствами и стоят как бы на ступеньку ниже по сравнению с «истинными белорусами». Считаю, и неоднократно об этом заявлял в средствах массовой информации, что наша Беларусь должна стать своеобразной славянской Швейцарией, в которой равноправными являются все национальные общины – и белорусская, и русская, и западнополесская, и польская, и т. д. В языковом плане официальным языком нужно утвердить тот, который де-факто таковым и является – русский. А белорусский, западнополесский, польский должны стать языками прежде всего культуры, науки, образования⁵³.

С самого начала функционирования ОКО «Полісьсе» актуальным для его активистов являлся вопрос поиска политических союзников. В конце 1980-х гг. деятели западнополесского движения пытались наладить конструктивные взаимоотношения с Белорусским народным фронтом (далее – БНФ) – общественным объединением, которое выступало за возрождение белорусского языка и культуры и суверенизацию Беларуси. На учредительном съезде БНФ, состоявшемся 23–24 июня 1989 г. в Вильнюсе, присутствовали два «ятвяга» [Денисюк 2003, с. 132]. На съезде было озвучено обращение от имени ОКО «Полісьсе», опубликованное в газете «Балесы Полісься» на белорусском языке. Поддерживая белорусское культурное возрождение, авторы документа заявляли об аналогичном праве и для полешуков:

Мы хотим иметь свою автономию, развивать свою культуру. Мы хотим жить своим духом, говорить словами наших родителей, чтить традиции предков. Мы хотим, как и другие народы, людьми зваться. К сожалению, захотели мы этого позже вас, белорусов. Поэтому и отстаем, поэтому и удивительно вам слышать наши требования⁵⁴.

Незавидное состояние культуры полешуков объяснялось ассимиляционными процессами, жертвами которых, по мнению авторов обращения, были и другие народы СССР:

⁵³ Шеляговіч М. Аб здаровым працэсе гаварыць не прыходзіцца // Кобрынскі веснік. 1994. 7 мая. С. 2.

⁵⁴ Прамова ад імя ГКА «Полісьсе» на Устаноўчым з’ездзе БНФ // Балесы Полісься. 1989. № 3. С. 1.

Как ятвяги, так и белорусы и украинцы стремительно лишались памяти про свою историю, культуру, язык. И то, что на этническом Полесье сегодня нет ни одной полесской школы, не издается ни одной полесской газеты, беда не только этнических полешуков, но и белорусов и украинцев⁵⁵.

Вскоре отношения между ОКО «Полісьсе» и БНФ испортились: «национально ориентированные» представители белорусской интеллигенции обвиняли активистов западнополесского движения в сепаратизме, последние, в свою очередь, указывали на якобы имевшую место насильственную белорусизацию жителей полесского региона. Так, в одном из выпусков газеты «Збудінне» (октябрь 1992 г.) отмечалось:

К сожалению, белорусские радикальные националистские силы не просто обосновывают и пропагандируют идею о том, что западные полешуки Белоруссии – это белорусы, но устанавливают различные ограничения, том числе и в средствах массовой информации, на пропаганду идеи о том, что западные полешуки – отдельный этнос, причем коренной как на территории Белоруссии, так на территории Украины и Польши, препятствуют созданию условий для подготовки этнически ориентированной западнополесской интеллигенции, отказывают в создании для деятельности западнополесского ОКО «Полісьсе» таких же условий, какие созданы для белорусских, проводят массовую принудительную белоруссизации школ в Западном Полесье и др., а иные из них даже призывают «компетентные органы» включиться в борьбу с «Полісьсем», идейно-просветительская деятельность которого протекает в рамках закона и направлена на возрождение западных полешуков как этноса⁵⁶.

Несколько лучше складывались отношения между БНФ и ОКО «Полісьсе» в отдельных регионах. В 1991 г. была достигнута договоренность между пинскими структурами данных институций: активисты западнополесского движения декларировали необходимость изучения жителями региона государственного белорусского языка, деятели БНФ признавали право людей, считавших себя полешуками, «на свободный национальный выбор, а также на выбор и всемерное использование западнополесского (ятвяжского) языка как первого родного»⁵⁷.

⁵⁵ Прамова ад імя ГКА «Полісьсе»... С. 2.

⁵⁶ Черный паук инквизиции начал работу? // Збудінне. 1992. № 18. С. 2.

⁵⁷ Предае язык предков? // Пінскі веснік. 1991. 13 ліпеня. С. 3.

В это же время руководство ОКО «Полісьсе» делает попытку сближения с влиятельной украинской националистической организацией «Рух». В программной статье Н.Н. Шеляговича «С кем идет “Полісьсе”?» (сентябрь 1990 г.), опубликованной в газете «Збудінне», деятельность БНФ была подвергнута резкой критике, в то время как отношения ОКО «Полісьсе» с «Рухом» описывались в позитивных красках:

Натяжки же в наших отношениях с «Рухом» нет. Член Управы «Полісься» В. Лазорук входит в руководящие структуры «Руха», среди активистов этой организации и другие члены “Полісься” из Украины – профессор Е. Денисюк из Львова, В. Давидюк и Г. Аркушин из Луцка⁵⁸.

Однако такое сотрудничество продлилось недолго. Л.Р. Козлов в докладе «Проблема Полесья: Прошлое, настоящее, будущее», озвученном на конференции в Польше в 1992 г., отметил, что руководство «Руха» оказывало давление на своих членов, запрещая им принимать участие в деятельности ОКО «Полісьсе»⁵⁹. В 1994 г. лидер «Руха» В.М. Черновол в интервью белорусской газете «Звязда» («Звезда») охарактеризовал попытки обособить существование отдельного полесского народа как чистый вымысел, отметив, что вместо того, чтобы изобретать «фантастических ятвягов», необходимо просто гарантировать национальные и культурные права украинцев, компактно проживающих в Брестской области Беларуси [Шевченко 2008, с. 336]. Таким образом, ставка активистов ОКО «Полісьсе» на тактический союз с украинскими политиками себя не оправдала.

С 1992 г. Н.Н. Шелягович все больше склоняется к союзу с политическими силами, в той или иной степени критиковавшими процессы директивной белорусизации, разворачивавшиеся в первые годы независимости Беларуси. 11 апреля 1992 г. в Минске состоялся учредительный съезд «Партии народного согласия» (далее – ПНС). В партию вошли народные депутаты, преподаватели вузов, предприниматели, директора предприятий, многие представители управленческой элиты, которых отпугивали радикализм БНФ, необходимость знать белорусский язык и которым не нашлось «достойного места» во властных структурах⁶⁰. Н.Н. Шелягович на учредительном съезде был избран в Совет

⁵⁸ Шелягович М. С кем идет «Полісьсе»? // Збудінне. 1990. № 8. С. 4.

⁵⁹ НАРБ. Ф. 1564. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

⁶⁰ Котляров И.В. Социология политических партий. Минск: Белорусская наука, 2011. С. 275.

ПНС⁶¹. Сотрудничество с партией продлилось недолго. Н.Н. Шелягович со страниц прессы стал обвинять руководство ПНС в игнорировании полесского вопроса (в газете партии «Згода» («Согласие») не было опубликовано ни одного материала по данной проблеме), закрытом механизме принятия решений узкой партийной группой:

У ПНС есть люди, которые мнят себя едва ли не вождями нации и выдвигают на первый план личные интересы. Самореализоваться в таких условиях я не мог. Я не участвовал в выработке текущей политики, это меня не устраивало⁶².

17 сентября 1992 г. Н.Н. Шелягович как сопредседатель «Координационного комитета общественных и политических движений Республики Беларусь» (в комитет, кроме ОКО «Полісьсе», вошли Фонд Республики Беларусь по социальной защите военнослужащих действительной службы и запаса, Организация ветеранов Республики Беларусь, Славянской Собор «Белая Русь» и др.) выступил ведущим митинга «Согласие и реформы» в Минске. В «Обращении к народу Беларуси, ВС Республики Беларусь, правительству Республики Беларусь», принятом на митинге, содержались требования углубления интеграции со странами СНГ, повышения качества жизни, сворачивания рыночных реформ. Отдельно была принята резолюция «О государственных (официальных) языках Республики Беларусь», в которой содержались требования о наделении русского языка статусом второго государственного наравне с белорусским, праве местных органов власти по желанию населения предоставлять языкам национальных меньшинств статус официального языка. В резолюции митинга «О национальном возрождении народов Беларуси» содержалось прямое требование национальных прав для полешуков:

Нашу обеспокоенность вызывает то, что белорусскими национал-патриотами, а по их инициативам и белорусскими властями упорно игнорируется законное право западных полешуков развиваться как самостоятельный народ, сохранять и развивать свои древние язык и культуру⁶³.

⁶¹ Документы Учредительного съезда Партии народного согласия. Минск, 1992. С. 22.

⁶² Ёсць такі народ! Заходнепалескі... А я яго лідэр. Палітычны // Чырвоная звызда. 1993. 11 чэрвеня. С. 2.

⁶³ НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4168. Л. 171–174.

К концу 1992 г. на базе «Координационного комитета общественных и политических движений Республики Беларусь» формируется «Народное движение Беларуси» (далее – НДБ), в состав руководства которого входит Н.Н. Шелягович (по его собственным словам, он «возглавлял комиссию, которая курировала национальные и идеологические вопросы»⁶⁴). Лидер НДБ С.В. Гайдукевич признал влияние Н.Н. Шеляговича «как на образ, так и на идеологию» движения⁶⁵. В 1994 г. инициатива Н.Н. Шеляговича о выдвижении на пост Президента Республики Беларусь не была поддержана НДБ, в результате чего ОКО «Полісьсе» вышло из его структуры⁶⁶. Лидер западнополесского движения не смог собрать необходимое для регистрации в качестве кандидата в президенты число подписей.

Осенью 1994 г. в одном из интервью Н.Н. Шелягович так характеризовал опыт участия ОКО «Полісьсе» в НДБ:

Общественно-политическая ситуация в республике характеризовалась противостоянием двух тенденций – коммунистической, в национальном плане нигилистической и белорусско-националистической. Это противостояние ничего доброго не предвещало. Конфронтация в обществе усиливалась. И в этих условиях НДБ выполнило свою задачу: объединив левые и центристские организации, оно притушило радикализм коммунистов и тем самым лишило БНФ «красной тряпки», с помощью которой он раззадоривал свою неумную агрессивность. НДБ сыграло стабилизирующую роль. Но потом стало откровенно прокебичским движением (В.Ф. Кебич – Председатель СМ БССР / Беларуси в 1990–1994 гг. – О. К.), произошел крен, абсолютизация власти внутри структуры его руководством. Да по большому счету и роль движения была исчерпана⁶⁷.

На волне критики белорусского национального проекта ОКО «Полісьсе» сближается со Славянским Собором «Белая Русь». Данная политическая сила придерживалась идеи цивилизационного единства всех восточнославянских народов (русских, белорусов, украинцев и русинов), а также выступала за их государственное объединение под эгидой России. В феврале 1993 г. в га-

⁶⁴ Ёсць такі народ!.. С. 2.

⁶⁵ Гайдукевич С. Лихое время. На осмотрительности не выедешь... // Рэспубліка. 1993. 12 мая. С. 9.

⁶⁶ Решение Управы ОКО «Полісьсе» // Збудінне. 1994. № 11–12. С. 1.

⁶⁷ Коноваленко Е. Мог стать оперным певцом, но его позвала политика // Дума. 1994. № 1. С. 6.

зете «Збудінне» была опубликована информация о подписании соглашения о сотрудничестве между Славянским Собором «Белая Русь» и ОКО «Полісьсе»⁶⁸. В Программе Славянского Собора «Белая Русь» наряду с требованием предоставления русскому языку статуса государственного языка содержалось следующее положение:

В местах компактного проживания населения, говорящего на других языках (польском, полесском и др.), обеспечить право получения образования на родном языке, равно как и право использования данного языка в повседневной жизни⁶⁹.

Впрочем, Славянский Собор «Белая Русь» не был влиятельной политической силой в Беларуси. Согласно данным республиканских социологических исследований, в мае 1995 г. рейтинг партии составлял 1,4%, в октябре 1995 г. – 1,3% [Котляров 2014, с. 117].

В 1994 г. по инициативе Н.Н. Шеляговича создаются структуры «Брестский выбор» и «Пинский выбор» с целью выдвижения кандидатов, симпатизировавших целям ОКО «Полісьсе», на выборы в центральные и местные органы власти. В данные структуры вошли директор предприятий и представители бизнеса. Так, в деятельности «Брестского выбора» принимали участие директор коврового комбината С.Х. Федорук, председатель правления «Бресткомбанка» И.И. Пацовский и другие⁷⁰. 26 июня 1994 г. на организационной базе «Брестского выбора» и «Пинского выбора» была создана «Партия всебелорусского единства и согласия» (далее – ПВЕС), которую возглавил Н.Н. Шелягович⁷¹. Лидер западнополесского движения предпринял очередную попытку стать влиятельным политиком республиканского масштаба. В программе ПВЕС западнополесский вопрос отдельно не упоминался, но легко прочитывался в требованиях расширения полномочий органов местной власти и предоставления национальной автономии этническим меньшинствам:

⁶⁸ Хронька // Збудінне. 1993. № 2. С. 1.

⁶⁹ «Сим победиши!»: Программа Славянского Собора «Белая Русь»: Принята на 2-м съезде, 12 декабря 1993 г. Минск: Славянский Собор Белая Русь: Науч.-пром. компания «Руян», 1994. С. 13.

⁷⁰ Гурин А. Устроит ли республику «Брестский выбор». Микола Шелягович чокнувся с Анатолией Зеленовским // Вечерний Брест. 1994. 11 марта. С. 2.

⁷¹ Котляров И.В. Социология... С. 292.

Соединение национально-культурной автономии с потребностями и возможностями местного самоуправления придает новое содержание традиционным институтам национальной жизни в многонациональной и многоконфессиональной среде, способствуют предотвращению межнациональных противостояний⁷².

Однако уже в ноябре 1994 г. Н.Н. Шелягович был смещен с должности и исключен из партии. Новым лидером ПВЕС был избран Д.П. Булахов⁷³.

Последним политическим событием Беларуси, в котором ОКО «Полісьсе» приняло активное участие, стали выборы в ВС Республики Беларусь 1995 г. Так, в различных округах Пинска свои кандидатуры выдвинули три члена объединения: Н.Н. Шелягович, М.А. Ивашевич (управляющий Пинским отделением Сберегательного банка Республики Беларусь, в 1987–1993 гг. являлся заместителем Председателя Пинского горисполкома) и Г.Н. Качановский (заместитель директора предприятия «Діло», в прошлом работавший заведующим организационно-правовым отделом Пинского горисполкома). Все кандидаты представили идентичные предвыборные программы, в которых, в частности, содержались требования открытия Западнополесского университета в Пинске и «Полесского народного банка, который помог бы развитию и укреплению экономических структур региона»⁷⁴. Ни один из кандидатов не был избран в Верховный Совет. В 1996 г. Н.Н. Шелягович покинул Беларусь.

Западнополесское этнополитическое движение, несмотря на амбиции его лидеров, не имело широкой популярности даже среди жителей региона. В июле–декабре 1992 г., когда движение находилось на пике своего развития, сотрудниками Института социологии АН Беларуси было проведено масштабное социологическое исследование, которое засвидетельствовало практически полное отсутствие особого «полесского» этнического самосознания у населения края. На вопрос о возможности выделения Западного Полесья в отдельный культурно-языковой регион Беларуси положительно ответили всего 7,3% опрошенных⁷⁵.

Таким образом, период функционирования ОКО «Полісьсе» при БФК свидетельствует о том, что значительная часть бело-

⁷² Программа Партии всебелорусского единства и согласия (основные положения) // Дума. 1994. № 1. С. 4.

⁷³ Котляров И.В. Социология... С. 292.

⁷⁴ Кандидаты в депутаты – активисты ОКО «Полісьсе» // Пинский вестник. 1995. 29 апреля. С. 2.

⁷⁵ НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4092. Л. 10–11.

русской «национально ориентированной» интеллигенции отнеслось к западнополесскому движению с сочувствием и симпатией, полагая, что деятельность Н.Н. Шеляговича и его единомышленников может объективно содействовать обогащению белорусского культурного наследия. Позже, однако, многие представители интеллектуальных элит БССР осознали, что руководство ОКО «Полісьсе» больше заботились о удовлетворении собственных общественно-политических амбиций и финансовое благополучие, а не кропотливая работа по изучению самобытной полесской культуры. Это и стало первопричиной конфликтов двух институций, завершившихся исключением ОКО «Полісьсе» из структуры БФК. Поиск возможных союзников для Н.Н. Шеляговича и его единомышленников не увенчался успехом. Западнополесское движение, во многом являвшееся ответной реакцией на директивную белорусизацию конца 1980-х – первой половины 1990-х гг., практически сошло на нет после прихода к власти А.Г. Лукашенко и референдума 1995 г. Абсолютное большинство населения Беларуси (в том числе Брестчины) высказалось за предание русскому языку статуса второго государственного (наравне с белорусским), тем самым выбрав более близкую для себя культурно-идентификационную модель.

Литература

- Денисюк 2003 – *Денисюк О.Л.* Неформальные объединения, общественно-политические движения, партии в СССР: предпосылки, становление, развитие (1985–1991 гг.). Минск: Белорусский гос. ун-т, 2003. 296 с.
- Ўтвѣрка 1990 – *Ўтвѣрка (Заходнышнопольска) штудыю-прахтыцка канфэрэнцыя* (Пыньск, 13–14 апреля 1990 р.): Матэрыялы. Пыньск: Громадско-культурнае згуртаванне «Полісьсе», 1990. 97 с.
- Казак 2015 – *Казак А.Г.* Падтрымка лакальнай ідэнтычнасці ў Цэнтральнай Еўропе (палітыка Польшчы на Палессі ў міжваенны перыяд і Венгрыі ў Падкарпацкай Русі ў 1939–1944 гадах) // Чацвѣрты Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі, г. Коўна, 3–5 кастрычніка 2014 г. / Пад рэд. А. Казакевіча, В. Смока, Т. Блашчака [і інш.]. Коўна: Універсітэт Вітаўта Вялікага, 2015. С. 139–142.
- Котляров 2014 – *Котляров И.В.* Политические партии Беларуси как симулякры социального пространства (социологическое измерение) // Докл. Нац. акад. наук Беларуси. 2014. Т. 58. № 4. С. 115–124.
- Цадко 2016 – *Цадко О.* Полесье и опыт национального конструирования (1988–1995) // Палітычная сфера. 2016. № 24 (1). С. 78–93.
- Шевченко 2008 – *Шевченко К.* Кризис идентичности и возникновение альтернативных этнических идентичностей у восточных славян: полешуки в Белоруссии // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. М.: Индрик, 2008. С. 318–342.

References

- Denisyuk, O.L. (2003), *Neformal'nye ob'edineniya, obshchestvenno-politicheskie dvizheniya, partii v SSSR: predposylki, stanovlenie, razvitie (1985–1991 gg.)* [Informal groups, socio-political movements, parties in USSR. Background, formation, evolution (1985–1991)], Belorusskii gos. universitet, Minsk, Belarus.
- Proceedings of the Yotvingian (Western Polesien) research and practical conference*, Pinsk, Belarus.
- Kazak, A.G. (2015), “Supporting of the local identity in the Central Europe (Polish politics in Polesie during the interwar period and Hungarian politics in Subcarpathian Ruthenia in 1939–1944)”, *Proceedings of the 4th International Congress of Belarusian Studies, October 2014*, Kazakevich, A., Smok, V., Blashchak, T. et al. (eds.), Vytautas Magnus University Press, Kaunas, pp. 139–142.
- Kotlyarov, I.V. (2014), “Political parties of Belarus as simulacra of social area (sociological dimension)”, *Doklady Natsional'noi akademii nauk Belarusi* [Reports of the National Academy of Sciences of Belarus], vol. 58, no. 4, pp. 115–124.
- Shevchenko K. (2008), “The identity crisis and the emergence of alternative ethnic identities in the Eastern Slavs. The Poleshuks in Belorussia”, in Florya, B.N. (ed.), *Belorussiya i Ukraina: Istoriya i kul'tura* [Belorussia and Ukraine. History and culture] (Yearbook 2005/2006), Indrik, Moscow, Russia, pp. 318–342.
- Tsadko, O. (2016), “Polesie and the experience in the nation-building”, *Political sphere*, no. 24 (1), pp. 78–93.

Информация об авторе

Олег Г. Казак, кандидат исторических наук, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь; 220070, Беларусь, Минск, Партизанский пр., д. 26; olegkazak90@tut.by

Information about the author

Oleg G. Kazak, Cand. of Sci. (History), Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus; bld. 26, Partizanski Avenue, Minsk, Belarus, 220070; olegkazak90@tut.by

Места памяти и историческая политика

УДК 908(574)

DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-38-59

Память о столичном периоде в городском пространстве современного Семей (Республика Казахстан)

Елена А. Косован

*Российский государственный гуманитарный университет
Россия, Москва, kosovan.ea@rggu.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме памяти о столичном периоде в городском пространстве современного Семей (Семипалатинска). Опираясь на концепцию Алейды Ассман о единстве памятования и забвения как равнозначных компонентов памяти, автор обращается к местам памяти Семей и, анализируя его историю, пытается ответить на ряд ключевых вопросов: каким образом Семипалатинск стал столицей Алашской автономии и что привело к утрате этого статуса; как статус столицы повлиял на городское пространство и какие материальные свидетельства «столичности» сохранились в данном пространстве по окончании столичного периода; какие образы «столичности» предлагают гражданам («потребителям памяти») власти страны и города (как официальные «производители памяти») и как эти образы воплощаются в конкретных местах памяти (мнемонических местах)? Автор подчеркивает, что основным смыслообразующим элементом памяти в данном случае является движение «Алаш», с которым ассоциируется Семипалатинск в качестве столицы Алашской автономии, а наиболее распространенным местом памяти о нем – городская топонимия (урбанонимия). В целом, по мнению автора, на уровне реального и символического ландшафта современного Семей памятование об Алашской автономии и, следовательно, о столичном периоде в истории города осуществляется довольно активно. Однако на республиканском уровне образ Семей как бывшей столицы довольно размыт, что связано, вероятнее всего, с кратковременностью «Алашского проекта» и ограниченностью суверенитета Алашской автономии.

Ключевые слова: политика памяти, коммеморация, топонимия, движение «Алаш», Семей, Семипалатинск, Казахстан

Для цитирования: Косован Е.А. Память о столичном периоде в городском пространстве современного Семей (Республика Казахстан) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 38–59. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-38-59

© Косован Е.А., 2022

Memory of the capital period in the urban space of contemporary Semey (Republic of Kazakhstan)

Elena A. Kosovan

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, kosovan.ea@rggu.ru*

Abstract. The article deals with the memory of the capital period in the urban space of modern Semey (Semipalatinsk). Based on the concept of Aleida Assman about the unity of remembrance and oblivion as equivalent components of memory, the author turns to the places of memory of Semey and, analyzing its history, tries to answer a number of key questions: how did Semipalatinsk become the capital of Alash autonomy and what led to the loss of that status; how the status of the “capital” influenced the urban space and what material evidence of “metropolitanity” remained in the space at the end of the capital period; what images of “metropolitanity” are offered to citizens (“memory consumers”) by the authorities of the country and city (as official “memory makers”) and how those images are embodied in specific places of memory (mnemonic places)? The author emphasizes that the main meaning-forming element of memory in that case is the Alash movement, with which Semipalatinsk is associated as the capital of the Alash Autonomy, and the city’s toponymy (urbanonymy) is the most common place to remember it. In general, according to the author, at the level of the real and symbolic landscape of modern Semey, the memory of Alash autonomy and, therefore, of the capital period in the history of the city is carried out quite actively. However, at the republican level, the image of Semey as a former capital is rather blurred, which is most likely due to the short duration of the Alash project and the limited sovereignty of Alash autonomy.

Keywords: politics of memory, commemoration, toponymy, “Alash” movement, Semey, Semipalatinsk, Kazakhstan

For citation: Kosovan, E.A. (2021), “Memory of the capital period in the urban space of contemporary Semey (Republic of Kazakhstan)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 38-59, DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-38-59

Введение

Толчком к созданию этой работы стала конференция «Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение», которая проходила 21–23 октября 2019 г. в московской Высшей школе экономики и на которой я выступала с докладом о городах степного фронта Российской империи, в разное время выполнявших роль центра казахского государства. Изучая феномен казахской «мигрирующей столицы», я подходила к нему с точки зрения классической теории выталкивающих/притягиваю-

щих факторов (*Push/Pull factors*) Э. Ли (разумеется, с поправкой на то, что в данном случае главным действующим лицом являлся город, а не человек) и фокусировалась преимущественно на причинах трансфера столичного статуса и на факторах, определяющих выбор того или иного города в качестве столицы. Утратившие этот статус города интересовали меня исключительно как поле действия «выталкивающих факторов», а их история в постстоличный период не казалась мне важной. Дискуссия, последовавшая за презентацией доклада, изменила ход моих мыслей.

Что происходит с городом после того, как он перестает быть столицей? Отправление столичных функций требует создания определенной инфраструктуры, которая сохраняется и после того, как город утрачивает столичный статус. Образ столицы, связанный с определенным городом, с определенным географическим локусом, входит в национальный исторический нарратив, структурируя его, и переосмысливается заново, когда происходит трансфер столичного статуса.

Известный урбанист Жан Готтман считал, что хотя в истории известны примеры деградации бывших столиц и превращения их чуть ли не в деревни, гораздо чаще их судьба складывается счастливо: утрачивая статус столичного, главного города страны, они могут оставаться центрами – религиозными, экономическими, культурными [Готтман 2013, с. 26–27].

Новейшая история Казахстана предоставляет исследователю богатый ассортимент бывших столиц – Семипалатинск (Семей), Оренбург, Кзыл-Орда (Кызылорда), Алма-Ата (Алматы) – с уникальной и одновременно типичной постстоличной судьбой. В данной работе речь пойдет о Семипалатинске – столице первого в казахской истории национального государственного образования – Алашской автономии.

В блогосфере Семипалатинск (с 2007 г. – Семей) был однажды назван «потерянной столицей»¹. Несколько лет назад и академик Национальной академии наук Казахстана Дихан Камзабекулы заметил, что бывшими казахскими столицами признают и Кызылорду, и Оренбург, а вот о Семипалатинске (Семее) почти не вспоминают².

¹ Потерянная столица в истории Казахстана [Электронный ресурс] // Платформа YVISION. 2011. 9 марта. URL: <https://yvision.kz/post/129430> (дата обращения 3 января 2020).

² Касенова К. Астане власти поют дифирамбы, о другой столице Алаш и не вспоминают [Электронный ресурс] // Радио Азаттык. 2010. 30 июня. URL: https://rus.azattyq.org/a/alash_capital_semei/2085958.html (дата обращения 22 декабря 2019).

Беспокойство Д. Камзабекулы вполне обосновано и обусловлено не только чувством абстрактной «исторической справедливости». Столица – не просто место, где размещаются центральные органы власти, но основной символ нации и государства, образ, в котором концентрируются представления народа о себе, о своем прошлом, настоящем и будущем. Столицы могут (и порой даже должны) меняться. Но память о них (а память мы понимаем двояко, как памятование (сохранение в памяти) и как забвение (утрату памяти)) означает больше, чем может показаться. «Теряя» столицу, мы «теряем» и тот период в истории государство- и нациообразования, который маркирует данный столичный город, стремимся забыть его – и задача историка в данном случае заключается в том, чтобы попытаться понять, что лежит в основе стремления сохранить память (что сохранить и как сохранить?), а что обуславливает стремление забыть (и здесь снова встают те же два вопроса: забыть что и забыть как?). Вопрос в том, действительно ли столичное прошлое Семья забыто или «потерянная столица» – не более чем эффектный публицистический образ?

Экскурс в историю города

Имперская история Семипалатинска типична для городов Западно-Сибирского фронта, которые начинали свой жизненный путь в качестве российских форпостов. Местоположение крепости Семипалатной в точке, где сходились земли России, Джунгарского ханства и казахских жузов и на перекрестье важных «скотопрогонных путей», связывавших Степной край с Синцзяном и Семиречьем [Джаниева 2007, с. 32; Мизимбаев 2019, с. 95], способствовало ее превращению в город Семипалатинск – значимый трансазиа́тский торгово-ярмарочный центр.

Как и многие другие города региона, Семипалатинск был городом полиэтничным. При этом русские преобладали, но не абсолютно, как в других городских поселениях Казахстана. В 1848 г. в городе проживало 7538 чел. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., «на 32 тыс. горожан 52% являлись православными, 41% – мусульманами» [Шиловский 2012, с. 260]. На рубеже XIX–XX вв. население Семипалатинска составляло уже 20,2 тыс. чел.³ Здесь жили русские, казахи, татары, узбеки, калмыки, евреи, поляки, немцы и представители некоторых других

³ Население Казахстана в 1917–1939 гг. [Электронный ресурс] // Портал “National Digital History”. 2013. 5 сентября. URL: <https://e-history.kz/ru/contents/view/1269> (дата обращения 20 ноября 2018).

этносов. Доля казахов составляла в 1883 г. 39,6%, а в 1907 – 25% [Мизимбаев 2019, с. 95].

Несмотря на довольно высокий процент казахского населения в Семипалатинске, несмотря на то что в самом городе и в его округе происходили активная перекрестная интеграция европейской и азиатской, кочевой и оседлой культур, глубокое (по сравнению с другими городами) взаимодействие между казахами и русскими [Сарсембаева 2017, с. 85], нужно понимать, что городская «европейская» цивилизация, принесенная в Степь Россией, была для казахов чуждой, что неоднократно отмечалось в историографии. Так, специалист в области казахской исторической демографии А.Н. Алексеенко писал, что в досоветский период основная масса казахов не только не имела опыта городской жизни, но сохраняла недоверчиво-враждебное отношение к городу, который воспринимался как враждебная среда, как источник колониальной власти [Алексеенко 2016].

Своеобразие Семипалатинска определялось не только этническими, но и ландшафтными особенностями. Семипалатинская крепость была заложена в 1718 г. на правом берегу Иртыша⁴. Вскоре она стала центром притяжения для многочисленных посредников, занимавшихся торговлей в степи, – выходцев из Поволжья, Западной Сибири, Средней Азии и Восточного Туркестана, так что к середине века возникла необходимость в устройстве особого «менового двора» – места, где велась бы торговля между русскими и казахскими купцами.

Специалист по истории Семипалатинска Виктор Кашляк писал, что в начале 1760-х гг. такой двор в виде маленькой крепости был построен на правом берегу Иртыша, а в конце того же десятилетия меновой двор построили на острове Полковничьем. На островном меновом дворе поместилась и таможня, так что левый берег реки оставался «за таможенной чертой»⁵. Однако вскоре купцам, торговавшим на Полковничьем, понадобились служебные и жилые помещения, которые разместить на острове было негде. В 1795 г. они получили разрешение на застройку левого берега Иртыша:

⁴ Первоначальный выбор места для постройки крепости оказался неудачным, и в 70-е гг. XVIII в. из-за неудобного военно-стратегического расположения и санитарных проблем Семипалатинская была перенесена на 12 верст выше по реке [Михнова 2007, с. 64].

⁵ *Кашляк В., Жуков П.* О Жоломане [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Объектив Восток». 2017. 6 октября. URL: <https://obvok.kz/2017/08/06/%D0%BE-%D0%B6%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B5/> (дата обращения 31 декабря 2019).

Устраивая на «заграничном» берегу р. Иртыша лавки и амбары, купцы выстроили возле них и дома для обслуживающего персонала. Таким образом и вследствие принятия некоторыми из служивших купечеству казахов оседлости возникли за рекою Иртышем, против г. Семипалатинска, две новые торговые слободки, в которых производилась свободная мена русских товаров на азиатские в значительных размерах⁶.

Так было положено начало Заречной слободе (или слободке) [Михнова 2007, с. 64], в истории которой отразился феномен разделенности Семипалатинска – существования Правобережья и Левобережья, – который наиболее точно определил знаменитый тюрколог Василий Радлов: «Иртыш у Семипалатинска рассматривается как подлинная граница внутренней империи, здесь кордон и взимается пошлина. Южные же степи рассматриваются как “заграничные места”» [Шерстова 2015, с. 114].

Заселенная преимущественно казахами Заречная слобода, или слободка, действительно была фактически отделена от собственно Семипалатинска и стремилась к административному обособлению. П.В. Михнова отмечает, что в XIX – начале XX в. она жила и развивалась по собственным законам и не подчинялась городским структурам, которые настойчиво пытались включить слободку в черту Семипалатинска. Особенно активно борьба Заречной слободы за самоуправление протекала с 1905 по 1916 г. и закончилась не в пользу зареченцев [Михнова 2007, с. 80].

Однако на пороге уже стоял революционный 1917 год, первым проявлением которого в истории Семипалатинска стало обособление Левобережья от Правобережья. Как указывает А.С. Жанбосинова,

11 мая 1917 г. Заречная слободка была преобразована в город Алаш с созданием Алашского исполнительного комитета с признанием власти Временного правительства и с подчинением Семипалатинскому Областному Исполнительному Комитету. Алашскому Исполнительному комитету пришлось отстаивать легитимное право на существование города отдельно от Семипалатинска с временным самоуправлением до решения дела в Учредительном собрании. Не получив признания от Временного правительства, 1 ноября 1917 г. жители Слободки решением общего собрания образовали особое самостоятельное городское управление, 19 ноября провели выборы гласных в Думу города Алаш, а 29 ноября получили от ВЦИК признание их права на самостоятельное существование города Алаш [Жанбосинова 2013, с. 22].

⁶ Там же.

Меньше чем через месяц, в декабре 1917 г., на заседании Общекиргизского съезда Семипалатинск был номинирован в качестве столицы «казак-киргизских областей». В протоколе заседания было зафиксировано следующее решение:

Образовать территориально-национальную автономию областей Букеевской орды, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской, киргизских уездов Ферганской, Самаркандской, Аму-Дарьинского отдела, Закаспийской области, смежных киргизских волостей Алтайской губернии, представляющих сплошную территорию с господствующим населением казак-киргизского единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка. Автономии казак-киргизских областей присвоить название «Алаш»... В целях спасения области Алаш от общего развала анархии организовать временный народный совет «Алаш-Орда»... Местом пребывания Алаш-Орда временно избрать Семипалатинск⁷.

Процесс выбора столицы оказался непростым: как отмечают Д.А. Аманжолова и В.В. Рыскулов, участники съезда разделились на две группы, образовавшие впоследствии восточное (центральное) и западное отделения Алаш-Орды⁸, причем между двумя этими группами возникли взаимосвязанные трения по вопросу о столице и относительно «политической ориентации» автономии [Жанбосинова 2013, с. 26]: первые («букейхановцы»), выступая за союз с Временным Сибирским правительством, считали, что столицей должен стать Семипалатинск, вторые («малоордынцы») стояли за сотрудничество с Туркестаном и за Ташкент в качестве столицы⁹.

Победили «букейхановцы», но Семипалатинск стал временной столицей, что необходимо подчеркнуть особо. Примечательно также, что резиденцией Алаш-Орды стала Заречная слободка [Аманжолова 2016а, с. 222–223; Аманжолова 2016b, с. 35; Кодар 2016, с. 71; Жанбосинова 2013, с. 40].

⁷ Из протокола заседания Общекиргизского съезда. Постановление об образовании национально-территориальной автономии казахов «Алаш» и предоставлении национальным меньшинствам экстерриториальной культурной автономии. 1917 г., 5–13 декабря, г. Оренбург // Мартыненко Н. Алаш-Орда: Сб. док. Кызыл-Орда: Айкап, 1929. С. 51–52.

⁸ Аманжолова Д.А., Рыскулов В.В. Председатель западного отделения Алаш-Орды Д. Досмухамедов и судьбы казахской интеллигенции в период сталинских репрессий [Электронный ресурс] // Центральноазиатский исторический сервер Kyrgyz.ru. 2008. 1 сентября. URL: www.kyrgyz.ru/articles/kazakh (дата обращения 3 января 2020).

⁹ Там же.

Столица Алашской автономии

Приобретение столичного статуса (пусть и временного) не привнесло в облик Семипалатинска радикальных изменений. Напротив, очень скоро обнаружилась полная неспособность этого города выполнять столь сложные функции. Несмотря на то что Семипалатинск считался крупным торговым городом, через который шел товарообмен со всем степным краем, он оставался провинциальным, даже захолустным. Архитектурный ландшафт Семипалатинска в первой четверти XX в. делал его похожим на многие другие провинциальные города Западной Сибири [Сарсембаева 2017, с. 82]. Каменные здания были здесь редкостью, обычно в них располагались административные учреждения. Многоэтажных зданий не было вообще. Европейская, аккуратная застройка осуществлялась только в центре города, он же поддерживался в чистоте, насколько это было возможно при сложном климате Семипалатинской области и скромных финансовых возможностях местных властей [Сарсембаева 2017, с. 87]. Для полноценной работы многочисленных городских учреждений, контор и организаций Семипалатинска не хватало не только денег, но и квалифицированных кадров [Сарсембаева 2017, с. 87]. Существенные изъяны были и в экономике города [Буктугутова 2007].

Ликвидировать все эти недостатки в двухлетний, к тому же политически крайне нестабильный период Алаш-Орда не могла и, риску предположить, не собиралась. Изменения, которые принес столичный статус, выразились прежде всего в том, что в городе Алаш появились соответствующие учреждения. Интересно, что, как разъясняет Султанхан Аккулы,

...размещение в новой столице стало возможным благодаря поддержке баев-меценатов, которые бескорыстно отдали свою недвижимость под правительственные учреждения. В частности, это Абдрахман Жусипулы, Ике Адильулы, Анияр Молдабайулы, Жумеке Оразалыулы и другие. Двухэтажный дом Александра Ерыкалова, в котором ранее находилось земское ремесленное училище, был отдан под штаб армии «Алаш» и военный госпиталь. Семипалатинский областной казахский народный суд и Семипалатинская уездная земская управа заняли дом Каражана Укибайулы [Аккулы 2015].

Кроме того, были осуществлены некоторые изменения в местной топонимике: в Алаше появилась, например, улица Алаш-Ординская [Сарсембаева 2017, с. 83].

Более масштабных изменений в городском ландшафте произведено не было, что не удивляет, учитывая условия, в которых реализовывался государственно-политический проект «Алаш».

Д.А. Аманжолова констатирует, что алашординцы, сделав ставку на сотрудничество с белыми и потерпев вместе с ними поражение, оказались в весьма невыгодном положении: в 1919 г. «их переход на сторону Советов определялся условиями победителя» [Аманжолова 2004, с. 116]. Так Алашская автономия была упразднена, ее сменила автономия социалистическая – Киргизская, столицей которой, несмотря на протесты алашевцев, стал Оренбург¹⁰.

За двухлетний столичный период наступила постстоличная советская эпоха, для которой было характерно неприятие Алашского государственного проекта. Первоначальное сотрудничество алашевцев с советским режимом не спасло их от репрессий [Кенжебаева 2011, с. 151], Алашский государственный проект признан националистическим и контрреволюционным [Кенжебаева 2011, с. 151], что негативно повлияло и на память о нем¹¹: советская власть не считала необходимым сохранять незначительное «столичное наследие» Алашского периода.

В то же время Семипалатинск как город эритерного типа¹² требовал трансформаций, которые привели бы его облик в соответствие с новой идеологией. Как отмечает Е.Я. Бурлина,

...у городского пространства в XX в. появляется новая стратегическая задача – задать временные координаты города будущего, разорвав связи с историческим городом прошлого. Модус будущего времени

¹⁰ Подробнее о столицах Казахстана см.: *Пивовар Е.И., Косован Е.А.* Феномен «мигрирующей столицы» на постсоветском пространстве (на примере Республики Казахстан) // Вестн. РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2019. № 1. С. 54–65; *Они же.* «Неведомые степные дали, открытые всем ветрам»: к юбилею Астаны // Тр. Ин-та постсов. и межрегион. исслед. РГГУ. Вып. 2: Казахстановедение. М.: РГГУ, 2019. С. 10–47.

¹¹ Среднее Прииртышье в источниках и материалах (1917–1990 гг.). Сб. док. и материалов. Т. 3 / Сост. Н.Е. Кузембаев. Павлодар: Кереку, 2008. С. 4.

¹² Эритерный город (от фр. *hériter* – наследовать) – это, согласно Ж.Б. Балдандоржиеву и Н.В. Эйльбарту, малый город с богатым культурным наследием, основанный в дореволюционный период. См. об этом подробнее: *Балдандоржиев Ж.Б., Эйльбарт Н.В.* Типология и классификация малых городов Восточного Забайкалья: социально-экономический и культурно-исторический аспект // Гуманитарный вектор. Серия «Философия, культурология». 2012. № 3 С. 158–167.

становится доминирующим для городской культуры. Патриархальная деревня в сознании человека XX в. теряет какую-либо ценность, а «суть» города в течение века начинает заново конструироваться [Бурлина 2012, с. 55].

Настоящий советский город – город эссорный, т. е. быстро развивающийся, меняющийся, урбосреда такого города высоко-утилитарна и интернациональна, а архитектурный ландшафт размечен маркерами в соответствии с ленинским планом монументальной пропаганды.

Именно так менялся Семипалатинск в советское время: перестав быть столицей, он сохранил «статус административного центра» (сначала губернии, потом округа, затем области), превратился в центр легкой и пищевой промышленности и работал на оборонный комплекс СССР [Сарсембаева 2017, с. 84]. Была решена и проблема разделенности города на Правобережье и Левобережье: во время строительства Туркестано-Сибирской магистрали через Иртыш был переброшен железнодорожный мост, а в 1961 г. появился мост автомобильный¹³.

Модернизация городской среды сопровождалась уничтожением зданий и сооружений, относящихся к имперскому периоду [Сарсембаева 2017, с. 84]. К сожалению, не сохранился и правительственный квартал Алаша. В наши дни на левом берегу Иртыша «единственным свидетелем правительственного квартала Алашской автономии» является мечеть Тыныбая Каукуенова, а на правом берегу – дом купца Анира Молдабаева (в нем находится музей «Алаш арыстары – Мухтар Ауэзов») ¹⁴.

Память в пространстве постсоветского Семеня

Распад Советского Союза и появление суверенной Республики Казахстан потребовали выработки новой стратегии исторической политики и создания нового пантеона героев. Потребность властных элит, общественных сил и национальных исторических школ в переоценке прошлого привела к пересмотру

¹³ См. об этом подробнее: *Кузина С.В.* Мосты, соединяющие людей [Электронный ресурс] // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 2. С. 8–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mosty-soedinyayuschie-lyudey> (дата обращения 1 января 2020).

¹⁴ *Даирбек А.* Правительственные кварталы Алашской столицы [Электронный ресурс] // Портал Qazaqstan tarihy. 2018. 3 января. URL: <https://e-history.kz/ru/publications/view/3763> (дата обращения 28 декабря 2019).

истории движения «Алаш» и Алашской автономии. Алашевцы были реабилитированы, а связанная с «Алаш» автономизация казахских земель (в контексте пробуждения особого интереса к вопросам становления национальной государственности) стала не только объектом научных исследований, но и элементом официальной политики памяти, осуществляемой властями независимого Казахстана¹⁵.

Переоценка исторического значения движения «Алаш» и Алашской автономии сопровождалась появлением новых мест памяти как на общегосударственном, так и на местном уровне. Согласно Пьеру Нора, места памяти или мнемонические места – то, что поддерживает и транслирует определенный нарратив о значимом прошлом. Это могут быть музеи и праздники, монументы и письменные памятники, названия населенных пунктов и улиц, кладбища и города-герои, спортивные соревнования и купюры и т. д., и т. п. [Нора 1999].

Поскольку столичный период в истории Семей ассоциируется именно с деятельностью алашевцев, можно допустить, что процесс мемориализации «Алаша» в городском ландшафте одновременно является формой мемориализации столичности.

В первую очередь к числу интересующих нас мест памяти следует отнести так называемый коммеморативный урбанонимический ландшафт, т. е. совокупность названий городских объектов, которые сохраняют память о значимых исторических событиях и лицах. Манипуляции урбанонимией – классический инструмент исторической политики, используемый повсеместно и остающийся эффективным, несмотря на свой крайне почтенный возраст.

В постсоветский период, с 1991 по 2019 г., в городе было переименовано 87 улиц¹⁶ и на городской карте появилось много названий, связанных с партией «Алаш». В 2017 г. Г.А. Сарсембаева отмечала, что «в городе есть улицы Дулатова, Бокейханова, Байтурсынова, Торайгырова, Каракерей Кабанбая, проспекты Шакарима, Ауэзова» [Сарсембаева 2017, с. 90], выделив, таким образом, только те городские объекты, которые названы в честь наиболее известных за пределами Казахстана алашевцев

¹⁵ *Кундакбаева Ж.* В поисках исторического нарратива Казахстана: «диалог памяти» или «национальная память» [Электронный ресурс] // Портал “National Digital History”. 2013. 10 августа. URL: <https://e-history.kz/ru/contents/view/627> (дата обращения 14 января 2020).

¹⁶ *Гуляева Е.* В Семей переименоуют семь улиц [Электронный ресурс] // Kursiv.kz. 2019. 16 мая. URL: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2019-05/v-semee-pereimenuyut-sem-ulic> (дата обращения 1 января 2020).

(Мухтара Ауэзова, Миржакипа Дулатова, Алихана Бокейханова и других). На самом деле в Семее гораздо больше объектов, имена которых восходят к членам партии «Алаш»: здесь есть улицы Жусипбека Аймаутова (Аймауытова), Халела Габбасова, Сабита Донентаева, Кокбая Жанатайулы, Раимжана Марсекова, Асылбека Сеитова, Маннана Тургамбаева (всего 15 урбанонимов).

Реже местом памяти об алашевцах становятся названия учреждений – например, городской университет и многопрофильная гимназия носят имя Шакарима Кудайбердиева. Интересно при этом, что гимназия еще и находится на улице Байтурсынова (А. Байтурсынов – один из виднейший алашевцев), тогда как Университет им. Шакарима располагается на улице Шугаева (К.А. Шугаев боролся за установление советской власти в Семипалатинской области).

Заслуживает внимания также проблема названия самого города. После распада СССР переименование Семипалатинска в Алаш выглядело бы логично. Однако этого не произошло. Город получил новое имя – Семей – только в 2007 г. и, по словам Нурсултана Назарбаева, исключительно из-за того, что его имиджу вредили ассоциации с Семипалатинским полигоном. Семей – имя исторически и политически нейтральное.

По информации акимата города, позже руководители Семее рассматривали предложение вновь переименовать левобережную часть города – Жана-Семей – в Алаш, однако оно было отвергнуто¹⁷.

В 2015 г. о необходимости переименовать Семей в Алаш писал историк Султанхан Аккулы¹⁸. Это предложение не имело последствий.

Наконец, последняя волна дискуссий вокруг имени города Семее поднялась, как и следовало ожидать, в период транзита власти – в марте 2019 г. Тогда несколько новостных порталов (Tengrinews.kz, Regnum.ru и др.) сообщили о том, что заместитель председателя демократической партии «Ак Жол» Казбек Иса предложил вслед за переименованием Астаны в Нур-Султан переименовать заодно Петропавловск, Павлодар и Семей, причем Семей – в честь руководителя Алашской автономии Алихана

¹⁷ В акиматах Семее и Степногорска ответили на предложения о переименовании [Электронный ресурс] // Tengrinews.kz. 2019. 27 марта. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/akimatah-semeya-stepnogorska-otvetili-predlozheniya-365892/ (дата обращения 1 января 2020).

¹⁸ Аккулы С. Тысяча дней Алаша [Электронный ресурс] // Informburo.kz. 2015. 8 июля. URL: <https://informburo.kz/stati/994-dnya-semipalatinskak-stolicy-pod-imenem-alah--6986.html> (дата обращения 1 января 2020).

Бокейханова¹⁹. Предложение вызывало некоторое оживление в соцсетях, но официальных, исходящих от первых лиц государства инициатив относительно подобного мероприятия не было, а акимат Семей отказался рассматривать вопрос о переименовании города.

Особую группу мест памяти составляют скульптурные памятники. В 1999 г. перед зданием университета им. Шакарима Кудайбердиева был установлен мраморный бюст поэта работы М. Жанболатова.

2008 г. в Центральном парке Семей был открыт памятник Шакариму работы Ш.А. Валиханова.

В 2017 г. установка памятника Алихану Букейханову работы Б. Мухаметжанова на улице Ленина стала первым торжественным мероприятием из цикла, посвященного столетию движения «Алаш». Любопытен комментарий, который дал по этому поводу Турдыкул Шанбай – руководитель научно-исследовательского центра «Алаштану»²⁰:

Вчерашние идеи «Алаш» – это сегодняшний независимый Казахстан. <...> Если убрать политическую составляющую движения, то необходимо сказать, что алашевцы стояли у истоков казахстанского образования. А если убрать даже это, нельзя забывать, что они стояли у истоков казахского искусства. <...> И... неслучайно алашординцы выбрали столицей Алаш-Орды город Семипалатинск, потому что это земля Абая и Шакарима, культурный центр Казахстана²¹.

¹⁹ *Алхабаев Ш.* Еще три города предложили переименовать в Казахстане [Электронный ресурс] // Tengrinews.kz. 2019. 25 марта. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/esche-tri-goroda-predlozili-pereimenovat-v-kazahstane-365769/ (дата обращения 1 января 2020); В Казахстане предложили переименовать Петропавловск, Павлодар и Семей [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. 2019. 25 марта. URL: <https://regnum.ru/news/society/2597786.html> (дата обращения 1 января 2020); В Казахстане предложили переименовать еще три города – подробности [Электронный ресурс] // Новостное агентство Sputnik. 2019. 25 марта. URL: https://ee.sputniknews.ru/world_news/20190325/15517374/kazakhstan-predlozhili-pereimenovat-goroda-podrobnosti.html (дата обращения 1 января 2020).

²⁰ НИЦ «Алаштану» был открыт 30 апреля 2016 г. на факультете истории, этнологии и археологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби.

²¹ Памятник Алихану Букейханову установили в Семее [Электронный ресурс] // Информационное агентство “BaigeNews.kz”. 2017. 22 сентября. URL: https://baigenews.kz/news/pamyatnik_alihanu_bukeihanovu_ustanovili_v_semee/ (дата обращения 15 февраля 2021).

Безусловно, особой значимостью обладают музейные формы мемориализации. Выше я уже упоминала дом Анияра Молдабаева (Молдабайулы) – это единственное здание «правительственного квартала Алашской автономии», которое сохранилось до наших дней. В 1910-е гг. там жили со своими семьями Алихан Бокейханов и Миржакип Дулатов, часто бывали другие участники движения «Алаш»²², т. е. дом действительно является мемориальным²³. В 1997 г. при участии Дихана Камзабекулы и Султанхана Аккулы там открылся первый в стране музей, посвященный движению «Алаш», – «Алаш арыстары – Мухтар Ауэзов» как отдел Государственного историко-культурного и литературно-мемориального заповедника-музея Абая «Жидебай-Борили»²⁴. В экспозиции музея представлены не только письменные документы и фотонаследие движения «Алаш», но и восковые фигуры А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, М. Ауэзова, Ш. Кудайбердиева²⁵.

Наконец, места памяти – это юбилеи, годовщины, тематические праздники и т. п. Выше уже шла речь о том, что в 2017 г. в Семее отмечали столетие движения «Алаш». Помимо открытия памятника Алихану Букейханову, в рамках юбилейных мероприятий были обновлены экспозиции в музее «Алаш арыстары – Мухтар Ауэзов», а в СГУ им. Шакарима прошла тематическая конференция²⁶. Воскрешение памяти о столичном периоде в истории Семейя связано и с празднованием Дня города 22 сентября.

К числу особых мнемонических мест можно было бы отнести и могилу Сабита Донентаева – поэта, журналиста, педагога,

²² Там, где живет дух свободы – музей «Алаш арыстары – Мухтар Ауэзов» в Семее [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство «Kazinform». 2020. 18 апреля. URL: https://www.inform.kz/ru/tam-gde-zhivet-duh-svobody-muzey-plash-arystary-muhtar-aezov-v-semee_a3639275 (дата обращения 25 марта 2020).

²³ Дом «Алаш Арыстары» в Семее [Электронный ресурс] // Информационный портал проекта «Рухани жаңғыру». URL: https://ruh.kz/geo/vko/dom_ash_aristari_v_semee (дата обращения 25 марта 2020).

²⁴ Там же; *Горбачева М.* Музей «Алаш арыстары – М. Ауэзов» в Семее [Электронный ресурс] // Deutsche Allgemeine Zeitung. 2019. 12 июля. URL: <https://daz.asia/ru/muzej-ash-arystary-m-aezov-v-semee/> (дата обращения 25 марта 2020).

²⁵ Дом «Алаш Арыстары» в Семее...

²⁶ Сто лет со дня создания движения «Алаш» [Электронный ресурс] // Сетевое издание Zakon.kz. 2017. 22 сентября. URL: <https://www.zakon.kz/4879446-sto-let-so-dnya-sozdaniya-dvizheniya.html> (дата обращения 3 января 2020).

связанного с движением «Алаш»²⁷. Однако в течение длительного времени это захоронение оставалось если не заброшенным, то запущенным и лишь в 2014 г. было приведено в порядок (примечательно, что при помощи павлодарского предпринимателя К. Есимханова). Активная память о Донентаеве связана скорее с его родиной – Павлодарским Прииртышьем, городом Аксу и селом Курколь, чем с Семеем.

Перечисленные примеры свидетельствуют о том, что семейская городская среда достаточно насыщена памятованием о столичном периоде, причем основополагающим элементом памяти о столичном периоде в истории Семей является движение «Алаш» – именно с ним ассоциируется получение городом столичного статуса, именно оно выступает в качестве основного символа столичности. Такая форма памятования выглядит довольно логично.

Однако мемориализацию движения «Алаш» можно назвать общей практикой в рамках исторической политики современного Казахстана, которая вписывается в логику формирования «контрпамятных мест, нарративных объектов, своеобразных территориальных вех досоветской истории» в качестве ответной реакции «на историческую/политическую несправедливость в отношении культурной памяти в советский период» [Медедуова 2020].

Поэтому урбанонимы, восходящие к именам лидеров «Алаш», есть не только в Семее, но и в Шымкенте, Актобе, Атырау, Экибастузе и других городах, которые никогда не были столицами. То же самое можно сказать и о других местах памяти – музейных экспозициях, скульптурных памятниках, праздниках и т. п. Учитывая, что в отличие от долговременных столиц (например, Алматы) Семей не унаследовал от «столичного» периода ни архитектуру, ни планировку, ни символику национально-государственного центра, можно сказать, что в городе не осталось ничего «специфически столичного», а современные практики памятования о столичном периоде не столько выделяют Семей среди других городов Казахстана, никогда не бывших столицами, сколько уравнивают его с ними. Не это ли порождает республиканский феномен «потерянной столицы»?

²⁷ Даирбек А. Правительственные кварталы Алашской столицы...; Миллер И. На смерть поэта [Электронный ресурс] // Экспресс К. 2017. 14 сентября. URL: https://express-k.kz/news/ekskursiya/na_smert_poeta-107880 (дата обращения 8 января 2020).

Интересна в этом отношении резонансная история о предоставлении Семейю особого статуса.

Информация о том, что президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев собирается присвоить Семейю некий особый статус, появилась в национальных СМИ в конце 2019 – начале 2020 г.²⁸ Журналисты при этом ссылались на приуроченную к 150-летию Абая Кунанбаева (1845–1904) статью Токаева «Абай и Казахстан в XXI веке» («Абай және ХХІ ғасырдағы Қазақстан»), где о Семее говорилось следующее:

Семей – одно из важных сакральных мест в истории Казахстана. Город Семей, играющий *особую роль в духовном развитии страны*, следует обозначить как *исторический центр* (курсив мой. – Е. К.). Родина Абая и Шакарима, Мухтара Ауэзова достойна особого почета. Мы будем комплексно развивать город в социально-экономическом плане, модернизировать объекты историко-культурного назначения в соответствии с современными требованиями. Поручаю правительству принять соответствующие меры по этому вопросу.²⁹

Вероятно, слова президента об особой роли Семейя в духовном развитии страны и его статусе исторического центра были истолкованы как обещание официально такой статус предоставить на фоне сообщений СМИ о действиях депутата мажилиса Азата Перуашева. В декабре 2019 г. он инициировал запрос о присвоении Семейю статуса города республиканского значения, констатируя, что «Семей достоин быть... на особом счету в нашей стране»³⁰.

Однако уже в конце первой декады января 2020 г. появилось опровержение, в котором указывалось, что журналисты неправильно поняли К.-Ж. Токаева. В частности, информационное

²⁸ См., например: Родина Абая и центр Евразии. Интересные факты о Семее [Электронный ресурс] // Новостное агентство Sputnik. 2020. 9 января. URL: <https://ru.sputnik.kz/spravka/20200112/12519438/interesnyefakty-semey.html> (дата обращения 15 февраля 2021).

²⁹ «Абай и Казахстан в XXI веке» – перевод статьи Президента РК Касым-Жомарта Токаева [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство «Kazinform». 2020. 24 февраля. URL: https://www.inform.kz/ru/abay-i-kazahstan-v-xxi-veke-perevod-stat-i-prezidenta-rk-kasym-zhomarta-tokaeva_a3618011 (дата обращения 16 февраля 2021).

³⁰ Мусина Р. «Семей достоин быть на особом счету в стране»: Перуашев прокомментировал свой запрос [Электронный ресурс] // Arnapress.kz. 2019. 18 декабря. URL: <http://www.arnapress.kz/obshchestvo/201131-quot-semey-dostoin-byt-na-osobom-schetu-v-strane-quot-peruashev-prokomentiroval-svoy-zapros-intervyu> (дата обращения 15 февраля 2021).

агентство “Informburo.kz” пояснило, что город Семей, безусловно, занимает значимое место в духовном развитии страны и в этом смысле уже обладает особым статусом; актуальной задачей являются не статусные трансформации, а превращение Семей в исторический центр с развитым социально-экономическим комплексом и модернизированными культурными объектами³¹.

В этой истории заслуживают внимания аргументы А. Перуашева в пользу наделения Семей особым статусом, изложенные им в интервью корреспонденту интернет-издания “Agnapress.kz”. Семей–Семипалатинск для А. Перуашева – это прежде всего «центр земли Абая, центр духовности Абая», человека, который стал «духовным учителем алашординцев (депутатский запрос и был приурочен к 175-летию Абая). Во вторую очередь это «столица “Алаш Орды”»³².

Рискну предположить, что на республиканском уровне Семей воспринимается в более широком, нежели столичный, контексте – это действительно в первую очередь некий духовный, культурно-исторический центр, который связан с именами Абая, Федора Достоевского и Мухтара Ауэзова; затем – это центр историко-политический, где «подняли знамя свободы» алашординцы³³; наконец, это особый локус памяти, связанный с травматическими событиями прошлого – испытаниями ядерного оружия.

То, что «столичность» Семипалатинска-Семей «теряется» среди других значимых статусов города, можно объяснить по-разному. Одним из главных факторов в данном случае является скорее всего кратковременность столичного периода в истории Семей: всего два с небольшим года, которые пришлось к тому же на Гражданскую войну. Столичный период оказался интерлюдией, которая маркировала переход от имперской эпохи в истории города к постимперской и потерялась на их фоне.

Кроме того, следует признать, что урбосреда Семипалатинска имела свои особенности, которые проявились в специфических условиях постимперского пограничья, междувластия и Гражданской войны и обусловили несколько необычный формат реализации столичных функций. Отмеченная В. Радловым

³¹ Статус города Семей официально не изменится [Электронный ресурс] // Новостное агентство Informburo.kz. 2020. 10 января. URL: <https://informburo.kz/novosti/status-goroda-semey-ocialno-ne-izmenitsya.html>+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения 15 февраля 2021).

³² Там же.

³³ Город Семей. Общий обзор по городу [Электронный ресурс] // Государственный архив Восточно-Казахстанской области. URL: <http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1572> (дата обращения 15 января 2020).

разделенность зоны Степного фронта на внешний и внутренний физически проявилась в разделенности города на Семипалатинск и Алаш; противоречия среди алашевцев сочетались с временным статусом, который получил Семей – он стал как бы исполняющим обязанности столицы непризнанной Алашской автономии, которую, в свою очередь, тоже хочется назвать переходной, транзитной формой национального самоопределения [Аманжолова 2004, с. 119].

Неопределенность, разделенность, транзитность, (кратко) временность, непризнанность – все это характеристики, которые делают Семей «призрачной столицей»: она была в истории Казахстана (память об этом сохраняется, что позволяет избежать «разрывов» в национальном историческом нарративе), но одновременно ее как будто и не было (отсутствует социально-политический консенсус относительно роли и значения «Семейского столичного проекта» в истории Казахстана и его вклада в становление независимого казахского государства).

Заключение

В 2017 г. семейский музей «Алаш арыстары – Мухтар Ауэзов» стал «участником» проекта «Сакральная география Казахстана»³⁴. Проект, инициированный президентом республики Н.А. Назарбаевым, нацелен на создание «культурно-географического пояса святынь Казахстана», который, в свою очередь, должен стать одним из основополагающих элементов «каркаса национальной идентичности»³⁵. Согласно идеологии проекта, сакральными объектами считаются

...особо почитаемые памятники природно-ландшафтного и культурного наследия, светской и культовой архитектуры, мавзолее, а также места, связанные с историческими и политическими событиями, имеющими непреходящую ценность в памяти народа Казахстана [Медуюова, Сандыбаева 2018, с. 437].

³⁴ *Сабеков С.* Ученые презентовали список 100 сакральных мест Казахстана [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство “Kazinform”. 2017. 16 августа. URL: https://www.inform.kz/ru/uchenye-prezentovali-spisok-100-sakral-nyh-mest-kazahstana_a3055505 (дата обращения 25 марта 2020).

³⁵ *Назарбаев Н.А.* Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 2017. 12 апреля. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения 25 марта 2020).

В соответствии с этим определением сакральные объекты делятся на пять групп или категорий. Музей «Алаш арыстары – Мухтар Ауэзов» был отнесен к пятой категории, которую составляют сакральные места, связанные с историческими и политическими событиями.

Поскольку реализация проекта подразумевает выведение из тени «скрытых», «вытесненных», «локальных» исторических тем, проблем и сюжетов [Медеуова, Сандыбаева 2018, с. 437], участие в нем Семья кажется нам весьма продуктивным с точки зрения обновления его «столичного» имиджа на республиканском, да и на локальном (внутригородском) уровне.

Литература

- Аккулы 2015 – *Аккулы С.* Подвижники степи: Бай-меценаты и их роль в национальном возрождении казахов [Электронный ресурс] // Central Asia monitor. 2015. 10–16 апреля (№ 14). URL: <https://camonitor.kz/15979-bai-mecenaty-i-ih-rol-v-nacionalnom-vozhrozhdenii-kazahov-chast-2-ya.html> (дата обращения 28 декабря 2019).
- Алексеевко 2016 – *Алексеевко А.Н.* Этнодемографические эволюции и проблема формирования суверенного социокультурного пространства Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2016. 4–17 апреля. № 681–682. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0681/pauka05.php> (дата обращения 5 января 2020).
- Аманжолова 2004 – *Аманжолова Д.А.* Казахская автономия: от замысла националов к самоопределению по-советски // Acta Slavica Iaponica. 2004. Т. 21. С. 115–143.
- Аманжолова 2016а – *Аманжолова Д.А.* А.Н. Букейханов и проблемы политической консолидации казахского народа // Мир Большого Алтая. 2016. № 2 (2.1). С. 213–226.
- Аманжолова 2016б – *Аманжолова Д.А.* Из истории соперничества партийно-политических проектов и идей в Степном крае (начало XX в.) // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. № 1 (6). С. 15–42.
- БуктугUTOва 2007 – *БуктугUTOва Р.С.* Общественное движение в Степном крае в конце XIX – начале XX в.: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2007. 45 с.
- Бурлина 2012 – *Бурлина Е.Я. и др.* Время в городе: темпоральная диагностика, хроноטיפы, молодежь. Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2012. 112 с.
- Готтман 2013 – *Готтман Ж.* Столичные города // Логос. 2013. № 4 (94). С. 15–38.
- Джаниева 2007 – *Джаниева Р.М.* Социально-экономическое и культурное развитие уездных городов Степного края в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2007. 153 с.
- Жанбосинова 2013 – *Жанбосинова А.С.* Краткая энциклопедия истории Алаш и Алаш-орда. Усть-Каменогорск: Берель, 2013. 204 с.

- Кенжебаева 2011 – *Кенжебаева С.Е.* Представители алашской интеллигенции и Советская власть // Вестн. Астраханского гос. техн. ун-та. 2011. № 2. С. 144–153.
- Кодар 2016 – *Кодар А.А.* Хранитель старины седой // Шәкәрім. Ғылыми-танымдық журнал. 2016. № 1 (30). С. 70–77.
- Медеуова 2020 – *Медеуова К.А.* Затянувшаяся «советскость» и трансформации коллективной памяти: советские и постсоветские мемориальные комплексы в Казахстане // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161) [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe-literaturnoe-obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21982/ (дата обращения 15 февраля 2021).
- Медеуова, Сандыбаева 2018 – *Медеуова К.А., Сандыбаева У.М.* Сакральная география в Казахстане: коммеморативная политика государства и локальные практики в публичных пространствах // Мир Большого Алтая. 2018. № 4 (3). С. 436–445.
- Мизимбаев 2019 – *Мизимбаев Т.С.* Торговля как один из ключевых факторов формирования этносоциального состава населения города Семипалатинска во второй половине XIX – начале XX века // Вестн. Алтайского гос. пед. ун-та. 2019. № 40. С. 94–96.
- Михнова 2007 – *Михнова П.В.* Среда и архитектурно-художественная система исторических городов Северо-Восточного Казахстана: начало XVIII – начало XXI в.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: Новосибирская гос. архитектур.-худож. акад., 2007. 219 с.
- Нора 1999 – *Нора П.* Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюи-меж Ж. де, Винок М. Франция – память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.
- Сарсембаева 2017 – *Сарсембаева Г.А.* Трансформации визуального пространства г. Семипалатинск и Усть-Каменогорск в XIX – начале XXI в. // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (1). С. 77–95.
- Шерстова 2015 – *Шерстова Л.И.* Этнокультурный перекресток в Азии – Сибирская крепостная линия // Взаимодействие природы и общества в кочевой цивилизации народов Центральной Азии: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Г.Б. Хабижанова. Алматы: Казак университеті, 2015. С. 109–132.
- Шиловский 2012 – *Шиловский М.В.* «Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний!»: Семипалатинск – экономический и культурный центр в зоне евро-азиатского взаимодействия XVIII – начала XX в. // Изв. Уральского федер. ун-та. Серия 2: «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 259–266.

References

- Akkuly, S. (2015), “Devotees of the Steppe. Bais-philanthropists and their role in the kazakh national revival”, *Central Asia monitor*, no. 14 (10–16 April), available at: <https://camonitor.kz/15979-bai-mecenaty-i-ih-rol-v-nacionalnom-voztrozhdenii-kazahov-chast-2-ya.html> (Accessed 28 December 2019).
- Alekseenko, A.N. (2016), “Ethno-demographic evolution and formation of the sovereign socio-cultural space of the Republic of Kazakhstan”, *Demoscope Weekly*, no. 681–682 (4–17 April), available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0681/nauka05.php> (Accessed 5 January 2020).

- Amanzholova, D.A. (2004), "Kazakh autonomy. From the intention of nationalists to self-determination Soviet-style", *Acta Slavica Iaponica*, iss. 21, pp. 115–143.
- Amanzholova, D.A. (2016a), "A.N. Bukeikhanov and the issues of political consolidation of the kazakhs", *World of Great Altay*, no. 2 (2.1), pp. 213–226.
- Amanzholova, D.A. (2016b), "From the history of rivalry between the party-political projects and ideas in the Steppe Region (the beginning of the 20th cent.)", *Russian regions. Looking into the future*, no. 1 (6), pp. 15–42.
- Buktugutova, R.S. (2007), *Obshchestvennoe dvizhenie v Stepnom krae v kontse 19 – nachale 20 v.* [Social movement in the late 19th – early 20th century in the Steppe region], Abstract of Dr. of Sci. Thesis, Omskii gos. ped. Universitet, Omsk, Russia.
- Burlina, E.Ya. et al. (2012), *Vremya v gorode: temporal'naya diagnostika, khronotipy, molodezh'* [Time of city. Temporal diagnostics, chronotypes and youth people], Izd-vo Samarskogo nauch. tsentra RAN, Samara, Russia.
- Gottman, Zh. (2013), "Capital cities", *Logos*, no. 4 (94), pp. 15–38.
- Dzhanieva, R.M. (2007), *Sotsial'no-ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie uednykh gorodov Stepnogo kraja v kontse XIX – nachale XX v.* [Social and economic and cultural development of the district towns of the Steppe region in the late 19th – early 20th century], Cand. of Sci. Thesis, Omskii gos. un-t im. F.M. Dostoevskogo, Omsk, Russia.
- Kenzhebaeva, S.E. (2011), "Representatives of Alash intellectuals and the Soviet power", *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, no. 2, pp. 144–153.
- Kodar, A.A. (2016), "Custodian of hoary antiquity", *Shakarim. Filymi-tanyndyq zhurnal*, no. 1 (30), pp. 70–77.
- Medeuova, K.A. (2020), "Protracted 'Sovietness' and the Transformation of Collective Memory. Soviet and Post-Soviet Memorial Complexes in Kazakhstan", *New Literary Review*, no. 1 (161), available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21982/ (Accessed 15 February 2021).
- Medeuova, K.A. and Sandybaeva, U.M. (2018) "Sacred geography in Kazakhstan. Commemorative policy of the state and local practices in public spaces", *World of Great Altay*, no. 4 (3), pp. 436–445.
- Mikhnova, P.V. (2007), *Sreda i arkhitekturno-khudozhestvennaya sistema istoricheskikh gorodov Severo-Vostochnogo Kazakhstana: nachalo 18 – nachalo 21 v.* [Environment and architectural artistic system of historical cities of Northern-Eastern Kazakhstan. The beginning of the 18th century – the beginning of the 21st century], Cand. of Sci. Thesis, Novosibirskaya gos. arkhitekturno-khudozhestvennaya akademiya, Novosibirsk, Russia.
- Mizimbaev, T.S. (2019), "Trade as one of the key factors in the formation of the ethno – social composition of the population in the city of Semipalatinsk in the second half of the 19 – early 20th century", *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 40, pp. 94–96.
- Nora, P. (1999), "Problematics of memory spaces" in Nora, P., Ozouf, M., Puymège, G. de and Winock, M. *Frantsiya – pamyat'* [France – Memory], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, pp. 17–50.
- Sarsembayeva, G.A. (2017), "Transformation of visual space of the cities Semipalatinsk and Ust-Kamenogorsk in the 19 – early 21 century", *World of Great Altay*, vol. 3 (1), pp. 77–95.

- Sherstova, L.I. (2015), "Ethno – cultural crossroad in Asia – Siberian Defense Line", in Khabizhanova, G.B. (ed.) *Vzaimodeistvie prirody i obshchestva v kochevoi tsivilizatsii narodov Tsentral'noi Azii: sbornik nauchnykh trudov* [Interaction between nature and society in the nomadic civilization in the Central Asia. Proceedings], Kazak universiteti, Almaty, Kazakhstan, pp. 109–132.
- Shilovskii, M.V. (2012), "What a mix of clothes and faces, of tribes, languages and natures!", Semipalatinsk, an economic and cultural centre within the Eurasian cooperation zone in 18th – early 20th century", *Izvestia. Ural Federal University Journal, series 2 "Humanities and Arts"*, vol. 4 (108), pp. 259–266.
- Zhanbosinova, A.S. (2013), *Kratkaya entsiklopediya istorii Alash i Alash-orda* [Concise encyclopedia of the Alash and Alash-orda history], Berel', Ust'-Kamenogorsk, Russia.

Информация об авторе

Елена А. Косован, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kosovan.ea@rggu.ru

Information about the author

Elena A. Kosovan, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; kosovan.ea@rggu.ru

Актуальные политические процессы в Центрально-Азиатском регионе

УДК 001.8:32

DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-60-72

Аналитические центры Казахстана и Узбекистана

Каныбек А. Кудаяров

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, Москва, Россия, kana8306@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена феномену аналитических центров, который анализируется на примере «фабрик мысли» Казахстана и Узбекистана. Казахстанские и узбекистанские аналитические центры привлекают к себе повышенное внимание исследователей по целому ряду причин. Во-первых, казахстанская и узбекистанская аналитическая продукция всегда отличалась высоким качеством. Во-вторых, бóльшая, по сравнению с другими государствами региона, включенность двух республик в мировую экономику и более тесные контакты с крупными транснациональными корпорациями и финансовыми структурами оказывают стимулирующее воздействие на темпы развития Казахстана и Узбекистана и их аналитической индустрии. В-третьих, переход Казахстана и Узбекистана к цифровизации и дальнейшая модернизация национальных экономик требуют большей открытости в условиях растущей глобализации. Одной из главных особенностей «фабрик мысли» Казахстана и Узбекистана является господство государственных и окологосударственных «мозговых центров», пользующихся всесторонней поддержкой госструктур. Это в значительной степени предопределило спрос именно на аналитическую продукцию государственных «think tanks», которые носят преимущественно закрытый характер. Деятельность же независимых аналитических центров обусловлена в большей степени спросом внешних «заказчиков», что вызывает недоверие и подозрительность местных властей, имеющих довольно предвзятое представление об уровне независимой аналитики.

Ключевые слова: Казахстан, Узбекистан, Центральная Азия, аналитические центры, фабрики мысли, think tanks, мозговые центры

Для цитирования: Кудаяров К.А. Аналитические центры Казахстана и Узбекистана // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 60–72. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-60-72

© Кудаяров К.А., 2022

Analytical centers of Kazakhstan and Uzbekistan

Kanybek A. Kudayarov

*Institute of Public Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kana8306@mail.ru*

Abstract. The article considers the analytical centers phenomenon. It is analysed on the example of the “thought factories” of Kazakhstan and Uzbekistan. Kazakhstan and Uzbekistan attract increased attention of the researchers for a number of factors. First, Kazakhstani and Uzbekistani analytical products have always been distinguished by their high quality. Second, the greater involvement of the two republics in the global economy compared to other states in the region and closer contacts with major transnational corporations and financial institutions have a stimulating effect on the pace of development of Kazakhstan and Uzbekistan and their analytical industries. Third, Kazakhstan and Uzbekistan’s transition to digitalization and further modernization of national economies require greater openness in an increasingly globalized world. One of the main features of the “thought factories” of Kazakhstan and Uzbekistan is the dominance of state and near-state “think tanks” that enjoy the full support of the state, which largely predetermined the demand for analytical products of state-owned “think tanks”, which are mostly of a closed nature. At the same time, the activities of independent analytical centers are driven to a greater extent by demand from external “customers”, which causes greater distrust and suspicion of local authorities who have a rather biased idea of the level of independent analytics.

Keywords: Kazakhstan, Uzbekistan, Central Asia, analytical centers, thought factories, think tanks, think tanks

For citation: Kudayarov, K.A. (2022), “Analytical centers of Kazakhstan and Uzbekistan”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 60-72, DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-60-72

Аналитические центры (АЦ), или «фабрики мысли», – это прежде всего организации, которые специализируются на анализе государственной политики. Проводя исследования, они взаимодействуют с соответствующими акторами, консультируют их по внутренним и международным вопросам, тем самым давая возможность своим клиентам принимать обоснованные решения в сфере государственной политики¹.

¹ *Макгани Дж.* Всемирный индекс-рейтинг аналитических центров за 2015 г. [Электронный ресурс] // Программа «Аналитические центры и гражданское общество» / Институт Лодера при Университете Пенсильвании. 2016. С. 8. URL: https://carnegieendowment.org/files/Global_Think%20Tank%20Rating%202015%20RUS.pdf (дата обращения 20 марта 2022).

На постсоветском пространстве работает немало «фабрик мысли», однако их деятельность и особенно влияние на сферу политических решений исследованы довольно фрагментарно. Это относится и к АЦ Центральной Азии – региона, обладающего высокой геополитической и стратегической значимостью. Как представляется, наиболее актуально изучение деятельности «фабрик мысли» в Казахстане и Узбекистане – крупнейших и наиболее динамично развивающихся государствах Центрально-Азиатского региона.

Сегодня «фабрики мысли» Казахстана и Узбекистана представлены преимущественно государственными аналитическими центрами, а также негосударственными “think tanks”, в которых важную роль играют представители государственных структур (госслужащие, чиновники различного ранга и т. д.). Например, в состав руководства частного учреждения «Международный научный комплекс “Астана”» (казахстанско-российско-китайский проект) входят люди, которые одновременно занимают высокие посты в государственных структурах Казахстана и принимают участие в работе различных государственных советов. Так, С.К. Кушкумбаев является заместителем директора Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан (РК), С.К. Амандыкова – член Научно-консультативного совета при Конституционном совете РК и член Правового совета при партии «Нур Отан», Ф.Ш. Куанганов в 2019–2020 гг. занимал должность директора Корпоративного фонда «Академия Елбасы» и т. п.² Кроме того, государственные и близкие к ним АЦ в Казахстане и Узбекистане получают значительную поддержку госструктур.

Сегодня в РК имеются около 30 «мозговых центров» различной специализации. 15 из них находятся в столице – г. Астане, 14 – в г. Алматы и 1 – в г. Туркестане. Большинство столичных АЦ (10 “think tanks” из 15) создано за последние 10 лет, тогда как в г. Алматы за это же время появились только три аналитических центра. Это во многом объясняется особым статусом столицы, откуда исходят основные (ключевые) инициативы по управлению страной. Также стоит отметить, что столичных экспертов больше всего интересуют внутриэлитные отношения, политические расклады и перспективы внутри- и внешнеполитического развития, тогда как у экспертов Алматы более широкий круг интересов:

² Руководство [Электронный ресурс] // Сайт Международного научного комплекса «Астана». URL: <http://isca.kz/ru/directorship-ru> (дата обращения 17 июля 2022).

они занимаются также социально-экономическими, правовыми и иными проблемами³.

В отличие от Казахстана, практически все девять АЦ Узбекистана сосредоточены в г. Ташкенте, из них три – частные «фабрики мысли»: Центр исследовательских инициатив “Ma’no” (основан в 2018 г.), “BilimKarvoni” (2017) и Центр содействия экономическому развитию (2008).

Существуют и мозговые центры, которые выполняют также функции диалоговых площадок: здесь осуществляется обмен мнениями между общественными деятелями, экспертным сообществом, бизнес-структурами и государством. Это «Юксалиш», Центр «Стратегия развития» и Независимый институт по мониторингу формирования гражданского общества (НИМФОГО).

В Казахстане негосударственных «мозговых центров» больше, чем в Узбекистане. Кроме того, казахстанские негосударственные АЦ, в отличие от узбекистанских, имеют непрерывную историю развития. Это связано с особенностями политического и экономического развития Узбекистана, о которых речь пойдет ниже.

Как в Казахстане, так и в Узбекистане практически нет крупных «вузовских» «фабрик мысли» (за исключением небольшого количества аналитических центров при казахстанских вузах). В РК подобные АЦ остаются слабо востребованными из-за их несамостоятельности и, следовательно, низкого уровня аналитики. В Узбекистане же такое положение дел объясняется пока не реализованными полностью планами государства по целенаправленному развитию форсайт-центров на базе академической инфраструктуры вузов.

Стоит пояснить, что методы форсайта (от англ. foresight – «предвидение») используются для предсказания/определения различных вариантов/сценариев будущего (в какой-либо исследуемой сфере). В отличие от методов традиционного прогнозирования, направленных на угадывание будущих событий/трендов и т. д., форсайт-методы заключаются в рассмотрении всех возможных вариантов развития, среди которых выбираются наи-

³ Мусабаяев А., Мураталиева Н., Байсаров Э. Аналитические центры в Центральной Азии: между наукой, обществом и властью: Материалы экспертных оценок РеФорума, проведенного под эгидой Института по освещению войны и мира в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Сайт региональной аналитической платформы CABAR.asia. URL: https://cabar.asia/wp-content/uploads/2020/05/Policy-Brief_ru_web.pdf (дата обращения 12 февраля 2022).

более приемлемые. На основе отобранных вариантов ведется разработка стратегии, которая позволяет достичь желаемого результата. Другим важным отличием форсайта от традиционных прогнозистических методик является его ориентированность на долгосрочное стратегическое прогнозирование, необходимое в технически и технологически усложняющемся современном мире.

Формирование специализированных учреждений, занимающихся форсайт-исследованиями, началось в Казахстане в середине 2010-х гг. прежде всего под влиянием расширившейся цифровизации и появления новых технологий, которые требовали усовершенствования научных методик оценки, прогнозирования и проектирования будущего. Начиная с 2016 г. форсайт-центры создаются как на базе уже имеющихся в Казахстане АЦ и вузов (например, форсайт-центр при Казахстанском институте общественного развития «Рухани жаңғыру», Центр маркетинга и форсайта при Восточно-Казахстанском техническом университете имени Д. Серикбаева и т. д.), так и путем создания необходимой инфраструктуры «с нуля». Сейчас использование форсайт-методологии, в том числе и ее актуальных модификаций (таких как Rapid Foresight)⁴, уже не является редкостью для РК.

В Узбекистане, как было сказано выше, также прослеживается политика, направленная на создание условий для форсайт-исследований⁵.

Более того, форсированная цифровизация в Узбекистане и дальнейшее ее развитие в Казахстане выводят обе республики в лидеры региона по темпам роста использования форсайт-исследований в АЦ и академических структурах. Данная тенденция ни в коем случае не умаляет значения и роли традиционных «фабрик мысли», деятельность которых по-прежнему важна.

⁴ Методическое пособие по проведению форсайтных исследований с результатами по общему видению развития Казахстана [Электронный ресурс] // Сайт НАО «Казахстанский институт общественного развития «Рухани жаңғыру». URL: <https://kior.kz/ru/wp-content/uploads/2021/02/Методическое-пособие-по-проведению-форсайтных-исследований-с-результатами-по-общему-видению-развития-Казахстана.pdf> (дата обращения 12 августа 2022).

⁵ В вузах Узбекистана откроют «Форсайт-центры» для анализа направлений будущего» – Ибрагим Абдурахманов [Электронный ресурс] // Сайт онлайн-издания Kun.uz. 2022. 27 апреля. URL: <https://kun.uz/ru/news/2022/04/27/v-vuzax-uzbekistana-otkroyut-forsayt-sentry-dlya-analiza-napravleniy-budushchego-ibragim-abduraxmanov> (дата обращения 30 июля 2022).

Многие эксперты, занимающиеся сравнительными исследованиями государственных и частных АЦ в Казахстане и Узбекистане, полагают, что частные «фабрики мысли» слабее государственных по таким параметрам, как финансирование, доверие со стороны государства, общественное признание и др. Деятельность независимых мозговых центров здесь напрямую зависит от внешнего финансирования и грантовых средств, поступление которых не отличается стабильностью, тогда как государственные АЦ финансируются регулярно. Возможно, именно этим объясняются и немногочисленность независимых «фабрик мысли», и характерная для них большая операционная мобильность (которая необходима им для выживания в более сложных условиях – в отличие от «тепличного» существования государственных АЦ), и широкий спектр услуг, среди которых важное место занимают проведение социологических и маркетинговых исследований, консалтинг и другие виды деятельности.

На представления о компетентности частных АЦ широкого профиля не лучшим образом влияет и их ориентация на большие краткосрочные заказы, которая требует распыления усилий штатных и внештатных сотрудников и ставит под вопрос качество выполняемых ими работ, особенно по сравнению с государственными АЦ, которые предпочитают среднесрочные и долгосрочные проекты.

Особенностью подавляющего большинства центральноазиатских АЦ является их «нейтральность» в отношении некоторых особенно значимых для государства и неоднозначных тем (например, безопасности или актуальных политических процессов). Альтернативная информация и резко противоречащие официальным оценки исходят преимущественно не из аналитических центров, а от оппозиционных политических сил, независимых информационных агентств и новостных интернет-порталов (например, канала «Апрель» в Кыргызстане), которые, как правило, находятся за пределами страны или региона.

Любопытно, что в Казахстане на успешность аналитика не влияет ни наличие у него ученой степени, ни количество публикаций. Об этом свидетельствуют факты: например, из шести самых известных историков Казахстана двое не имеют ученой степени (это Данияр Ашимбаев и Радик Темиргалиев)⁶. Из 14 наиболее

⁶ Шибутов М. 88 интеллектуалов публичного поля Казахстана [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства Regnum. 2018. 3 января. URL: <https://regnum.ru/news/society/2364526.html> (дата обращения 10 августа 2022).

известных экономистов Казахстана только пять человек имеют ученую степень. Среди 15 наиболее известных политологов более трети также не обременены ученой степенью. Практически половина из 17 социологов не защищали кандидатскую диссертацию. Примерно также обстоит дела и среди наиболее авторитетных экспертов в области международных отношений (10 человек из 18 не имеют ученой степени) и востоковедения (4 из 8). Кроме того, в регионе появились «эксперты-блогеры», некомпетентные в исследуемой тематике и зачастую подрывающие доверие к аналитике в целом. Экспертами стали называть всех, кто, проработав незначительное по меркам аналитических центров время и не получив необходимого опыта, начинает делиться своими соображениями с очень широкой аудиторией.

В Узбекистане также имеется проблема с «аналитикой дилетантов»: так называемые эксперты-одиночки делятся своими соображениями, исходя из собственного видения, на различных интернет-площадках, например в телеграмм-канале. Особой популярностью пользуются блогеры, которые, вбрасывая часто неподтвержденную либо ложную информацию, строят сомнительные аналитические прогнозы. Это сильно бьет по качеству аналитической продукции, ведь в итоге появляется огромное количество публичной и доступной всем информации, основанной на эмоциях и личных мироощущениях, а не на глубоком анализе того или иного процесса⁷.

Роль «мозговых центров» в качестве экспертного учреждения и неформального института, продуцирующего рекомендации для политического руководства Казахстана, оценивается в целом как высокая [Шамахов, Вовенда, Корягин 2016]. А эксперты Российского института стратегических исследований (РИСИ) подчеркивают, что в целом аналитическая индустрия Казахстана является «идейно упорядоченной и структурно организованной» [Гузенкова и др. 2016, с. 38].

Большинство казахстанских «фабрик мысли» являются государственными либо имеют тесные контакты с государственными структурами. Это позволяет в целом следовать логике государства и в тех случаях, когда необходимы определение и оценка тех или иных сфер деятельности последнего и когда проводятся конкретные исследования.

⁷ «Фабрики мыслей». Есть ли спрос на политическую аналитику в Узбекистане? [Электронный ресурс] // Сайт веб-издания narodnoeslovo.uz. URL: <https://xs.uz/ru/post/fabriki-myslej-est-li-spros-na-politicheskuyu-analitiku-v-uzbekistane> (дата обращения 12 августа 2022).

Государство является на данный момент главным источником финансирования «мозговых центров» и заказчиком аналитической продукции. Осознавая свою позицию «монополиста» на аналитическом рынке страны, государство нередко позволяет себе пренебрегать аналитической экспертизой в процессе принятия решений. Правда, как полагает Р. Изимов, представители власти часто сами не вполне понимают, что им нужно от «фабрик мысли». Однако практика навязывания своих мыслей и использования «мозговых центров» для того, чтобы протолкнуть от третьего лица свои решения, также не исключается⁸.

Тем не менее уместно предположить, что аккумуляция аналитических материалов, созданных различными «мозговыми центрами», позволяет руководству страны принимать наиболее взвешенные решения [Шамахов, Вовенда, Корягин 2016].

Несмотря на то что в Казахстане довольно много “think tanks”, конкурентная среда между ними пока не сложилась⁹.

Еще одна особенность «мозговых центров» Казахстана заключается в том, что большая часть государственных либо аффилированных с государством АЦ и площадок находится в столице республики. Независимые же «фабрики мысли» представлены в основном в г. Алматы. Некрупные частные институты сосредотачиваются преимущественно на евразийской тематике, воздерживаясь от резкой критики внутривосточных процессов.

Такое разделение областей исследования объясняется тем, что все важные политические решения в Казахстане принимаются в столице, а до г. Алматы большая часть информации доходит уже в виде переработанных новостей и – крайне редко – от чиновников¹⁰. В результате в стране сложилась ситуация, когда лица, принимающие решения (ЛПР), не доверяют независимым экспертам, считая их непосвященными во внутренние процессы своих ведомств. Именно этим объясняется стремление ЛПР ограничиться подготовкой аналитических документов в рамках своих структур (поддерживая спрос на «закрытую» аналитику).

Одним из наиболее существенных недостатков казахстанской и узбекистанской аналитической индустрии является от-

⁸ Там же.

⁹ *Азимов Р.* Мозговые центры Казахстана [Электронный ресурс] // Сайт Региональной аналитической сети Центральной Азии (КААН). URL: <https://www.caa-network.org/archives/19807> (дата обращения 20 августа 2022).

¹⁰ *Мусабаев А., Мураталиева Н., Байсаров Э.* Указ. соч.

сутствие каких-либо систем подготовки аналитиков и специализированных методик. Однако этот недостаток успешно восполняют частные НПО – такие, как Фонд «Сорос-Казахстан» и Фонды Ф. Эберта в Казахстане, Узбекистане и других республиках региона. В рамках Центральной Азии подготовку экспертов и экспертной журналистики курируют в региональном разрезе SABAR.asia, Академия ОБСЕ в Бишкеке и другие международные организации.

К числу негативных факторов, препятствующих развитию аналитической индустрии, можно отнести, по мнению большинства экспертов, и режим работы столичных «мозговых центров», который по большому счету не отличается от режима работы госструктур, чрезмерную бюрократизацию их деятельности и многое другое. Практически ни один из «мозговых центров» не занимается системным изучением политических и иных процессов. Преобладают исследования в закрытом формате, поэтому отсутствует и массовая аналитическая продукция.

Еще одна особенность Казахстана и Узбекистана заключается в увеличении количества аналитических центров. Например, в Казахстане за последние годы были созданы курируемые государством: Центр внешнеполитических исследований при МИД РК (2019); Национальный совет общественного доверия¹¹ (2019); Казахстанский институт общественного развития «Рухани жаңғыру» (2019); Международный центр геополитического прогнозирования «Восток – Запад» (2019); Центр исследований развития предпринимательства (2019) и др. В Узбекистане примерно в этот же период времени появились: Центр исследовательских инициатив “Ma’no” (создан в 2018 г.), Негосударственное научное учреждение “BilimKarvoni” («Караван знаний», создан в 2017 г.) и др.

В обеих республиках были созданы площадки для обмена мнениями между государственными, частными, общественными структурами и гражданским обществом по актуальным вопросам национально-политического развития, для выдвижения конструктивных предложений и рекомендаций по их решению. В Казахстане это аналитическая группа «КИПР», общественный фонд «Мир Евразии», экспертный клуб “Sarap Time”, PaperLab,

¹¹ О Национальном совете [Электронный ресурс] // Сайт Национального совета общественного доверия при Президенте Республики Казахстан. URL: <https://ulttyq-kenes.kz/ru/about-union> (дата обращения 25 августа 2022).

Казахстанский совет по международным отношениям, экспертный клуб «Зерде» и др.¹²; в Узбекистане – Общенациональное движение «Юксалиш» (создано в 2019 г.)¹³, Центр «Стратегия развития» (2020)¹⁴ и НИМФОГО (переименованный в Центр-ННО в 2019 г.)¹⁵.

Как говорилось выше, особенности развития политической системы в Узбекистане самым серьезным образом повлияли на уровень аналитики и качество “think tanks”. Ситуация с аналитикой в целом была довольно плачевной в период президентства Ислама Каримова. Запрет на преподавание политологии в вузах Узбекистана в 2013 г. привел в дальнейшем к лишению ее статуса научной дисциплины и исключению из учебных курсов. Политологам приходилось проводить свои исследования в рамках смежных дисциплин, таких как новейшая история, социальная философия, социология, теоретическое правоведение и экономическая теория. С приходом к власти Шавката Мирзиёева (2017) начался период политической «оттепели», была осуществлена либерализация экономики, а затем последовало некоторое ослабление цензуры в научной и экспертной среде. «Реабилитация» политологии произошла после того, как 29 января 2019 г. было принято Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по повышению эффективности подготовки кадров, фундаментальных и прикладных исследований в области политических наук». С 2019 г. ранее табуированные темы и объекты стали более доступны для исследований. При этом власти республики по-прежнему контролируют деятельность НПО и НКО. Несмотря на то что в Узбекистане работают Фонд по поддержке НКО и другие институты гражданского общества

¹² Шибутов М. «Фабрики мысли» Казахстана [Электронный ресурс] // Сайт Информационного агентства Regnum. 2017. 1 июня. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2283031.html> (дата обращения 30 августа 2022).

¹³ Общенациональное движение «Юксалиш» [Электронный ресурс] // Сайт Общенационального движения «Юксалиш». URL: <https://yumh.uz/ru/about> (дата обращения 30 августа 2022).

¹⁴ Центр «Стратегия развития» [Электронный ресурс] // Сайт Центра «Стратегия развития». URL: https://strategy.uz/index.php?static=deyatelnost_centra&lang=ru (дата обращения 30 августа 2022).

¹⁵ НИМФОГО преобразован в Центр развития гражданского общества [Электронный ресурс] // Сайт информационно-правового портала «Норма». URL: https://www.norma.uz/novoe_v_zakonodatelstve/nimfogo_preobrazovan_v_centr_razvitiya_grajdanskogo_obshchestva (дата обращения 30 августа 2022).

(с 2008 г.)¹⁶, государство, во всей видимости, все еще с подозрением относится к независимым АЦ, которые, вероятно, кажутся чиновникам недостаточно компетентными. Любопытно, что при этом у Узбекистана имеется опыт сотрудничества с крупными и авторитетными иностранными компаниями, которых привлекают для реализации серьезных проектов.

Поскольку независимые АЦ не получают ни государственного финансирования, ни государственных заказов, они вынуждены ориентироваться на внешнего клиента и зарубежные гранты, что, в свою очередь, делает их еще более подозрительными в глазах государства. АЦ, которые воспринимаются государственными структурами как агенты иностранного влияния, в конечном счете вынуждены прекращать свою деятельность на территории республики.

Стремясь к дальнейшей либерализации экономики и демократизации общества, власти Узбекистана начали прилагать усилия к формированию гражданских платформ, чтобы усилить общественный контроль над жизнью государства и интенсифицировать взаимодействие между представителями власти и обществом¹⁷. Создаются палаты при Президенте Республики Узбекистан, а также областные палаты и представительство в Республике Каракалпакстан. Они призваны взять на себя роль консультативно-совещательных органов. Их деятельность освещается на интернет-портале “Mening fikrim”¹⁸ («Мое мнение»). Насколько они будут эффективны в построении диалога между властью и обществом, покажет время.

В заключение отметим, что в Центрально-Азиатском регионе рынок аналитических продуктов и услуг недостаточно развит, а их потребление лицами, принимающими решение, имеет крайне фрагментированный, выборочный характер даже в отношении государственных и околосударственных АЦ. Что касается негосударственных, независимых и частных «фабрик мысли», за-

¹⁶ Положение об Общественном Фонде по поддержке негосударственных некоммерческих организаций и других институтов гражданского общества при Олий Мажлисе Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Сайт Национального правового информационного центра «Адолат». URL: <https://www.lex.uz/acts/1413393> (дата обращения 30 августа 2022).

¹⁷ При президенте создается Общественная палата [Электронный ресурс] // Сайт Интернет-издания «Газета.uz». URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/04/16/public-chamber/> (дата обращения 30 августа 2022).

¹⁸ Единая площадка общественных инициатив [Электронный ресурс] // Веб-портал коллективных обращений “Mening fikrim”. URL: <https://meningfikrim.uz/ru> (дата обращения 30 августа 2022).

частую их аналитическая продукция востребована лишь в тех случаях, когда нет необходимости в проведении закрытой аналитики. ЛПР склонны проявлять большую открытость и охотнее взаимодействовать с широкими экспертными кругами по политически нейтральным тематическим направлениям. К примеру, правительства часто заинтересованы в аналитике по вопросам развития социальной сферы или экономики, но не проявляют заметного интереса к аналитике, касающейся безопасности и внешней политики.

Поскольку главной проблемой негосударственных аналитических центров является отсутствие взаимодействия с государственными органами и ЛПР, большинство экспертов видят решение данной ситуации в создании специализированных экспертных советов, экспертных команд из специалистов разных направлений, работающих по комплексным проблемам. Это позволяет усилить голос экспертного сообщества в целом и влиять на процессы принятия решений. Предлагается также более активное сотрудничество с местным и региональным гражданским обществом, что должно привлечь внимание государства и ЛПР. Немаловажным является и использование различных каналов СМИ, электронных платформ, социальных медиа, открытых лекций, презентаций электронных медиа и социальных сетей для формирования профессионального имиджа через публикации по теме или ведение собственных блогов. АЦ следует усиливать все имеющиеся контакты и создавать новые – с государственными органами.

Литература

- Гузенкова и др. 2016 – *Гузенкова Т.С. и др.* «Мозговые центры» в странах СНГ и Грузии: структура, задачи, основные тенденции развития // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 1 (34). С. 11–67.
- Шамахов, Вовенда, Корягин 2016 – *Шамахов В.А., Вовенда А.В., Корягин П.А.* Основные направления деятельности экспертно-аналитических центров (think tanks) государств – партнеров по ЕАЭС // Управленческое консультирование. 2016. № 8 (92). С. 15–24.

References

- Guzenkova, T.S. et al. (2016), “Think tanks’ in the CIS countries and Georgia. Structure, tasks, main development trends”, *Journal “National Strategy Issues”*, no. 1 (34), pp. 11–67.
- Shamakhov, V.A., Vovenda, A.V. and Koryagin, P.A. (2016), “The main activities of the expert analytical centers (think tanks) of the EAEU partner states”, *Administrative Consulting*, no. 8 (92), pp. 15–24.

Информация об авторе

Каныбек А. Кудаяров, кандидат исторических наук, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 15, корп. 2; kana8306@mail.ru

Information about the author

Kanybek A. Kudayarov, Cand. of Sci. (History), Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia; bld. 15/2, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, Russia, 117997; kana8306@mail.ru

Социально-гуманитарные проблемы постсоветских государств

УДК 378.016:811.512.162

DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-73-84

Преподавание азербайджанского языка в РГГУ в контексте развития российско-азербайджанских отношений

Айдын А. Аскеров

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, aidynaskerov@mail.ru*

Вадим М. Шнейдер

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, vadiksh92@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с опытом преподавания азербайджанского языка в Российском государственном гуманитарном университете в контексте развития российско-азербайджанских отношений. Авторы выделяют ключевые направления сотрудничества между Россией и Азербайджаном, особое внимание уделяя гуманитарной сфере. Подробно рассматриваются научная и образовательная деятельность Института постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета, которая способствует укреплению двусторонних связей на самом высоком уровне. Значительная часть статьи посвящена особенностям азербайджанского языка и основным методикам его преподавания. Авторы подчеркивают необходимость использования качественных учебных и методических материалов в ходе образовательного процесса. Примером является пособие «Азербайджанский язык для начинающих», в котором содержатся различные учебные материалы, задания, тексты и азербайджанско-русский словарь. В заключительной части статьи авторы подчеркивают, что перспективы изучения азербайджанского языка в России зависят от различных факторов, и приходят к выводу о том, что изучение азербайджанского языка в России является одним из важных факторов, способствующих укреплению взаимодействия в научно-образовательной сфере. В свою очередь, сотрудничество в сфере экономики и укрепление гуманитарно-культурных контактов открывают широкие возможности для дальнейшей популяризации азербайджанского языка и культуры в России.

Ключевые слова: азербайджанский язык, постсоветское пространство, гуманитарное сотрудничество, иностранный язык, Россия, Азербайджан

Для цитирования: Аскеров А.А., Шнейдер В.М. Преподавание азербайджанского языка в РГГУ в контексте развития российско-азербайджанских отношений // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 73–84. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-73-84

Teaching the Azerbaijani language in RSUH in the context of the development of Russian-Azerbaijani relations

Aidyn A. Askerov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, aidynaskerov@mail.ru*

Vadim M. Shneider

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, vadiksh92@gmail.com*

Abstract. The article deals with issues related to the experience of teaching the Azerbaijani language at the Russian State University for the Humanities in the context of the development of Russian-Azerbaijani relations. The authors highlight the key areas of cooperation between Russia and Azerbaijan, paying special attention to the humanitarian sphere. They consider in detail the scientific and educational activity of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the Russian State University for the Humanities, which contributes to the strengthening of bilateral ties at the highest level. A significant part of the article is concerned with the peculiarities of the Azerbaijani language and the main methods of its teaching. The authors also emphasize the need to use high-quality educational and methodological materials during the teaching process. As an example, the manual “Azerbaijani for Beginners” is given. This manual contains various educational materials, tasks, texts and an Azerbaijani-Russian dictionary. In the final part of the article, the authors emphasize that the prospects for learning the Azerbaijani language in Russia depend on various factors. They come to the conclusion that the study of the Azerbaijani language in Russia is one of the important factors contributing to the strengthening of cooperation in the scientific and educational sphere. In turn, economic cooperation and the strengthening of humanitarian and cultural contacts open up wide opportunities for further popularization of the Azerbaijani language and culture in Russia.

Keywords: Azerbaijani language, post-Soviet space, humanitarian cooperation, foreign language, Russia, Azerbaijan

For citation: Askerov, A.A. and Shneyder, V.M. (2022), “Teaching the Azerbaijani language in RSUH in the context of the development of Russian-Azerbaijani relations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 73-84, DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-73-84

Введение

Одной из наиболее востребованных компетенций в настоящее время является владение иностранными языками, в связи с чем особое значение приобретает их изучение и преподавание. Несмотря на развитие различных технологий и программ, в том числе позволяющих осуществлять синхронный перевод, ничто не может заменить живое общение, которое возможно только при условии качественного освоения иностранного языка.

Нельзя забывать и о том, что знание иностранного языка открывает перспективы для более детального изучения и понимания культуры другого народа. Несмотря на то что на постсоветском пространстве по-прежнему широко распространен русский язык, а образованная молодежь, как правило, владеет и английским, изучение языков постсоветских государств в России не теряет своей актуальности. Здесь уместно процитировать Нельсона Манделу: «Говоря с человеком на том языке, который он понимает, вы обращаетесь к его голове. Говоря с человеком на его родном языке, вы обращаетесь к его сердцу»¹.

В данной статье будут рассмотрены ключевые аспекты, связанные с преподаванием азербайджанского языка в Российском государственном гуманитарном университете в контексте развития российско-азербайджанских отношений.

Российско-азербайджанские отношения: культурный аспект

Интерес к изучению азербайджанского языка в России тесно связан с развитием сотрудничества между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой. Активное взаимодействие между двумя государствами осуществляется как на двусторонней основе, так и в рамках межгосударственных организаций, в том числе Содружества Независимых Государств (СНГ). Партнерские отношения крайне важны с экономической и социокультурной точек зрения. Кроме того, не вызывает сомнения, что развитие межгосударственного взаимодействия РФ и Азербайджана способствует укреплению безопасности на Южном Кавказе и в Каспийском регионе [Пивовар, Мухин,

¹ Nelson Mandela Quote Bullet Journal [Электронный ресурс] // Amazon.com. URL: <https://www.amazon.com/Mandela-Journal-Language-language-understands/dp/B087L6Q1PJ> (дата обращения 12 августа 2022).

Агакишиев 2020, с. 217]. Недаром лидер Азербайджана Гейдар Алиев уделял самое пристальное внимание двусторонним связям. Его примеру следует и нынешний президент – Ильхам Алиев. В свою очередь, российское руководство также проявляет интерес к укреплению отношений с Азербайджаном, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные встречи президентов двух государств. Отметим, что российско-азербайджанское сотрудничество в экономической, политической и других сферах развивается быстрыми темпами. Примером тому является Декларация о союзническом взаимодействии между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией, известная как Московская декларация и подписанная президентами двух стран 22 февраля 2022 г. Успешное сотрудничество в различных сферах позволяет охарактеризовать азербайджано-российские отношения как взаимовыгодные.

Помимо экономического и политического сотрудничества, которое традиционно привлекает особое внимание экспертов, нельзя не отметить и плодотворного двустороннего взаимодействия в научной и образовательной сферах. Этому способствует, в частности, гибкая языковая политика, проводимая руководством Азербайджана. Русский язык занимает не просто прочные позиции в Азербайджане – к нему, как и к русской культуре, здесь сложилось особое отношение. Русская речь активно используется наряду с азербайджанским языком, особенно в крупных городах. Русский язык преподается в школах и университетах страны как иностранный. В Баку функционируют русскоязычные университеты, такие как Бакинский Славянский университет. В большинстве азербайджанских вузов существуют факультеты с преподаванием на русском языке. Также действуют филиалы российских вузов – Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Дипломатической академии МИД РФ и Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова. Подобная политика в языковой сфере обусловлена тем, что Азербайджан является многонациональной страной, руководство которой гарантирует гражданам различных национальностей равные права, в том числе право на изучение родного языка.

В России также существует азербайджанская диаспора, которую можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся азербайджанцы, которые родились и выросли на территории современной России еще во времена СССР, ко второй – жители республики, переехавшие в Россию после 1991 г. Кроме

того, необходимо учитывать, что в Россию из Азербайджана приезжали не только этнические азербайджанцы, но и представители других народов – евреи, русские, талыши, лезгины. Многие из них сохраняют семейные и культурные связи с Азербайджаном. Азербайджанская диаспора России активно участвует в торжественных мероприятиях, посвященных различным российским и азербайджанским государственным, культурным, религиозным, историческим событиям.

Проводятся подобные мероприятия и в Российском государственном гуманитарном университете. Так, 24 октября в РГГУ состоялась Международная научно-практическая конференция «Гуманитарное сотрудничество России и Азербайджана: духовно-исторические традиции и современность», посвященная 650-летию выдающегося азербайджанского поэта и мыслителя Имадеддина Насими². Следует отметить, что Институт постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ в рамках своей научной деятельности уделяет особое внимание изучению истории и культуры Азербайджана, а также анализу современных социокультурных, экономических и политических процессов в Азербайджанской Республике. Одним из главных результатов в этой сфере стало издание в 2020 г. сборника «Азербайджановедение» в рамках серии «Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований»³. В сборнике представлены статьи сотрудников РГГУ и представителей ведущих научно-образовательных учреждений Азербайджана. Особое внимание Институт постсоветских и межрегиональных исследований уделяет подготовке молодых специалистов, обладающих знаниями по истории и культуре Азербайджана. Ключевую роль здесь играет изучение студентами азербайджанского языка.

² Гуманитарное сотрудничество России и Азербайджана обсудили в РГГУ [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/Gumanitarnoe-sotrudnichestvo-Rossii-i-Azerbaydzhana-obsudili-v-RGGU.html> (дата обращения 12 сентября 2022).

³ Серия «Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований» [Электронный ресурс] / Российский гос. гуманитар. ун-т. URL: <https://www.rsuh.ru/education/postsoviet/science/trudy-institutapostsovetskikh-i-mezhregionalnykh-issledovaniy.php> (дата обращения 12 сентября 2022).

Преподавание азербайджанского языка в России: роль РГГУ

Прежде чем рассмотреть ключевые аспекты преподавания азербайджанского языка в РГГУ, необходимо обратиться к истокам. Преподавание азербайджанского языка в России имеет длительную историю. После включения Южного Кавказа в состав Российской империи возникла необходимость в подготовке квалифицированных специалистов, владеющих грузинским, армянским и азербайджанским языками. Преподавание этих языков в Петербургском университете было утверждено Высочайшим указом 24 июля 1844 г. и поручено известному тюркологу и востоковеду Лазарю Будагову [Харатишвили 2014, с. 36].

После распада СССР азербайджанский язык стал постепенно возвращаться в образовательное пространство России. Важными задачами были популяризация азербайджанского языка и привлечение к его изучению не только представителей азербайджанской диаспоры, но и людей, не имеющих прямого отношения к Азербайджану. В настоящее время азербайджанский язык преподается в нескольких российских университетах. Так, в 2009 г. в присутствии Чрезвычайного и Полномочного посла Азербайджанской Республики в РФ Полада Бюльбюлю оглы в Московском государственном лингвистическом университете был открыт Центр азербайджанского языка и культуры⁴. Изучают азербайджанский язык и студенты, обучающиеся в Институте стран Азии и Африки МГУ.

Особую роль в плане изучения истории и культуры Азербайджана, а также азербайджанского языка, безусловно, играет Российский государственный гуманитарный университет. История преподавания азербайджанского языка в РГГУ связана прежде всего с именем Е.И. Пивовара, академика Российской академии наук, президента РГГУ, директора Института постсоветских и межрегиональных исследований, председателя Общества дружбы России с Азербайджаном. В 2005 г. Е.И. Пивовар возглавил кафедру постсоветских стран, где преподавалась история бывших советских республик, а в 2008 г. наряду с другими языками началось изучение азербайджанского языка.

В настоящее время азербайджанский язык изучают студенты Института постсоветских и межрегиональных исследований

⁴ Центр азербайджанского языка и культуры [Электронный ресурс] // Московский гос. лингвистический ун-т. URL: <https://linguanet.ru/sotrudnichestvo/otdel-po-yazykam-i-kulture-gosudarstv-uchastnikov-sng-i-sh0s/tsentr-azerbaydzhanskogo-yazyka-i-kultury/> (дата обращения 22 августа 2022).

РГГУ, обучающиеся по направлению подготовки «Международные отношения», профиль «Международные отношения в Евразии: Россия и Турция в современной Евразии: внешняя политика, общество, культура». Эта программа существует с 2017 г., поэтому к настоящему времени можно сделать некоторые выводы о мотивации студентов, изучавших азербайджанский язык в стенах РГГУ.

В первую очередь, они ориентированы на применение азербайджанского языка в различных сферах, связанных с их будущей специальностью. Наиболее востребованными представляются работа в сфере бизнеса, в государственных структурах, а также перспектива работы в Азербайджане. Существуют и другие причины: например, желание выучить один из восточных языков или интерес к истории и культуре страны. Немаловажным представляется и тот факт, что, зная азербайджанский язык, легче изучить и другие тюркские языки. При этом азербайджанский язык имеет свои отличительные особенности, которые влияют на процесс преподавания.

Особенности азербайджанского языка и основные методики его преподавания

Азербайджанский язык относится к огузской группе тюркской ветви алтайской языковой семьи. На нем говорят более 50 млн чел., проживающих в Азербайджане, Иране и других странах мира. До сих пор окончательно не определено, к какой языковой семье относятся тюркские языки. Одни ученые присоединяют их к уральской языковой семье, другие – к алтайской. Есть и те, кто считает тюркскую группу языков самостоятельной языковой семьей.

В V–VIII вв. в тюркских языках применялась руническая письменность. С начала VII в. н. э., после принятия ислама, и до 1820-х гг. в Азербайджане использовали арабский алфавит. В 1929 г. арабская письменность была заменена латинским алфавитом. А в 1939 г. во всех тюркоговорящих республиках СССР, включая Азербайджан, вместо латиницы был утвержден новый алфавит – кириллица.

После распада СССР в 1991 г. азербайджанский алфавит был снова переведен на латинскую графику. Этот процесс занял десять лет и завершился в 2001 г. 18 июня 2001 г. президент Азербайджана Гейдар Алиев подписал указ «Об учреждении дня азербайджанского алфавита и азербайджанского языка». В со-

ответствии с указом использование латинской графики в азербайджанском алфавите стало обязательным с 1 августа 2001 г. С тех пор 1 августа отмечается в Азербайджане как праздник национального алфавита и языка⁵.

По своей структуре азербайджанский язык относится к агглютинативным языкам. Агглютинативность является одной из грамматических особенностей тюркских языков. Это означает, что формы слова образуются путем присоединения к основе или к его корню аффиксов, имеющих грамматические и вещественные значения. При этом каждый из аффиксов имеет только одно значение.

Также в этих языках нет родов, при этом существуют единственное и множественное числа. Падежные формы чисел одинаковые, т. е. существительные единственного и множественного чисел принимают одни и те же аффиксы. Например, *mən-im dost-um* – единственное число (мой друг), *mən-im dost-lar-ım* – множественное число (мои друзья). Огромное количество слов азербайджанского языка являются односложными и двухсложными. Например, один слог: *ev* – дом, *bağ* – сад, *mən* – я; два слога: *qara* – черный, *həkim* – врач, *oğul* – сын и т. д. Но, агглютинативность языка (прибавление аффиксов к слову) увеличивает в нем количество слогов в несколько раз. Например, *ev-imiz-də-dir-lər* (они у нас дома), *bağ-ınız-dan-dır* (из вашего сада) и т. п.

В азербайджанском языке 32 буквы: 9 гласных и 23 согласных. Гласные буквы делятся на две группы: мягкие и твердые. Твердые или мягкие гласные звуки в слове создают мягкость и твердость произношения согласных букв. В азербайджанском языке, так же как и во всех тюркских языках, гласные звуки играют очень важную роль. Чередование гласных звуков в слове называется сингармонизмом. Если первый слог в слове начинается на твердый звук, то последующие гласные тоже будут твердыми, а если на мягкий гласный звук, тогда во всех слогах будут мягкие гласные. Однако в азербайджанском языке встречаются и заимствованные слова из арабского, фарси, латинского и русского языков, в которых нет сингармонизма. Поэтому использование аффиксов зависит от последнего слога. Например, мягкость: *tarix* – *tarixlər* (история – истории), твердость: *reklam* – *reklamlar* (реклама – рекламы). По своему грамматическому строю предложения в тюркских языках начинает

⁵ День азербайджанского алфавита и языка [Электронный ресурс] // Azertag.az. 2022. 1 августа. URL: <https://portal.azertag.az/ru/node/14548> (дата обращения 24 августа 2022).

субъект, потом идет объект, а в конце предикат. В более молодых языках, к которым относятся русский, английский и другие, фразы строятся в следующей последовательности: субъект, предикат и объект. По-русски мы говорим: «Он пишет письмо». А по-азербайджански это звучит так: «О, məktub yazır» («Он письмо пишет»).

При преподавании азербайджанского языка в РГГУ кафедра стран постсоветского зарубежья столкнулась с главной проблемой – отсутствием учебника. В связи с этим к 2010 г. на кафедре подготовлено учебное пособие азербайджанского языка со словарем. Таким образом студенты получили учебник, созданный и опубликованный в Российском государственном гуманитарном университете. Пособие «Азербайджанский язык для начинающих» дважды переиздавалось с исправлениями и новыми дополнительными материалами.

Данное пособие состоит из двадцати одного урока. Уроки содержат фонетический, морфологический материал, диалоги и тексты биографического и страноведческого характера. В каждом уроке учащимся предлагаются грамматические пояснения с различными заданиями. В конце учебника представлены глаголы с их управлением и азербайджано-русский словарь. Последовательность изложения грамматического материала (от простого к сложному) помогает учащимся успешно усвоить грамматические, лексические и страноведческие знания.

Большое внимание автор учебника уделил разделу «Фонетика», в котором представлены комментарии и задания, связанные с правильным произнесением дифтонгов. Для развития навыков устной речи в пособие были включены различные тематические диалоги и страноведческие тексты. Три заключительных урока, завершающих изучение грамматических правил и различных тематических разделов, являются повторительно-контрольными.

Учебное пособие «Азербайджанский язык для начинающих» не полностью охватывает все разделы азербайджанской грамматики, так как не ставит целью подготовку специалистов-филологов. Языковыми целями пособия являются: изучение грамматики и лексики в объеме, необходимом для повседневного общения, чтения художественной и периодической литературы; обучение навыкам устной (как диалогической, так и монологической) и письменной речи. Еще одной целью автора учебника стало ознакомление учащихся с историей и культурой Азербайджана.

Преподавание азербайджанского языка в РГГУ построено на основе сочетания классической и современной методик преподавания. Классическая методика предполагает обучение через освоение лексико-грамматических конструкций, чтение и пересказ текстов, выполнение письменных и устных заданий, т. е. проведение традиционных семинарских занятий.

Современная методика включает в себя также внеаудиторный метод – индивидуальную работу студента, дистанционное обучение с использованием электронных средств и программ, обсуждение различных тем, книг или фильмов и т. д. К концу обучения студенты должны уметь вести беседу на заданную тему в образовательной, профессиональной, общественно-политической и социокультурной сферах, соблюдая при этом правила языкового, структурного и логического построения в монологической речи, а также обсуждать или участвовать в обсуждении определенной темы, аргументировать свои мысли, выступая в качестве собеседника в речи диалогической.

Перспективы изучения азербайджанского языка в России

Пример Российского государственного гуманитарного университета демонстрирует, что изучение азербайджанского языка востребовано учащимися. В частности, минимальный проходной балл для поступления на программу «Международные отношения в Евразии: Россия и Турция в современной Евразии: внешняя политика, общество, культура», которая предусматривает не только изучение азербайджанского языка, но и получение знаний об истории и культуре Азербайджана, в 2021 г. составил 260, что является высоким показателем⁶. Среди студентов, обучающихся по данной программе, есть представители азербайджанской диаспоры, однако большую часть составляют учащиеся, не имеющие непосредственных связей с Азербайджаном. Подобные связи могут появиться в процессе обучения, поскольку Российский государственный гуманитарный университет активно сотрудничает с ведущими образовательными учреждениями Азербайджанской Республики. Результатом двустороннего взаимодействия являются в том числе программы студенческо-

⁶ Институт постсоветских и межрегиональных исследований: приемная кампания [Электронный ресурс] // ИПиМИ РГГУ. URL <https://www.rshu.ru/education/postsoviet/> (дата обращения 24 августа 2022).

го обмена. Так, студенты РГГУ в период с 13 по 26 мая 2019 г. прошли стажировку в Азербайджанском государственном педагогическом университете. В рамках стажировки студенты посещали занятия по истории Азербайджана и другим предметам. Многочисленные экскурсии по Баку и другим достопримечательностям Азербайджана позволили студентам познакомиться с богатым культурным наследием страны⁷.

Существует вероятность, что в дальнейшем студенты РГГУ смогут применить знания азербайджанского языка в различных сферах. Наиболее перспективным направлением здесь представляется возможность работы в сфере бизнеса, в том числе в крупных международных компаниях, а также в туристической сфере. Динамичное развитие экономики, стратегически выгодное географическое положение, появление и развитие туристической инфраструктуры делают Азербайджан перспективным государством с точки зрения межгосударственного сотрудничества и инвестиций.

Отдельно следует остановиться на туристической сфере. В последнее время Азербайджан становится привлекательным направлением для туристов из различных стран, в том числе из России. Успешное развитие туризма отчасти влияет и на популярность азербайджанского языка. Некоторые россияне перед поездкой в Азербайджан пытаются получить базовую информацию о стране, о ее культуре и истории, используя прежде всего интернет-источники, учат базовые фразы на азербайджанском языке. После посещения Азербайджана многие стремятся продолжить изучение языка.

Таким образом, перспективы изучения азербайджанского языка в России связаны с рядом факторов и в первую очередь с развитием двустороннего сотрудничества в сфере экономики, укреплением гуманитарно-культурных контактов и научно-образовательного взаимодействия. В развитии российско-азербайджанских отношений заинтересованы жители обеих стран, что открывает широкие возможности для дальнейшей популяризации русского языка и культуры в Азербайджане и азербайджанского языка и культуры в России.

⁷ Студенты ИПиМИ прошли стажировку в Азербайджанском государственном педагогическом университете [Электронный ресурс] // ИПиМИ РГГУ. URL <https://www.rsuh.ru/education/postsoviet/> (дата обращения 24 августа 2022).

Литература

- Пивовар, Мухин, Агакишиев 2020 – *Пивовар Е.И., Мухин М.Ю., Агакишиев И.А.* Республика Азербайджан: Очерк политической, экономической истории и истории культуры // Тр. Ин-та постсов. и межрегион. исслед. Вып. 3: Азербайджановедение. М.: РГГУ, 2020. С. 191–219.
- Харатишвили 2014 – *Харатишвили Г.С.* Кавказоведение в Санкт-Петербургском университете и его преподаватели (часть 1) // Вестн. СПбГУ. Сер. 13. 2014. Вып. 3. С. 35–46.

References

- Kharatishvili, G.S. (2014), “Caucasian studies at St. Petersburg University and its teachers (part 1)”, *Vestnik of Saint Petersburg University, series 13: Asian and African Studies*, no. 3, pp. 35–46.
- Pivovar E.I., Mukhin, M.Yu. and Agakishiev, I.A. (2020), “Republic of Azerbaijan. Essay of political, economic and cultural history”, *Works of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies*, iss. 3 “Azerbaijan studies”, pp. 191–219.

Информация об авторах

Айдын А. Аскеров, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; aidynaskerov@mail.ru

Вадим М. Шнейдер, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vadiksh92@gmail.com

Information about the authors

Aidyn A. Askerov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; aidynaskerov@mail.ru

Vadim M. Shneyder, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; vadiksh92@gmail.com

Правовое регулирование гендерных отношений в среде мусульман Украины и Узбекистана

Александра А. Бычек

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, sunny.bychek@mail.ru*

Аннотация. Проблема гендерных отношений в мусульманской среде в настоящее время особенно актуальна. Это подтверждает тревожно высокий процент бытового насилия, принудительных браков, различия трудовых и финансовых возможностей и т. п. Гендерные отношения мусульман в разных странах имеют много схожего, поскольку они формируются на базе ислама. Различия же чаще всего обусловлены историко-культурными особенностями конкретной страны, национальным менталитетом и прежде всего действующим законодательством. Чтобы выявить ключевые факторы, определяющие специфику гендерных взаимоотношений мусульман, важно изучать их в различных условиях, на примере стран, относящихся к разным регионам и имеющих значительные экономические и культурные различия. Данное исследование посвящено Украине и Узбекистану, поскольку в этих странах положение мусульман отличается (Узбекистан является преимущественно мусульманской страной, в то время как в Украине последователи ислама представляют собой религиозное меньшинство; географически Узбекистан окружен преимущественно мусульманскими странами, Украина – христианскими; кроме того, в постсоветский период эти страны избрали разные пути политического и экономического развития), но гендерные отношения между ними во многом похожи. Этот «парадокс» обусловлен, с одной стороны, влиянием одних и тех же религиозных норм, а с другой – действием светского законодательства, которое обеспечивает общий гендерный баланс без учета религиозной принадлежности. В Украине гендерные проблемы проявляются не столь остро, как в Узбекистане, которому еще предстоит масштабная работа в области регулирования гендерных взаимоотношений.

Ключевые слова: гендер, гендерные отношения, ислам, Украина, Узбекистан, дискриминация, гендерный дисбаланс, гендерное законодательство

Для цитирования: Бычек А.А. Правовое регулирование гендерных отношений в среде мусульман Украины и Узбекистана // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 85–95. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-85-95

© Бычек А.А., 2022

Legal regulation of gender relations among Muslims of Ukraine and Uzbekistan

Aleksandra A. Bychek

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, sunny.bychek@mail.ru*

Abstract. An issue of gender relations in the Muslim countries is particularly relevant today. It is confirmed by the presence of a high percentage of domestic violence, forced marriages, differences in labor and financial opportunities etc. The gender relations of Muslims in different countries have many similarities, because they were formed on the basis of Islam. The reasons for the differences lie in the historical and cultural peculiarities of various countries, in the national mentality and especially in the current legislation. In order to identify the key factors determining the specifics of Muslim gender relations, it is important to study them in different conditions, using the example of countries belonging to different geographical regions and having significant economic and cultural differences. The present deals in Ukraine and Uzbekistan, because the situation of Muslims in those countries is different (Uzbekistan is a predominantly Muslim country, while in Ukraine followers of Islam are a religious minority; geographically Uzbekistan is surrounded by predominantly Muslim countries, Ukraine – Christian; in addition, in the post-Soviet period of their development, those countries have chosen different ways of political and economic development). Meanwhile the gender relations of Muslims there are similar in many ways. That “paradox” is due, on the one hand, to the influence of the same religious norms and, on the other hand, to the action of secular legislation, which ensures overall gender balance without taking into account religious affiliation. In Ukraine, gender issues are not as acute as in Uzbekistan, which has yet to work extensively on regulating gender relations.

Keywords: gender, gender relations, Islam, Ukraine, Uzbekistan, discrimination, gender imbalance, gender legislation

For citation: Bychek, A.A. (2022), “Legal regulation of gender relations among Muslims of Ukraine and Uzbekistan”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 85-95, DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-85-95

Важнейшую роль в формировании гендерных отношений между мусульманами, несомненно, играет религия. Именно она определяет положение мужчины и женщины в семье и обществе. Однако в разных странах эти отношения выстраиваются по-разному: на них влияет сложная комбинация внутригосударственных и международных факторов.

В настоящее время в мире в вопросе формирования базовых принципов гендерной политики преобладает тенденция преимущественного расширения прав и возможностей женщин. Собственно, с движения по защите прав женщин начался в международной практике путь к уравниванию социального положения обоих полов. В начале XX в. на мировом уровне впервые была озвучена необходимость создания механизма защиты их прав. Впоследствии появились положения о запрете дискриминации по гендерному признаку в ряде международных документов общего характера – таких, например, как Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, Пакт о гражданских и политических правах, Пакт о социальных, экономических и культурных правах, в ряде договоров ООН и т. д. [Журавлева 2013, с. 41]. Однако проблемной стороной этого процесса всегда оставалось создание эффективных механизмов, способных обеспечить гендерное равенство в жизни, а не только на бумаге. Особенно трудно бороться с бытовым насилием, поскольку семейные отношения, как правило, скрыты от общества. Не меньшую проблему представляет и обеспечение равных возможностей в профессиональном плане.

Против бытового насилия направлен ряд международных документов, определяющих терминологию, особенности правонарушений в этой сфере, а также меры для их пресечения. В первую очередь речь идет о Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (также известной как Стамбульская конвенция), которая была открыта для подписания с 11 мая 2011 г. в Стамбуле. Она является первым юридически обязывающим документом, который создает правовую базу в области противодействия насилию в отношении женщин. На сегодняшний день эта конвенция подписана 46 странами и Европейским союзом¹.

Указанная конвенция в первую очередь дала определение гендера, которое, правда, вызывало споры в научных и политических кругах в течение последних десятилетий: гендер – это «социально сконструированные роли, модели поведения, действия и атрибуты, которые данное общество считает подходящими для женщин и мужчин»². Документ определяет бытовое

¹ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием [Электронный ресурс] // Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000016806b0687> (дата обращения 3 декабря 2021).

² Там же.

насилие как нарушение прав человека и форму дискриминации, а также устанавливает ряд преступлений, которые должны быть криминализованы в странах, ратифицировавших его.

В вопросе обеспечения равных возможностей для мужчин и женщин на рынке труда наблюдается меньший прогресс. В соответствии с устоявшейся традицией и биологическими функциями женщины именно она занимается воспитанием детей и бытом, потому, несмотря на усилия международного сообщества, направленные на уравнивание возможностей при трудоустройстве, карьера для женщин в большинстве стран отходит на второй план. По этой же причине женщинам все еще сложнее, чем мужчинам, добиться назначения на руководящие посты – предполагается, что из-за семьи они не смогут уделять необходимое время работе [Иноземцева 2009, с. 99].

Ситуация на международном уровне, безусловно, оказывает влияние на отношения между мусульманами. Однако не меньше, а зачастую гораздо больше влияют на них факторы внутригосударственные. Изучение этих факторов является актуальной научной задачей. Особенно важно исследовать гендерные отношения внутри мусульманской уммы на примере стран с разной культурой, реализующих разные сценарии политического развития, находящихся в разных географических регионах. Попробуем продемонстрировать это на примере Украины и Узбекистана.

Эти постсоветские государства объединяет общее прошлое в составе СССР. Однако после его распада они стали развиваться по-разному.

В Узбекистане в это время возрождаются национальные традиции, усиливаются позиции религии в обществе. Современное узбекское законодательство первоначально формировалось на основе шариата и адата (свода традиционных обычаев), и это существенно осложнило выработку такого курса гендерной политики, который бы отвечал общим демократическим нормам и в то же время удовлетворял население страны, большинство которого составляют мусульмане³ [Исматуллаева 2015, с. 617].

Украина же выбрала европейский путь развития⁴, главная ценность которого – равенство всех полов, религий и т. д. Му-

³ *Далибаев Н.* Возрождение исламской цивилизации в Узбекистане: уроки прошлого и настоящего [Электронный ресурс]. Проект «Shosh. yatsivilizatsii-v-uzbekistane-uroki-proshlogi-i-nastoyashhego/ (дата обращения 3 декабря 2021).

⁴ *Кучма Л.Д.* Украина – не Россия. М.: Время, 2003. С. 30.

сультмане Украины являются религиозным меньшинством, поэтому им приходится адаптировать свои традиции под местный уклад жизни и законодательство, формировавшееся под влиянием европейских стандартов.

Как было указано выше, Стамбульская конвенция стала важнейшей ступенью на пути развития равноправных гендерных отношений, однако ни Узбекистан, ни Украина ее не ратифицировали. В украинском случае конвенция, присоединение к которой расценивалось как декларация проевропейской позиции Киева, была подписана, но ратификация ее оказалась невозможна из-за неприятия обществом ряда зафиксированных в конвенции принципов. Так, украинские критики Стамбульской конвенции заявляли, что истинное назначение документа – узаконить неприемлемые для Украины однополые браки.

Позиция узбекистанской стороны заключалась в том, что конвенция противоречит национальному законодательству. Однако противоречие это носило не только правовой, но и социокультурный характер. Помимо неприятия легализации однополых браков (которые в Узбекистане совершенно не популярны), в узбекском обществе, на менталитет которого все еще сильно влияет шариат, не могла встретить понимания криминализация таких преступлений, как принудительный брак (ст. 37), принудительные аборт и стерилизация (ст. 39), а также правонарушения, совершенные во имя «чести» (ст. 42)⁵. Хотя сегодня такие действия не поощряются, они все же имеют место. Узбекистан определенно не готов к реформам в этой области.

Вместе с тем как Украина, так и Узбекистан стремятся к положительной динамике в обеспечении гендерного равноправия, поэтому, отвергая некоторые международные практики, они разрабатывают собственные меры и механизмы, обеспечивающие равенство полов.

Так, еще до распада СССР, в 1980 г., Украиной была ратифицирована Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. После суверенизации равные права мужчин и женщин были закреплены украинской Конституцией, которая сообщает, что все люди равны в своем достоинстве и правах. Более того, Конституция предполагает создание комфортных условий для профессиональной самореализации женщин⁶.

⁵ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием...

⁶ Конституция Украины. Раздел 3. Ст. 24 [Электронный ресурс] // Президент Украины. URL: <https://www.president.gov.ua/ua/documents/constitution/konstituciya-ukrayini-rozdil-ii> (дата обращения 3 декабря 2021).

Для конкретизации общих положений были приняты и другие законодательные акты – в частности, закон от 8 сентября 2005 г. № 2866-IV «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин», который предполагал создание практического механизма для установления гендерного равноправия, включающего гендерно-правовую экспертизу, обязательное отображение органами статистики реального положения мужчин и женщин, а также определение ответственных органов всех ветвей власти и их полномочий⁷.

После появления Стамбульской конвенции стало очевидным, что данный законопроект теряет свою актуальность, поскольку в нем в принципе отсутствует понятие гендера, а определение гендерного равенства опирается на понятие биологического пола⁸, тогда как ученые трактуют гендер как социальные роли женщины и мужчины, а гендерное равноправие подразумевает равенство их социальных статусов.

Несмотря на то что появился ряд поправок к указанному закону и было расширено его терминологическое поле, определение гендера в нем так и не появилось. Вместе с тем большее внимание было уделено тематике бытового насилия и гендерной дискриминации, увеличено число ответственных за обеспечение равноправия мужчин и женщин органов власти, к которым присоединились и общественные объединения.

Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС также содержит статью о гендерном равенстве в экономической жизни, которая декларирует обеспечение равных возможностей для мужчин и женщин в сфере занятости, образования и обучения, экономической и общественной деятельности, а также в процессе принятия решений. Из этого следует, что Украина имеет законодательную базу для обеспечения гендерного равноправия в обществе, однако на практике она реализуется не в полной мере.

Сложности в устранении проблем гендерного характера связаны в первую очередь с тем, что семейные отношения, как правило, скрыты от социума и о ряде трудностей «не принято» говорить открыто, в результате чего бытовое насилие остается тревожно

⁷ Закон Украины от 8 сентября 2005 г. № 2866-IV «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин» [Электронный ресурс] // Законодательство Стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=16965 (дата обращения 3 декабря 2021).

⁸ Гендерное равенство характеризовалось в законопроекте как «равный правовой статус женщин и мужчин и равные возможности для его реализации, что позволяет лицам обоих полов принимать равное участие во всех сферах жизнедеятельности общества» [Ким 2006, с. 135].

частым явлением в украинском обществе. Кроме того, для женщин Украины и мусульманок большой проблемой остается дискриминация в профессиональной сфере. Согласно статистике, зарплаты женщин за весь период независимости не превышали 79% заработной платы мужчин. Связано это с тем, что женщины гораздо дольше занимают должности среднего звена, им сложнее получить руководящие посты, что обусловлено их семейной жизнью. Изначально предполагается, что женщина может уйти в декретный отпуск, не выйти на работу по болезни – своей или ребенка, а следовательно, что она будет уделять гораздо меньше времени работе по сравнению с мужчиной, и работодатели негласно учитывают этот фактор. Кроме того, ответственность за построение быта в украинских семьях традиционно лежит на женщинах, что мешает украинкам реализовать себя в профессиональном плане [Галайда, Скрыль 2013, с. 65].

Кроме общих гендерных проблем, мусульманки Украины сталкиваются также с ограниченными возможностями самореализации в сфере политики, поскольку на высокие должности в стране, как правило, избираются представители титульной нации.

Узбекистан также не избежал проблем, связанных с устранением гендерного неравенства. Здесь разработка эффективной стратегии гендерной политики осложняется тем, что она не должна противоречить традициям и нормам ислама.

Равноправие мужчин и женщин законодательно закреплено 46-й статьей Конституции Узбекистана. Также, согласно статье 63, семья находится под защитой государства, а согласно статье 65, материнство и детство охраняются законом⁹. По сравнению с украинской Конституцией в узбекистанском Основном законе формулировки этих статей менее конкретизированы, что потребовало принятия ряда дополнительных законодательных актов.

6 мая 1995 г. Постановлением Олий Мажлиса Республика Узбекистан присоединилась к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятой в Нью-Йорке 18 декабря 1979 г.¹⁰ В соответствии со статьей 2 Конвенции государ-

⁹ Конституция Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.uz/ru/clause/index#section7> (дата обращения 3 декабря 2021).

¹⁰ Постановление Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 6 мая 1995 г. № 87-I «О присоединении Республики Узбекистан к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятой в Нью-Йорке 18 декабря 1979 г.» [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/2678991> (дата обращения 3 декабря 2021).

ства-участники обязаны включить принцип равноправия мужчин и женщин в свои национальные законодательства¹¹. Кроме того, указанная конвенция требует от подписавших ее стран принятия всех необходимых мер, в первую очередь законодательных, для установления равноправия мужчин и женщин в области гражданско-правовых, включая категорию работоспособности, а также порядок приобретения, наследования и пользования собственностью. В области семейных взаимоотношений документ предписывает равные для обоих полов права на брак, на выбор супругов и т. п. [Мамадалиева 2017, с. 68]. Также конвенция запрещает какую-либо дискриминацию женщин в сфере занятости¹².

Положения Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин нашли отражение в национальном законодательстве, включая гражданский, семейный и трудовой кодексы Узбекистана. Таким образом, в стране была создана правовая база, необходимая для установления гендерного равноправия, однако на практике узбекское общество в определенной мере сохраняет свой патриархальный уклад и, принимая основные принципы демократии, остается преданным мусульманскому порядку. Это противоречие способствует продолжению бытового насилия, принудительных браков и дискриминации женщин в профессиональной сфере.

Пытаясь разрешить его, власти Узбекистана в 1991 г. поддержали инициативу создания Комитета женщин Узбекистана – неправительственного общественного объединения, призванного оказывать содействие женскому населению страны в различных сложных ситуациях, начиная с психологической помощи и заканчивая трудоустройством. Был издан целый ряд президентских указов, предписывающих содействие Комитету в его работе, создана правительственная комиссия для контроля за исполнением этих указов, а также учреждена должность заместителя премьер-министра, которую должен был занять председатель Комитета женщин¹³.

¹¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения 3 декабря 2021).

¹² Джолдасова С. Конституционные гарантии гендерного равенства [Электронный ресурс] // Конституция Республики Узбекистан. URL: <http://constitution.uz/ru/pages/gender> (дата обращения 3 декабря 2021).

¹³ Указ президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по поддержке деятельности Комитета женщин Узбекистана» [Электронный ресурс] // Lex.uz. URL: <https://lex.uz/docs/214649> (дата обращения 3 декабря 2021).

Чтобы повысить статус женщины в обществе, в законодательстве о выборах в Олий Мажлис, а также в областные, районные и городские кенгаши (советы) народных депутатов была закреплена квота для женщин в 30% от общего числа кандидатов в депутаты. Кроме того, в каждой политической партии были созданы женские «крылья», которые стали активно участвовать в реализации целевых программ и в целом в решении проблем общественной жизни¹⁴.

Отвергнув Стамбульскую конвенцию, Узбекистан сконцентрировался на разработке соответствующей законодательной базы, которая могла бы удовлетворить общество и при этом отвечала бы требованиям современности. Результатом таких усилий стал закон «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» от 17 августа 2019 г.

В отличие от украинского законодательства данный документ содержит определения целого ряда терминов, в том числе и ключевого – гендера: это

...социальный аспект отношений между женщинами и мужчинами, который проявляется во всех сферах жизнедеятельности общества, включая политику, экономику, право, идеологию и культуру, образование и науку¹⁵.

Такая трактовка не уравнивает гендер с биологически полом человека, но является довольно расплывчатой.

Кроме того, закон декларирует необходимость создания равных возможностей для мужчин и женщин и наделяет их равными правами, определяет типы дискриминации по половому признаку и способы противостояния им, а также перечисляет органы, ответственные за практическое осуществление основных положений. Закон содержит более четкие, чем в украинском случае, разъяснения о порядке занятия должностей на государственной службе, закрепляет равные права на участие в конкурсах на эти должности независимо от пола, политических, религиозных взглядов и прочего. Отдельно оговаривается, что установление различий в регулировании отношений, связанных

¹⁴ Джолдасова С. Указ. соч.

¹⁵ Закон Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 г. № 562 «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4494873> (дата обращения 3 декабря 2021).

с рождением детей и грудным вскармливанием, не является дискриминацией.

В 2020 г. была разработана Стратегия по достижению гендерного равенства в республике Узбекистан в 2020–2030 гг., которая призвана скорректировать государственную политику в гендерном вопросе, сделать ее более эффективной. В ее основу были положены принципы устойчивого развития ООН, переосмысленные с учетом национальной специфики.

Таким образом, и Украина, и Узбекистан стремятся к созданию максимально эффективного законодательства для обеспечения гендерного равенства, а разница в оперативности и категоричности принимаемых мер объясняется как различиями в менталитете населения и национальном укладе, так и особенностями общеполитического курса этих государств.

Более активное участие в международных проектах, посвященных регулированию гендерных взаимоотношений, может способствовать укреплению дружественных отношений с ведущими мировыми державами, однако этот фактор в политике часто используется как рычаг давления. Украина подвергается ему в большей степени, поскольку изначально выбрала европейский вектор развития. Узбекистан сегодня также попадает под это воздействие, но противостоит ему успешнее, стараясь учитывать собственные культурные особенности и стремясь сохранить социальную стабильность в обществе. Вместе с тем проблемы дискриминации по гендерному признаку в определенной мере сохраняются в обеих странах, что объясняется недостаточной эффективностью применения законодательных актов на практике.

На формирование гендерных отношений в среде мусульман Украины и Узбекистана оказывает значительное влияние светское законодательство. Однако при сравнении этих условий становится очевидным, что большее воздействие на определение прав, обязанностей и возможностей мужчин и женщин в обществе оказывает их менталитет.

Литература

- Галайда, Скрыль 2013 – *Галайда Т.А., Скрыль В.В.* Проблемы гендерных взаимоотношений на рынке труда Украины // Проблемы экономики и менеджмента. 2013. № 11 (27). С. 64–70.
- Журавлева 2013 – *Журавлева А.С.* Актуальні питання конституційного та адміністративного права // Вісник мариупольського державного університету. 2013. № 6. С. 40–46.

- Иноземцева 2009 – *Иноземцева Е.Н.* К вопросу о положении женщин в исламе // *Власть*. 2009. № 12. С. 98–100.
- Исматуллаева 2015 – *Исматуллаева Г.Э.* Традиции и ценности в узбекских семьях // *Молодой ученый*. 2015. № 5. С. 616–617.
- Ким 2006 – *Ким И.В.* Гендерное неравенство в исламе: женский терроризм // *Аналитика культурологии*. 2006. № 6. С. 132–137.
- Мамадалиева 2017 – *Мамадалиева Х.Х.* Брак и семья в Узбекистане // *Народонаселение*. 2017. № 7. С. 67–77.

References

- Galaida, T.A. and Skryl', V.V. (2013), "Issues of gender relations in the labor market of Ukraine", *Economic and management issues*, no. 11 (27), pp. 64–70.
- Inozemceva, E.N. (2009), "On the issue of the status of women in Islam", *Vlast'*, no. 12, pp. 98–100.
- Ismatullaeva, G.E. (2015), "Traditions and values in Uzbek families", *Young scientist*, no. 5, pp. 616–617.
- Kim, I.V. (2006), "Gender inequality in Islam. Women's terrorism", *Analitika kul'turologii*, no. 6, pp. 132–137.
- Mamadaliyeva, H.H. (2017), "Marriage and family in Uzbekistan", *Population*, no. 7, pp. 67–77.
- Zhuravleva, A.S. (2013), "Current issues of constitutional and administrative law", *Bulletin of Mariupol State University, Law Series*, no. 6, pp. 40–46.

Информация об авторе

Александра А. Бычек, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119992, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; sunny.bychek@mail.ru

Information about the author

Aleksandra A. Bychek, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27-4, Lomonosov Avenue, Moscow, Russia, 119192; sunny.bychek@mail.ru

Межгосударственное сотрудничество в Евразии

УДК 339.92

DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-96-109

Экономическое и гуманитарное сотрудничество России и Таджикистана в постсоветский период

Марина В. Шаруева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, sharuevamarina@gmail.ru*

Аннотация. Статья посвящена сотрудничеству России и Таджикистана в экономической и гуманитарной сферах на протяжении постсоветского тридцатилетия. В разделе, посвященном совместным экономическим проектам, автор фокусируется на сотрудничестве в области энергетики и в высокотехнологичных отраслях, а также на российских инвестициях в хозяйство Таджикистана. Особое место в статье отведено анализу формирования Центрально-Евразийского макрорегиона и перспективам участия в этом процессе России и Таджикистана. По мнению автора, российско-таджикистанское взаимодействие в рамках Центральной Евразии способно не только принести ощутимые экономические выгоды Москве и Душанбе, но и эффективно содействовать интеграции государств Центральной и Южной Азии в целом. По мнению автора, экономически целесообразно было бы создать на обширной и богатой ресурсами территории Центральной Евразии разветвленную сеть транзитных и коммуникационных коридоров развития «Восток–Запад» и «Север–Юг», которая помогла бы решить коммуникационную проблему, весьма остро стоящую для многих евразийских государств. Гуманитарное сотрудничество понимается автором широко – как взаимодействие в области науки, образования и культуры, так и в области обеспечения безопасности человека, общества и государства. В данном контексте автор подробно рассматривает участие России в разрешении межтаджикского конфликта, а также освещает сотрудничество России и Таджикистана в области борьбы с международной преступностью, особенно с наркотрафиком и нелегальной миграцией, в том числе в рамках Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: Россия, Таджикистан, межтаджикский конфликт, стратегическое партнерство, «мягкая сила», Центральноевразийский макрорегион, Содружество Независимых Государств, правовая безопасность

Для цитирования: Шаруева М.В. Экономическое и гуманитарное сотрудничество России и Таджикистана в постсоветский период // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 96–109. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-96-109

© Шаруева М.В., 2022

Economic and humanitarian cooperation between Russia and Tajikistan in the post-Soviet period

Marina V. Sharueva

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, sharuevamarina@gmail.ru*

Annotation. The article deals with cooperation between Russia and Tajikistan in the economic and humanitarian spheres during the post-Soviet thirty years. In the section on joint economic projects, the author focuses on cooperation in energy and high-tech industries, as well as Russian investments in the economy of Tajikistan. A special place in the article is given to the analysis of the formation of the Central Eurasian macro-region and the prospects for the participation of Russia and Tajikistan in that process. According to the author, Russian-Tajikistani cooperation in Central Eurasia can not only bring tangible economic benefits to Moscow and Dushanbe, but also effectively promote the integration of Central and South Asian states as a whole. In the author's view it would be economically feasible to create an extensive network of the transit and communication development corridors, known as "East-West" and "North-South", on the vast and resource-rich territory of Central Eurasia, which would help solve the communication issue that is very acute for many Eurasian states. Humanitarian cooperation is widely understood by the author as cooperation in the field of science, education and culture, as well as in the field of ensuring security for the human, society and state. In such a context, he examines Russia's involvement in the resolution of the inter-Tajik conflict in detail and also highlights cooperation between Russia and Tajikistan in the fight against international crime, especially drug trafficking and illegal migration, including within the framework of the Commonwealth of Independent States.

Keywords: Russia, Tajikistan, inter-Tajik conflict, strategic partnership, "soft power", Central Eurasian macroregion, Commonwealth of Independent States, legal security

For citation: Sharueva, M.V. (2022), "Economic and humanitarian cooperation between Russia and Tajikistan in the post-Soviet period", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 96-109, DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-96-109

Введение

30 лет назад, в 1992 г., произошло знаменательное событие: Российская Федерация и Республика Таджикистан установили дипломатические отношения¹. Этому предшествовало долгое

¹ О российско-таджикских отношениях [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Республике Таджикистан. URL: <https://dushanbe.mid.ru/o-rossijsko-tadziksikh-otnoseniah> (дата обращения 27 августа 2022).

взаимодействие: торговые маршруты, связывавшие Россию и многие государства Азии, проходили, в том числе, и через территорию, населенную таджиками; во второй половине XIX в. часть территорий современного Таджикистана вошла в состав Российской империи; в декабре 1929 г. Таджикская ССР добровольно вошла в состав Советского Союза². Советский период стал одним из важнейших в истории Таджикистана. Это было время модернизации: в республике возводились города, строились заводы и фабрики, открывались институты и школы, развивалось сельское хозяйство. Принимались меры к сохранению национального языка и культуры. Сюда направлялись тысячи врачей и учителей, геологов и инженеров, других специалистов³.

Распад СССР почти совпал по времени с серьезным этнополитическим кризисом в Таджикистане, который в 1992 г. вылился в многолетнюю гражданскую войну, опустошившую республику. Чтобы всемерно ослабить противника, участники конфликта широко использовали тактику «выжженной земли». Пострадала практически вся производственная база республики, были разрушены школы и медицинские учреждения, жилые дома, инфраструктура. Жертвы насилия исчислялись десятками тысяч. Таджикско-афганскую границу никто не охранял. Через незащищенную территорию в страны СНГ, в том числе в Россию, хлынули многочисленные бандитские группировки, бурным потоком шли партии оружия, наркотиков и экстремистской литературы. Открыто действовали вербовщики из различных фундаменталистских и радикальных организаций⁴.

Истерзанную войной республику поддержала Россия. Помощь шла по военно-технической, материальной, финансовой и гуманитарной линиям⁵. Доминирующая роль принадлежала РФ

² Постановление ЦИК СССР от 5 декабря 1929 г. «О непосредственном вхождении в состав Союза ССР Таджикской союзной республики» [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/postanovleniya/3946698/> (дата обращения 30 августа 2022).

³ Россия и Таджикистан: уважение общей истории [Электронный ресурс] // Сайт Фонда поддержки и защиты прав соотечественников. 2015. 17 июля. URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/rossiya_i_tadzhikistan_uvazhenie_obshchey_istorii_1361/ (дата обращения 29 августа 2022).

⁴ Исторический аспект российско-таджикских отношений [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Республике Таджикистан. URL: <https://dushanbe.mid.ru/istoria-dvustoronnih-otnosenij> (дата обращения 29 августа 2022).

⁵ Там же.

и в межтаджикском урегулировании⁶. По инициативе Москвы в июне 1997 г. стороны конфликта подписали «Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане»⁷, что позволило перевести ситуацию в мирное русло. Однако последствия войны оказались столь масштабны, что их не удалось преодолеть до настоящего времени.

Правовая база российско-таджикского сотрудничества была заложена «Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан»⁸, подписанным в мае 1993 г. В этом документе были определены важнейшие направления взаимодействия, в том числе экономическое (совместная деятельность, направленная на создание благоприятных экономических, финансовых и правовых условий для предпринимательской и иной хозяйственной деятельности субъектов как РФ, так и Таджикистана; развитие различных форм кооперации и прямых связей между гражданами, предприятиями, фирмами и другими субъектами обоих государств; сотрудничество в области инвестиций, энергетики, транспорта, всех видов коммуникаций, включая спутниковую связь)⁹ и гуманитарное (укрепление российско-таджикских связей в области музыкального, театрального, изобразительного искусства, кинематографии, библиотечного и музейного дела, народных промыслов, декоративно-прикладного, самодеятельного, эстрадного и циркового искусства, сохранения объектов историко-культурного наследия)¹⁰.

⁶ Там же.

⁷ Межтаджикское урегулирование (справочная информация) [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2001. 5 июня. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/mezhtadzhijskoe_uregulirovanie/1587869/ (дата обращения 29 августа 2022).

⁸ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан (ратифицирован обеими сторонами) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902068> (дата обращения 29 августа 2022).

⁹ Акцент был сделан на совместных инвестиционных проектах в секторах цветной металлургии и машиностроения, химической и легкой промышленности, транспорте. Кроме того, планировалось вывести на рынок регионы двух стран.

¹⁰ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан...

Чтобы воплотить задуманное, стороны заключили около 300 соглашений и договоров¹¹. Рассмотрим более подробно результаты, которых удалось достичь в экономической области и в сфере гуманитарного сотрудничества.

Экономическое сотрудничество

Сегодня Россия является одним из важнейших экономических партнеров Таджикистана. Наиболее значимых результатов в совместной работе удалось достичь в таких секторах, как сельскохозяйственное и энергетическое машиностроение, автомобилестроение, а также в использовании высоких технологий. Восстребована и информационно-коммуникационная сфера. В первую очередь это такие направления, как электронное правительство, умный город и информационная безопасность. Растут показатели в области переработки нефти и газа, полезных ископаемых, использования возобновляемых источников энергии, в том числе гидроэнергетики. Создаются условия для открытия новых совместных предприятий, для внедрения современных технологий в горно-металлургической, строительной, легкой и пищевой промышленности¹².

В январе–апреле 2022 г. был зафиксирован рост товарооборота на 15,7% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.

В настоящее время в Таджикистане действуют более 300 предприятий с участием российского капитала. Назовем лишь несколько самых крупных совместных инвестиционных проектов. Например, в 2009 г., при содействии ООО «ИнтерРАО», была введена в строй Сангтудинская ГЭС-1, на которую приходится сейчас 11% выработки электроэнергии в республике. Российские нефтепродукты реализует дочерняя компания «Газпрома» – ООО «Газпромнефть – Таджикистан». А на рынке высоких технологий представлена компания «Мегафон – Таджикистан».

¹¹ Таджикистан и Россия: 30 лет устойчивого стратегического партнерства и союзничества [Электронный ресурс] // Журнал «Международная жизнь». 2022. 8 апреля. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/34656> (дата обращения 29 августа 2022).

¹² Состоялось 17-е заседание Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан. [Электронный ресурс] // Новости Правительства России. 2021. 9 февраля. URL: <http://government.ru/news/41503/> (дата обращения 29 августа 2022).

Наконец, в феврале 2017 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии¹³.

Высокую эффективность показал и межрегиональный диалог. Промышленная и торговая кооперация постоянно углубляется, в нее вовлечены более 70 регионов России, а основными партнерами Таджикистана являются Москва (14,3% от общего объема экспорта), Оренбургская область (13,7%), Челябинская область (7,5%), Санкт-Петербург (7,26%), Московская область (7,2%), Ханты-Мансийский автономный округ (5,5%), Свердловская область (4,1%), Красноярский край (3,8%), Самарская область (3,0%), Ивановская область (2,6%). Что касается федеральных округов, 82% от общего объема товарооборота дают Приволжский, Центральный, Уральский, Северо-Западный и Сибирский округа. Однако имеющийся потенциал далеко не исчерпан.

Например, доля Западной Сибири составляет в российско-таджикистанском сотрудничестве 38%, и эти показатели можно значительно увеличить. Запасы крупнейшего в мире Западно-Сибирского железорудного бассейна, практически неисчерпаемые месторождения нефти, газа и каменного угля в сочетании с минеральными, аграрными и людскими ресурсами Таджикистана и других стран Центральной и Южной Азии могут существенно ускорить их интеграционное развитие¹⁴.

Новые перспективы для России и стран Центральной и Южной Азии открываются в условиях формирования нового экономического макрорегиона – Центральной Евразии, охватывающей Западную Сибирь, Центральную и Южную Азию и часть Западной Азии и омываемой двумя океанами – Северным Ледовитым и Индийским.

Центральная Евразия обладает огромными ресурсами. Экономические выгодно создать здесь разветвленную сеть коммуникационных коридоров развития «Восток–Запад» и «Север–Юг», включающую афгано-пакистанское, афгано-иранско-юж-

¹³ Межгосударственные отношения России и Таджикистана [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 2022. 28 июня. URL: <https://ria.ru/20220628/otnosheniya-1798439541.html> (дата обращения 29 августа 2022).

¹⁴ Таджикско-российское межрегиональное сотрудничество в турбулентном мире: особенности интеграции и соразвитие [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. 23 мая. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tadzhiksko-rossiyskoe-mezhregionalnoe-sotrudnichestvo/> (дата обращения 29 августа 2022).

ноазиатское, каспийско-иранско-южноазиатское направления. Водные артерии свяжут страны с Северным морским путем и портами Баренцева моря, железные дороги – с Европейской частью России, Дальним Востоком, странами Центральной и Южной Азии.

Данный проект представляет особый интерес не только для Таджикистана, но и для всего Центрально-Азиатского региона, страны которого пытаются модернизировать свою экономику и остро нуждаются в дополнительных ресурсах, новых рынках сбыта и инвестициях.

Многие транспортные проекты, связанные с выходом на иранские, пакистанские и индийские железные дороги и порты, планировалось реализовывать через территорию Афганистана. В первую очередь это узбекско-афганско-пакистанский железнодорожный проект «Термез–Мазари-Шариф–Кабул–Пешавар», а также прокладка линий современных средств связи по направлениям Мумбай–Чабахар–Центральная Азия и Карачи–Чабахар–Центральная Азия. Однако серьезным препятствием стала политическая нестабильность в Афганистане, который граничит с Китаем, Пакистаном и Таджикистаном.

По этой же причине был приостановлен и таджикский проект ЛЭП CASA-1000, который должен был соединить электрические сети Киргизии, Таджикистана, Афганистана, Пакистана и Индии и создать единый энергетический рынок для стран Центральной и Южной Азии (CASAREM). Отложены и строительство железнодорожной ветки Туркменистан–Афганистан (Мазари-Шариф)–Таджикистан, и проведение газопровода по этому же маршруту, а также прокладка электрических сетей и железной дороги по направлению Рогун–Мазари-Шариф–Кабул–Пешавар¹⁵.

Миграционные процессы

Криминогенная ситуация в России и, в частности, ее этническая составляющая во многом зависят от миграционного давления. Серьезную угрозу для общественного порядка в РФ представляет теневая миграция из постсоветских республик. Бороться с этим явлением необходимо сообща, и примером такого сотрудничества могут служить усилия России и Таджикистана, направленные на пресечение нелегальных миграционных пото-

¹⁵ Таджикиско-российское межрегиональное сотрудничество в турбулентном мире...

ков и обеспечение безопасности граждан, пересекающих границы наших стран в соответствии с законом.

Выше отмечалось, что Таджикистан до сих пор не преодолел разрушительных последствий гражданской войны. Финансовая ситуация в стране непростая, республика нуждается в масштабном кредитовании и живет, по сути, в долг¹⁶. Уровень жизни населения меняется к лучшему медленно, порождая массовую миграцию. В 1990-е гг. молодые граждане Таджикистана ехали в другие постсоветские республики, чаще всего в Россию, не зная русского языка, не имея востребованной профессии, совершенно не ориентируясь в российском законодательстве, а потому часто становились правонарушителями.

Всплеск преступности, последовавший за массовой миграцией, заставил постсоветские государства выработать меры по совместной борьбе с криминалом на двустороннем уровне и в масштабах Содружества Независимых Государств. Так, в рамках СНГ была подписана «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам»¹⁷ (меры совместного противодействия преступности зафиксированы во втором разделе документа «Осуществление уголовного преследования»). Понадобилось и усиление связей между правоохранительными ведомствами стран – членов СНГ. С участием России и Таджикистана были созданы Координационный совет генеральных прокуроров стран СНГ¹⁸, Совет мини-

¹⁵ Основным кредитором является в настоящее время китайский «Эксимбанк» – на его долю приходится 54,1% от общего объема долга и около 80% двустороннего долга Таджикистана. На втором месте находится Международная ассоциация развития (МАР) (14%), на третьем – Азиатский банк развития (АБР) (11,8%), на четвертом – Исламский банк развития (ИБР) (5,8%).

¹⁶ См.: В Таджикистане назвали сумму долга международным кредиторам [Электронный ресурс] // Аналитическое агентство Рамблер/Финансы. 2020. 25 февраля. URL: <https://finance.rambler.ru/realty/43742530-v-tadzhikistane-nazvali-summuldolga-mezhdunarodnym-kreditoram/> (дата обращения 30 августа 2022).

¹⁷ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (закл. в г. Минске 22 января 1993 г.; вступила в силу 19 мая 1994 г., для Российской Федерации 10 декабря 1994 г.; с изм. от 28 марта 1997 г.) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения 31 августа 2022).

¹⁸ О Координационном совете генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3044/77462/> (дата обращения 31 августа 2022).

стров внутренних дел¹⁹ и т. д. Эти организационные меры позволили повысить эффективность противостояния криминалу.

Но исторический опыт убедительно свидетельствует о том, что одними карательными, репрессивными мерами проблему не решить. Необходимы специализированные правовые и экономические программы, профилактика юридического и культурного невежества мигрантов и прочие меры, направленные на сокращение нелегальной составляющей миграционных потоков, оптимизацию безопасности как самих мигрантов, так и страны пребывания.

В 1998 г. правительство Таджикистана утвердило «Концепцию государственной миграционной политики»²⁰. Были взяты под контроль основные потоки мигрантов, защищены их права, ослаблен криминал в этой сфере. Положительно повлияло на ситуацию и открытие в стране представительства компетентных органов РФ.

В 2018 г. президент Владимир Путин подписал «Концепцию миграционной политики России на 2019–2025 гг.»²¹. Она определила основные направления государственной политики в этой сфере. А в январе 2020 г. Россия ратифицировала Соглашение об организованном наборе работников из Таджикистана²². Документ регламентирует организацию и правила отбора канди-

¹⁹ Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3133/77465/> (дата обращения 31 августа 2022).

²⁰ Постановление Правительства Республики Таджикистан от 8 октября 1998 г. № 411 «Об утверждении Концепции государственной миграционной политики Республики Таджикистан» [Электронный ресурс] // Представительство Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан в Российской Федерации по миграции. URL: <http://tajmigration.ru/koncepciya-gosudarstvennoy-migracionnoy-politikirespubliki-tadzhikistan.html> (дата обращения 1 сентября 2022).

²¹ Президент подписал Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.» [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. 2018. 31 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения 1 сентября 2022).

²² Владимир Путин подписал Федеральный закон № 466-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. 2020. 22 января. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/62499> (дата обращения 1 сентября 2022).

датов на вакансии, которые заранее предоставляют российские работодатели.

В сентябре 2021 г. Московский многофункциональный миграционный центр (ММЦ) подписал меморандум о сотрудничестве с Министерством труда, миграции и занятости населения Таджикистана. Согласно договоренностям, в Душанбе откроется представительство ММЦ. Его сотрудники будут проводить собеседования с кандидатами, оценивать их профессиональные навыки, консультировать по вопросам трудоустройства и информировать о правилах пребывания в РФ²³.

На федеральном уровне был разработан и новый комплекс мер по ликвидации пространственной и социальной изоляции мигрантов. Скоро он будет опробован в нескольких пилотных регионах России.

Ознакомившись с проектом, Владимир Путин отметил:

Начинать нужно еще на родине потенциальных мигрантов... Люди, когда уезжают с родины и приезжают к нам, должны быть адаптированы, должны знать нашу культуру, язык, знать российское законодательство...²⁴

Эти и другие меры имеют разные масштабы, но все вместе они поставят заслон нелегальной миграции, позволят снизить этническую преступность. Можно констатировать, что период стихийной, хаотической, а зачастую нелегальной миграции заканчивается.

Культурно-гуманитарное сотрудничество

История убедительно свидетельствует о том, что любая модель сотрудничества малоэффективна, если она имеет в своей основе только прагматичные интересы. Необходима твердая опора на духовное состояние, культурный союз между народами. Это утверждение в полной мере относится и к взаимодействию

²³ Миграционный центр Москвы откроет свое представительство в Таджикистане [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. 2021. 14 сентября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12379547> (дата обращения 1 сентября 2022).

²⁴ Стенограмма встречи Владимира Путина с Игорем Бариновым [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. 2022. 29 августа. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vstrechi-vladimira-putina-s-igorem-barinovym-29-08-2022.html> (дата обращения 1 сентября 2022).

России и Таджикистана, которое основывается в первую очередь на Соглашении между правительствами России и Таджикистана от 19 сентября 1995 г.²⁵

Значимость гуманитарной сферы подтверждает и то, что на всех встречах лидеров двух стран, заседаниях межправительственных комиссий среди важнейших вопросов обязательно обсуждается и эта тема²⁶.

Среди самых известных научных проектов можно назвать Международный научно-исследовательский центр «Памир-Чакалтая», археологические экспедиции в древние города, совместные астрофизические исследования на базе обсерватории «Сангло», изучение ландшафтных зон и многое другое. Успешно действует программа по подготовке и переподготовке научных кадров, стажировке молодых таджикских специалистов в ведущих научных центрах России.

Например, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет) сотрудничает с Таджикским национальным университетом (ТНУ), Таджикским техническим университетом (ТТУ) имени академика М.С. Осими, Институтом энергетики Таджикистана (ИЭТ). За последнее время для этих вузов подготовлены более 30 кандидатов наук по многим специальностям²⁷.

Стало доброй традицией и проведение взаимных культурных мероприятий. Это дни культуры России в Таджикистане и Таджикистана в России, Неделя российского кино в Таджикистане, фестиваль таджикских фильмов в Новосибирске, выставки современных художников и писателей двух стран. Основными формами сотрудничества стали гастрольные и выставочные обмены, мероприятия, связанные с праздниками и памятными датами²⁸.

²⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901169> (дата обращения 29 августа 2022).

²⁶ Встреча с Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. 2022. 28 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68724> (дата обращения 29 августа 2022).

²⁷ Сотрудничество в области науки, образования и культуры [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Республике Таджикистан. URL: <https://dushanbe.mid.ru/sotrudnicestvo-v-oblasti-nauki-i-innovacij> (дата обращения 29 августа 2022).

²⁸ Состоялось 17-е заседание Межправительственной комиссии...

Особенно впечатляющие результаты достигнуты в сфере образования.

Например, уже в 38 школах Таджикистана налажен учебный процесс на русском языке. Еще пять школ, на 1200 учеников каждая, строятся в городах Душанбе, Ходжент, Куляб, Бохтар и Турсунзаде. Сегодня особенно популярны школа № 6 при 201-й Российской военной базе и школа при Российско-Таджикском (Славянском) университете (РТСУ). В рамках проекта «Российский учитель за рубежом» более 50 педагогов-россиян преподают в таджикских школах²⁹.

Ведущие российские вузы в трудное для Таджикистана время обеспечили подготовку специалистов, помогли создать образовательную систему, снабдили научной и учебной литературой. МГУ им. М.В. Ломоносова, НИТУ «МИСиС» и НИУ «МЭИ» открыли свои филиалы в Таджикистане. В них учатся свыше 8 тыс. таджикских студентов.

Особое место занимает Российско-Таджикский (Славянский) университет, созданный в 1996 г. Он насчитывает почти 7 тыс. студентов, в штате университета трудятся около 300 штатных преподавателей, специалистов здесь готовят по РГОС – российским государственным образовательным стандартам. Свыше 30 тыс. студентов из Таджикистана обучаются в вузах РФ, половина из них – за счет федерального бюджета³⁰.

Активно используются и другие формы работы с подрастающим поколением. Например, в конце 2021 г. в Москве прошел Российско-Таджикский молодежный форум. Основными темами стали развитие волонтерства, молодежный туризм и социальные проекты.

Интернет-пользователям двух республик доступен двуязычный сайт, страницы в социальных сетях и тематические группы в мессенджере Telegram. Там публикуются актуальные молодежные новости, аналитические материалы, интересные идеи и проекты, идет обмен мнениями, ведутся споры и дискуссии³¹.

Не забыты и дети. На средства, выделенные Правительством России и Программой развития ООН, в Душанбе в 2020 г. был открыт современный культурно-просветительский центр. Он оснащен компьютерной техникой, музыкальными инструментами, спортивным инвентарем, библиотекой современной и классической литературы на русском языке. В нем проводятся меро-

²⁹ Сотрудничество в области науки, образования и культуры...

³⁰ Состоялось 17-е заседание Межправительственной комиссии...

³¹ Сотрудничество в области науки, образования и культуры...

приятия, связанные с дошкольным образованием. Работают кукольный театр, кружки литературы, истории и музыки, секции риторики, рисования, робототехники, культурологии³².

Новый импульс развитию этой области должна дать «Концепция гуманитарной политики России за рубежом», утвержденная российским президентом в августе 2022 г.³³ В этом документе перечислены национальные интересы РФ в гуманитарной сфере. В их числе:

- защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- распространение в мире информации об историческом и культурном наследии России;
- взаимообогащение культур народов России и других стран;
- развитие международного гуманитарного сотрудничества на справедливой, взаимной, открытой и недискриминационной основе.

Концепция послужит основой для разработки государственных, федеральных и целевых программ и проектов в сфере международного, межрегионального и приграничного сотрудничества.

Заключение

Положение постсоветского Таджикистана трудно не признать противоречивым. Находясь на периферии постсоветского пространства, он тем не менее «находится в зоне политических, экономических и военных интересов крупнейших мировых держав» [Дадабаева 2019, с. 355] и занимает особое место в постсоветских интеграционных проектах. Обладая значительным геополитическим, экономическим, демографическим потенциалом, он не может в полной мере этот потенциал реализовать [Дадабаева 2019, с. 355] и нуждается в надежных партнерах. Не до конца преодолены и последствия гражданского конфликта 1990-х гг., что делает республику еще более уязвимой как для внешних, так и для внутренних вызовов.

³² Славянский культурно-просветительский центр начал работу в Душанбе [Электронный ресурс] // Информационный портал фонда «Русский мир». 2020. 13 марта. URL: <https://russkiymir.ru/news/270350/> (дата обращения 29 августа 2022).

³³ Путин утвердил «Концепцию гуманитарной политики России за рубежом» [Электронный ресурс] // Российская газета. 2022. 5 сентября. URL: <https://rg.ru/2022/09/05/putin-utverdil-koncepciu-gumanitarnoj-politiki-rossii-za-granicej.html> (дата обращения 6 сентября 2022).

Сотрудничество с Россией представляет для Таджикистана жизненно важный интерес. Реализация совместных экономических проектов, двусторонних образовательных, научных и культурных программ закладывает прочный фундамент под будущее благополучие республики и отвечает основным геополитическим интересам Российской Федерации в Центральной Азии и на постсоветском пространстве в целом.

Литература

Дадабаева 2019 – *Дадабаева З.А.* Торгово-экономическое сотрудничество стран ЕАЭС с Республикой Таджикистан // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6 (4). С. 355–365.

References

Dadabaeva, Z.A. (2019), “Trade and Economic Cooperation of the EAEU countries with the Republic of Tajikistan”, *Post-Soviet Issues*, no. 6 (4), pp. 335–365.

Информация об авторе

Марина В. Шаруева, кандидат юридических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; shaguevamarina@gmail.ru

Information about the author

Marina V. Sharueva, Cand. of Sci. (Law), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; shaguevamarina@gmail.ru

Развитие отношений Китая и Украины в российских исследованиях 2010-х гг.

Антон Д. Прудников

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, antonyus97@mail.ru*

Аннотация. В данной статье представлен краткий обзор научной литературы, посвященной развитию отношений Украины и Китая. Автор ставит цель дать общее представление о новейшей отечественной историографии украинско-китайского взаимодействия. Анализируя созданные за последние 10 лет труды отечественных специалистов по данной проблематике, автор приходит к выводу о том, что российскую историческую науку в наибольшей степени интересует несколько проблем. Во-первых, это многомиллиардные инвестиционные проекты в инфраструктурной, энергетической, аграрной и других сферах, которые Китай и Украина согласовали в начале 2010-х гг. и планировали реализовать в дальнейшем на украинской территории, преимущественно в восточных областях страны. Во-вторых, большое количество исследований посвящено позиции и политике китайского руководства в контексте украинского кризиса 2013–2014 гг. Отечественные исследователи полагают, что руководство Китайской Народной Республики заняло взвешенную и в целом нейтральную позицию, не осудив действия Российской Федерации, но при этом выразив стремление развивать отношения стратегического партнерства с новым украинским руководством. По мнению автора, на данный момент в российской историографии не хватает исследований, в которых более детально рассматривалось бы экономическое сотрудничество Украины и Китая в период после 2014 г. В частности, изучения требуют такие проблемы, как влияние украинского кризиса на китайские инвестиции в экономику Украины, развитие украинско-китайской торговли и рост двустороннего товарооборота в последние годы и т. д. Автор отмечает также, что должного внимания отечественных специалистов пока не получили и отношения Украины и Китая до начала 2010-х гг. Интерес здесь представляет, в частности, влияние тайваньского фактора на отношения двух стран, развитие гуманитарного и научно-технического сотрудничества, особенно в военной сфере.

Ключевые слова: Украина, Китай, экономическое сотрудничество, инвестиции, украинский кризис, историография, российские исследователи

Для цитирования: Прудников А.Д. Развитие отношений Китая и Украины в российских исследованиях 2010-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 110–125. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-110-125

© Прудников А.Д., 2022

Development of relations between China and Ukraine in Russian studies of the 2010s

Anton D. Prudnikov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, antonyus97@mail.ru*

Abstract. The article provides a brief overview of the scientific works on the development of relations between Ukraine and China. The author aims to outline a general idea of the latest Russian historiography of Ukrainian and Chinese interaction. Analyzing the works of Russian researchers on that subject published over the past ten years, the author comes to the conclusion that Russian historical studies are mostly focused on several issues. First of all, they include multibillion-dollar investment projects in infrastructure, energy, agriculture and a number of other areas that China and Ukraine agreed on in the early 2010s and planned to implement on Ukrainian territories, mainly in the eastern regions of the country. Secondly, a large number of works deal with the position and policy of the Chinese leadership in the context of the Ukrainian crisis of 2013–2014. Russian researchers believe that the leadership of the People's Republic of China has taken a balanced and generally neutral position, not condemning the actions of the Russian Federation, but at the same time expressing a desire to develop strategic partnership relations with the new Ukrainian leadership. According to the author, there are not enough studies in Russian historiography at the moment that would consider in more detail the economic cooperation between Ukraine and China in the period after 2014. In particular, such issues as the impact of the Ukrainian crisis on Chinese investments in the economy of Ukraine, the development of Ukrainian and Chinese trade, as well as the growth of bilateral trade in recent years, etc. require additional study. The author also notes that the relations between Ukraine and China until the early 2010s have not yet received due attention from Russian researchers. Of interest here is, in particular, the influence of the Taiwanese factor upon the relations between the two countries, the development of humanitarian and scientific and technical cooperation, especially in the military sphere.

Keywords: Ukraine, China, economic cooperation, investments, Ukrainian crisis, historiography, Russian researchers

For citation: Prudnikov, A.D. (2022), "Development of relations between China and Ukraine in Russian studies of the 2010s", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International relations" Series*, no. 4, pp. 110-125, DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-110-125

В последние годы постсоветская тематика все больше привлекает внимание специалистов из самых разных областей социогуманитарного знания, что объясняется возрастающей важностью данного региона в мировой политике. С распадом СССР и образованием на его территории новых независимых государств ряд ключевых акторов международных отношений активизиро-

вали здесь свою политику. Сегодня постсоветское пространство является полем острой конкуренции и соперничества между Россией и Западом, что наглядно демонстрирует развивающийся с 2014 г. украинский кризис.

Свои экономические и политические интересы на постсоветском пространстве имеют и ведущие азиатские игроки.

Особого внимания заслуживает наращивание влияния Китайской Народной Республики в странах бывшего СССР в последние годы. Китай стремится упрочить свое положение в Евразии, расширяя торговлю и инвестиционное сотрудничество с постсоветскими государствами как на двустороннем, так и на многостороннем уровне (формат 16+1), с тем чтобы в дальнейшем увеличить свой экспорт в ЕС и в перспективе вытеснить США с европейских рынков, поскольку уже с 2020 г. Пекин является для Брюсселя ключевым торговым партнером.

Украина играет в данном случае особую роль. С одной стороны, она обладает крайне выгодным географическим положением; с другой стороны, основной целью украинской внешней политики является интеграция в европейские структуры. Последнее обстоятельство не только не препятствует, но и способствует устремлениям Китая, который рассматривает Украину как важный пункт для транспортировки своих товаров и капиталов в европейские страны. В 2019 г. Китай стал главным торговым партнером Украины. Страны согласовали ряд перспективных инфраструктурных проектов и подписали документы об участии Украины в самой масштабной китайской интеграционной программе «Один пояс – Один путь».

Это видится особенно важным в связи с неудачными попытками интенсифицировать процесс интеграции Украины в ЕС после 2014 г., а также с тем, что после разрыва с Москвой Киев понес существенные потери, и это заставило руководство страны искать новые рынки сбыта и начать диверсификацию внешнеэкономической стратегии, чтобы получить дополнительные кредиты и инвестиции для восстановления находящейся в долгосрочном кризисе украинской экономики.

Несмотря на то что российская общественность и экспертно-аналитические круги по понятным причинам демонстрируют активный интерес к различным аспектам украинской внешней политики, на академическом уровне некоторые проблемы и сюжеты, связанные с ней, остаются недостаточно изученными. Это касается и украинско-китайского сотрудничества. Поэтому актуальной научной задачей является исследование российской историографии данного вопроса. Целью такого анализа ста-

новится выявление как более, так и менее изученных аспектов украинско-китайского взаимодействия.

Исследования, посвященные украинско-китайским отношениям, можно разделить на несколько групп.

В первую группу входят работы, авторы которых стремятся сформировать общее представление о развитии сотрудничества Украины и КНР в разных сферах. Таковы статьи Д.В. Станис, К.П. Курылева, А.Г. Алпеевой и некоторых других исследователей.

В статье Д.В. Станис и К.П. Курылева «К вопросу об украинско-китайских отношениях» кратко рассматриваются отношения Украины и КНР в 1991–2017 гг. Авторы констатируют, что уже в первые годы после распада СССР отношения между двумя странами стали развиваться достаточно активно, однако до начала 2010-х гг. китайское направление украинской внешней политики носило несколько периферийный характер, в связи с чем основной упор в работе делается на период пребывания на посту президента Украины В.Ф. Януковича (2010–2013). Авторы подчеркивают, что в этот период торгово-экономическое сотрудничество Украины и Китая вышло на новый уровень, о чем свидетельствовали ряд согласованных выгодных инфраструктурных проектов, рост товарооборота, согласие Украины на участие в крупнейшем китайском инфраструктурном проекте «Один пояс – Один путь». В статье указывается, что именно в это время двусторонние отношения достигли уровня стратегического партнерства, был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве.

Определенное внимание в работе Д.В. Станис и К.П. Курылева уделяется развитию украинско-китайского взаимодействия после смены власти в Киеве в 2014 г. В частности, авторы обращают внимание на то, что, несмотря на нежелание Пекина поддерживать позицию официального Киева, стороны продолжали развивать торгово-экономическое сотрудничество. При этом более подробный анализ основных проблем, с которыми сталкиваются участники украинско-китайского диалога на современном этапе, а также влияния украинского кризиса на общее качество сотрудничества двух стран не дается, что детерминировано обзорным характером данной статьи [Курылев, Станис 2019].

Подобных же взглядов на развитие китайско-украинских связей придерживается Е.Г. Алпеева, которая, однако, несколько больше внимания уделяет при этом ранним этапам развития сотрудничества двух стран. Например, она полагает, что представление о Китае как о перспективном партнере сформировалось у украинского руководства еще на рубеже 1990–2000-х гг., когда

были открыты украинские технологические парки в Харбине и Цзинане. Однако, по мнению исследовательницы, прозападная политика следующего президента Украины В.А. Ющенко, а также некоторые события в начале его правления (визит в Японию, посещение Украины тайваньским премьер-министром) привели к многолетней стагнации двустороннего сотрудничества [Алпева 2020].

Главной общей проблемой подобного рода работ является их фрагментарный характер: обозначая общий круг исследуемых сюжетов, авторы отказываются от подробного анализа отдельных, очень важных аспектов украинско-китайского взаимодействия. Подобные труды служат скорее основой для дальнейших, более детальных исследований, посвященных конкретным вопросам.

Стоит отметить, что в современных российских исследованиях практически не рассматриваются особенности развития украинско-китайского диалога до начала 2010-х гг. В отдельных работах если и затрагиваются некоторые частные проблемы двустороннего сотрудничества в то время, то только вскользь и эпизодически. Скорее всего российские эксперты убеждены в том, что в 1990–2000-е гг. двусторонние контакты были спорадическими и в отношениях между двумя странами не происходило ничего сколько-нибудь значимого и достойного изучения. Тем не менее исследования, посвященные данному периоду, все-таки есть.

В статье В.А. Никифоровой «Реакция Китайской Народной Республики на распад СССР» анализируется политика Китая в связи с ликвидацией Советского Союза как единого политического образования и созданием новых независимых государств. Автор указывает, что, несмотря на неоднозначное отношение китайского руководства к советской перестройке, КНР практически сразу установил дипломатические отношения со всеми странами СНГ, в том числе и с независимой Украиной. Однако более подробно политика Китая на украинском направлении в первое время после распада СССР в статье не рассматривается [Никифорова 2011].

Статья А.В. Шиптенко «Проблема ядерного арсенала бывшего СССР на территории Украины: 1991–1996. Позитивный опыт сотрудничества» целиком посвящена проблеме ликвидации ядерного оружия, оставшегося на территории стран СНГ с советского времени. Особое внимание уделяется Украине и истории подписания Будапештского меморандума, в котором был зафиксирован отказ официального Киева от ядерного потенциала в обмен

на гарантии безопасности, предоставляемые Украине странами-подписантами. Китай присоединился к договору в форме соответствующего устного заявления, поэтому отношения двух стран затрагиваются в статье лишь в контексте данной проблемы [Шиптенко 2019].

Немало трудов отечественных исследователей посвящено изучению сотрудничества Китая и Украины в период президентства В.Ф. Януковича. Особый интерес вызывают, как правило, крупные инвестиционные проекты, согласованные сторонами в то время (статьи Д.К. Бабаяна, А.Ч. Мокрецкого и ряда других ученых). Интерес к правлению В.Ф. Януковича в России объясняется тем, что внешняя политика Киева в тот период традиционно рассматривалась как многовекторная, и одним из таких векторов российские специалисты считали страны Азии, в том числе и Китай.

Инфраструктурные проекты, которые китайская сторона планировала реализовать на территории Украины, исследователи подразделяют на несколько групп. Ключевое значение имеют, по их мнению, проекты в Крыму. В статье «Крымский контекст и стратегические интересы Китая» Д.К. Бабаян в качестве важнейших крымских проектов выделяет строительство парогазовой электростанции и глубоководного порта, а также реконструкцию рыбного порта в Севастополе и создание зоны экономического развития высокотехнологичной индустрии в Крыму. Станцию предполагалось построить на базе недостроенной Щелкинской АЭС, строительство которой было приостановлено в 1989 г. Мощность электростанции должна была составить 700 МВт, ориентировочная стоимость варьировалась в районе 800 млн долл.

Общий же объем возможных вложений в строительство портов, по данным исследователя, оценивался в 10 млрд долл., которые планировалось потратить в том числе на строительство аэропорта, верфи, нефтеперерабатывающего завода, производственной базы сжиженного природного газа и на создание морских рекреационных пляжей [Бабаян 2016].

Еще одну группу ключевых инвестиций, по мнению российских экспертов, составили китайские инвестиции в сельское хозяйство Украины. В работе А.Ч. Мокрецкого «Китайско-украинские отношения в свете концепции “стратегического равновесия” Украины» подробно анализируются планы Китая инвестировать в украинское сельское хозяйство 3 млрд долл. (впервые информация об этих планах появилась летом 2012 г.). Большая часть этих денег, по оценке специалиста, должна была пойти на

строительство завода по производству пестицидов, культивацию земель, создание оросительных систем, закупку средств защиты растений и сельхозтехники, другого необходимого оборудования. В обмен на это украинская сторона брала на себя обязательство ежегодно поставлять в КНР 3 млн т кукурузы по рыночным ценам [Мокрецкий 2013].

В другой статье А.Ч. Мокрецкого «Отношения Китая со странами СНГ» пристальное внимание уделяется планам сторон по замещению природного газа украинским углем. В декабре 2012 г. было подписано соответствующее соглашение на общую сумму более 3,6 млрд долл. под государственные гарантии правительства Украины. Кредит КНР, как отмечает А.Ч. Мокрецкий, планировалось потратить на строительство четырех заводов газификации каменного (Донецкая и Луганская области) и бурого угля (Кировоградская область), а также на реконструкцию Северодонецкой ТЭЦ [Мокрецкий 2014].

Среди прочих двусторонних проектов 2010–2013 гг., привлечших внимание российских ученых, стоит упомянуть программу строительства железной дороги из Киева в аэропорт «Борисполь», соглашение о кредитном финансировании которой в размере 1 млрд долл. было подписано еще в сентябре 2010 г., а также китайские инвестиции в строительный рынок Украины и ряд других.

Обращает на себя внимание большое количество работ, посвященных официальной китайской позиции относительно происходивших на Украине в 2013–2014 гг. событий. Этот вопрос бегло затрагивается в уже упомянутых ранее трудах Д.В. Станис, К.П. Курылева и Е.Г. Алпеевой. Отдельные работы данной проблеме посвятили такие исследователи, как Г.И. Ганьшина, С.А. Иванов, А.С. Исаев, Д.В. Кузнецов, В.В. Ларин, А.И. Лычагин, К.М. Пашинцев. С одной стороны, это объясняется озабоченностью российского общества в целом и экспертной среды в частности процессами, происходящими в соседней стране с 2013–2014 гг. С другой стороны, эти события поставили российский социум, науку и экспертные круги перед необходимостью осмыслить и сам украинский кризис, и ту глубокую трансформацию всей системы международных отношений, которая происходит в последние годы, и отношение к этой трансформации ключевых акторов современной мировой политики. К числу таких акторов, несомненно, принадлежит Китай.

В статье Г.И. Ганьиной «Украинский кризис 2014 г. глазами стран АТР» достаточно емко анализируется общее отношение китайского руководства к украинскому кейсу. Автор подчеркивает,

что Китай изначально занял нейтральную позицию по отношению к происходящему, не поддержав открыто действия России в Крыму, но и не присоединившись к осуждению российской политики странами Запада. Вполне справедливым представляется ключевой вывод автора о том, что Китай, как и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона, старается, в отличие от западных стран, проявлять сдержанность по отношению к украинскому кризису, призывая воздерживаться от любых шагов, которые привели бы к эскалации конфликта, и делая основной упор в своей риторике на необходимость проведения мирных переговоров для полного урегулирования ситуации. Примечательно, что позиция Пекина относительно украинской проблематики рассматривается в региональном контексте: Г.И. Ганьшина учитывает отношение к событиям на Украине и других азиатско-тихоокеанских стран – КНДР, Вьетнама, Японии, Республики Корея, Индонезии. Но при этом довольно спорным представляется сделанный ею вывод о том, что в данном случае Китай относится к группе стран Азии пророссийской ориентации (наряду с КНДР и Вьетнамом). Исходя из наблюдений самой Г.И. Ганьшиной, представляется более целесообразным говорить о независимой позиции Пекина в «украинском вопросе» [Ганьшина 2014].

Интересная трактовка позиции КНР по отношению к Украине представлена в статье С.А. Иванова «Официальная позиция и общественное мнение в КНР по вопросам украинского кризиса», а также в работе А.И. Лычагина и К.М. Пашинцева «Некоторые ключевые особенности китайского фактора в украинском кризисе». Пытаясь определить причины официального нейтралитета китайских властей, исследователи приходят к выводу о том, что такая позиция прежде всего отвечает государственным интересам КНР. Во-первых, официальный Пекин всегда выступает против смены власти насильственным путем, поскольку считает это потенциальной угрозой собственной государственности. Во-вторых, безоговорочная поддержка крымского референдума и движения за отделение от Украины ее юго-восточных регионов привела бы к серьезным последствиям в самом Китае, учитывая наличие тайваньской, синьцзянской и тибетской проблем.

Более сложное отношение к «украинскому кризису» характерно, по мнению, исследователей, для китайского общества. Большая часть опрошенных китайцев так или иначе поддерживает действия России, а меньшая все же воспринимает произошедшую на Украине смену власти во вполне позитивном ключе. Причины такого раскола следует, по мнению С.А. Иванова, А.И. Лычагина и К.М. Пашинцева, искать также исключительно

во внутренней повестке самого Китая, а не во внешнеполитических приоритетах китайского общества. Консервативно настроенные китайцы усматривают в действиях РФ пример для китайского руководства в отношении Тайваня, тогда как жители Поднебесной, настроенные оппозиционно по отношению к своему правительству, рассматривают украинские события как часть мировых демократических перемен, которые они хотели бы видеть и в своей стране [Иванов 2015; Лычагин, Пашинцев 2015].

Есть труды, в которых политика Китая в контексте «Евромайдана» и последующих событий глубоко и подробно разбирается на материалах китайской прессы и при помощи анализа заявлений отдельных политиков. Среди подобного рода исследований следует выделить статьи Д.В. Кузнецова, А.С. Исаева и В.В. Ларина.

Их работы, с одной стороны, подтверждают наблюдения других исследователей, согласно которым Пекин проявляет большую сдержанность и рациональность по отношению к украинским событиям, нежели страны Запада.

Однако более детальное изучение китайской позиции, анализ происходивших в ней изменений показывают, что не все столь однозначно.

Примечательно, в частности, что до конца февраля 2014 г. китайское руководство вообще никак не комментировало происходящее. Призыв Пекина ко всем сторонам конфликта сесть за стол переговоров, как и обвинение стран Запада во главе с США в эскалации ситуации, прозвучали позже. Вместе с тем руководство КНР заявляло о том, что необходимо по-прежнему развивать отношения стратегического партнерства с Украиной, указывая на то, что никакие политические изменения не способны помешать реализации двусторонних взаимовыгодных проектов, согласованных ранее. Таким образом, как отмечают исследователи, несмотря на категорическое неприятие Китаем американской политики «экспорта демократии», подразумевающей насильственное свержение правящих режимов в ряде стран (что произошло в сущности и на Украине), официальный Пекин подтвердил свою готовность выстраивать конструктивный диалог и с новыми киевскими властями, что еще раз подтверждает исключительную прагматичность и независимость китайцев в украинском вопросе.

Постепенно разрастание и углубление украинского кризиса потребовало более активного участия китайской стороны в событиях на Украине. Политическое руководство КНР даже предложило создать специальный многосторонний механизм мирного

урегулирования конфликта между Киевом и Донбассом. Однако данная инициатива не получила развития, и в дальнейшем Китай не принимал фактически никакого участия в украинском урегулировании. Пытаясь определить причины выбора Китаем такой стратегии, исследователи приходят к выводу о том, что, помимо внутрисоветских проблем (опасение, что подобные события повторятся в самой КНР, проблемы Тайваня, Синьцзяна и Тибета), важным фактором, определившим сдержанную и пассивную политику Пекина, стало нежелание портить отношения ни с одним из так или иначе вовлеченных в украинский кризис мировых акторов, включая, конечно, и США. Исследователи подмечают и тот факт, что руководство КНР поздравило с избранием на пост президента Украины П.А. Порошенко, т. е. продолжило поддерживать официальный Киев и в «постмайданный» период. К сожалению, в работах Д.В. Кузнецова, А.С. Исаева и В.В. Ларина отсутствует сколько-нибудь подробный анализ как позиции новой украинской власти относительно будущих отношений с Китаем, так и влияния событий 2013–2014 гг. на дальнейшее развитие диалога между Украиной и КНР. Большой интерес для российских ученых представляет изменение характера российско-китайских отношений в контексте реформирования мировой геополитической ситуации, которое начинается в 2014 г. [Исаев 2014; Кузнецов 2014; Ларин 2016].

Как было сказано выше, отношения Украины и КНР после 2014 г. в целом не получили должного освещения в отечественной историографии. В России внешняя политика Украины после «Евромайдана» рассматривается исключительно сквозь призму влияния США и ЕС на внешнеполитический курс Киева, интерес же к другим, «незападным», аспектам украинской внешней политики значительно слабее.

Самым полным исследованием торгово-экономического сотрудничества Украины и КНР после 2014 г. является статья М.Ю. Беляковой и Д.И. Олифир «Экономическая экспансия КНР на постсоветском пространстве: пример Украины». В ней рассматриваются особенности развития украинско-китайской торговли в первые годы после «Евромайдана», подробно анализируется инвестиционная стратегия Китая на украинском направлении [Белякова, Олифир 2017]. Однако эта статья была опубликована в 2017 г. Необходимы новые исследования, в которых было бы проанализировано украинско-китайское экономическое взаимодействие в 2017–2021 гг.

Наиболее изученным аспектом экономического сотрудничества Украины и КНР после 2014 г. являются отношения двух

стран в контексте реализации Китаем масштабной интеграционной инициативы «Один пояс – Один путь» (ОПШП). Этому сюжету посвящены статьи К.П. Курылева, Ю.М. Борисовой.

В статье К.П. Курылева «Украинско-китайские отношения в контексте реализации Пекином проекта “Шелкового пути”» подробно рассматриваются основные проблемы и перспективы участия Украины в ОПШП. Автор отмечает, что украинские власти на официальном уровне еще в конце 2013 г. изъявили желание принять полноценное участие в этом проекте, и в 2015 г. между странами были подписаны все основные документы, регламентирующие роль Украины в ОПШП. Однако в реальности, как справедливо замечает исследователь, перспективы на этом направлении не столь радужны. По его мнению, основной проблемой, препятствующей полноценному участию Украины в ОПШП, является отсутствие необходимой материально-технической и правовой базы на Украине [Курылев 2016]. Эти выводы в целом подтверждает в своей статье и Ю.М. Борисова [Борисова 2017].

В последние несколько лет интерес российских исследователей к украинско-китайскому партнерству заметно возрос, что связано с изменением внешнеэкономической стратегии официального Киева. Неудовлетворенность результатами евроинтеграции заставила украинские власти попытаться диверсифицировать внешнюю торговлю. По итогам 2019 г. главным торговым партнером Украины стал Китай, а избранный в том же году президент Украины В.А. Зеленский заявлял о том, что он собирается посетить КНР.

К проблемам развития украинско-китайской торговли в последние годы обращается в своей статье С.С. Жильцов. В частности, в работе «Экономическая политика Китая в отношении Украины» он делает особенный акцент на скандальной ситуации с «Мотор-Сич» [Жильцов 2021].

Вообще, как видно из вышесказанного, изучение экономического взаимодействия Украины и Китая представляет для отечественных специалистов гораздо больший интерес хотя бы благодаря динамично развивающейся в последнее время торговле, а также масштабу обсуждаемых Киевом и Пекином бизнес-проектов. При этом прочие области двустороннего сотрудничества по большей части остаются вне поля зрения исследователей.

Так, например, на данный момент недостаточно изучены непосредственно политические отношения между государствами. Необходимо исследовать влияние тайваньского фактора на развитие двусторонних отношений, поскольку после визита пре-

мьер-министра Тайваня на Украину в середине 1990-х гг. по инициативе китайской стороны был отменен ряд официальных мероприятий с участием представителей Украины, политические контакты на высшем уровне были приостановлены до начала 2000-х гг., а после посещения Украины официальным представителем Тайваня в 2005 г. следующий обмен визитами лидеров состоялся только в начале следующего десятилетия.

Глубокого изучения требует и гуманитарная составляющая украинско-китайского сотрудничества. Из имеющихся работ по данной теме следует отметить разве что статьи А.Г. Данкова «Образовательное партнерство Китая с Россией, Украиной и Республикой Беларусь (1992–2018 гг.)» и Н.В. Кухаренко «Китайская политика “мягкой силы” в отношении Белоруссии, Украины и стран Центральной Азии».

Статья А.Г. Данкова посвящена образовательной политике Китая на постсоветском пространстве, которая исследуется на примере России, Украины и Беларуси. В статье приводятся интересные цифры относительно изменения численности китайских студентов, обучавшихся в этих странах на протяжении многих лет. При этом украинско-китайское образовательное сотрудничество рассматривается исключительно в контексте контактов Китая в сфере образования с другими постсоветскими странами и не является отдельным предметом изучения [Данков 2019].

В работе Н.В. Кухаренко анализируется культурная политика КНР на пространстве СНГ в контексте реализации Китаем политики «мягкой силы», причем предметом особого внимания автора являются Институты Конфуция. Здесь, как и в работе А.Г. Данкова, приводятся лишь общие сведения и цифры, а непосредственно украинская проблематика не является ключевым объектом исследования [Кухаренко 2014].

Отдельного изучения требует и научно-техническое сотрудничество Украины и КНР, особенно учитывая значение, которое приобретает украинско-китайское взаимодействие в военной и космической сферах после разрыва отношений между Киевом и Москвой. Однако на данный момент в российской историографии нет ни одного комплексного академического исследования, которое затрагивало бы различные аспекты развития украинско-китайских отношений в военно-технической области.

Итак, в отечественной науке активизация интереса к отношениям КНР и Украины напрямую связана с политикой украинского президента В.Ф. Януковича, который стремился привлечь в национальную экономику крупные инвестиции, согласовав с

китайской стороной ряд масштабных совместных проектов на территории Украины. Речь шла о многомиллиардных инфраструктурных вложениях. Именно анализу основных проблем и перспектив реализации данных проектов посвящен ряд работ российских экспертов, вышедших в 2012–2014 гг.

Востребованными российским научным и экспертным сообществом темами остаются также позиция китайского руководства по украинским событиям 2013–2014 гг. и дальнейшее развитие отношений с этой страной. Отечественные исследователи пришли к выводу о том, что Китай занял здесь подчеркнуто нейтральную и объективную позицию, не поддержав ни одну из сторон, что объясняется как внутренними проблемами самого Китая (в первую сепаратистскими движениями в отдельных китайских регионах), так и нежеланием китайского руководства портить отношениями ни с одной из вовлеченных в украинский кризис стран.

Однако обострение украинского кризиса в 2022 г. по-иному ставит вопрос об отношении к нему Китая и о позиции Пекина в треугольнике «Россия – КНР – Украина». В контексте совершающейся глобальной трансформации системы международных отношений роль Китая на мировой политической арене становится все более весомой, а его очевидная заинтересованность в поддержании взаимовыгодных отношений как с Россией, так и с Украиной обуславливает устойчивое внимание российских исследователей к китайской проблематике.

При этом в российской историографии, к сожалению, не получило должного освещения ни дальнейшее развитие украинско-китайских контактов после 2014 г., ни влияние украинского кризиса на диалог между двумя странами. В данном случае особый интерес представляет изучение торгово-экономического сотрудничества на современном этапе с учетом согласованных ранее совместных проектов, заинтересованности украинского руководства в получении дополнительных инвестиций от возможного участия в крупном интеграционном проекте Китая «Один пояс – Один путь», а также стремительного роста украинско-китайского товарооборота в последние годы.

Кроме того, на данный момент практически не исследованы особенности развития отношений Украины и КНР с момента распада СССР до начала президентства В.Ф. Януковича. Здесь также есть аспекты, на которые следует обратить особенно пристальное внимание. В частности, изучение влияния тайванского фактора на двусторонний политический диалог поможет глубже понять особенности отношений двух стран на разных исторических этапах.

Слабо изучены и такие области двустороннего взаимодействия, как гуманитарное и научно-техническое сотрудничество, что также представляет большой интерес, учитывая, например, активизацию украинско-китайских отношений в военно-технической сфере.

Таким образом, следует констатировать, что, несмотря на достаточно неплохую проработанность материала по отдельным направлениям и проблемам китайско-украинского сотрудничества российскими учеными, в изучении данной темы по-прежнему сохраняются пробелы, заполнить которые требуют не только научная целесообразность, но и актуальные политические события.

Литература

- Алпева 2020 – *Алпева Е.Г.* Основные направления сотрудничества Украины и КНР // Постсов. исслед. 2020. № 8. С. 664–678.
- Бабаян 2016 – *Бабаян Д.* Крымский контекст и стратегические интересы Китая // Свободная мысль. 2016. № 5 (1659). С. 143–152.
- Белякова, Олифир 2017 – *Белякова М.Ю., Олифир Д.И.* Экономическая экспансия КНР на постсоветском пространстве: пример Украины // Общество. Среда. Развитие (Terza Humana). 2017. № 4 (45). С. 47–52.
- Борисова 2017 – *Борисова Ю.М.* Политика Китая на постсоветском пространстве. Инициатива «Один пояс – один путь» // Проблемы постсоветского пространства. 2017. Т. 4. № 3. С. 202–209.
- Ганьшина 2014 – *Ганьшина Г.И.* Украинский кризис 2014 г. глазами стран АТР // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2014. № 4. С. 47–58.
- Данков 2019 – *Данков А.Г.* Образовательное партнерство Китая с Россией, Украиной и Республикой Беларусь (1992–2018 гг.) // Вестн. Томского гос. ун-та. История. 2019. № 58. С. 86–90.
- Жильцов 2021 – *Жильцов С.С.* Экономическая политика Китая в отношении Украины // Вестн. Дипломат. акад. МИД России. Россия и мир. 2021. № 2 (28). С. 110–120.
- Иванов 2015 – *Иванов С.А.* Официальная позиция и общественное мнение в КНР по вопросам украинского кризиса // У карты Тихого океана. 2015. № 35 (233). С. 35–37.
- Исаев 2014 – *Исаев А.С.* Китай и «украинский кризис»: выбор стратегии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т. 19. № 19. С. 231–236.
- Кузнецов 2014 – *Кузнецов Д.В.* Украинский кризис 2013–2014 гг. и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 13–24.
- Курьлев 2016 – *Курьлев К.П.* Украинско-китайские отношения в контексте реализации Пекином проекта «Шелкового пути» // Роль и место России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Материалы междунар. круглого стола молодых ученых. 28 марта 2016. М.: Издат.-торг. корпорация «Дашков и К», 2016. С. 53–65.
- Курьлев, Станис 2019 – *Курьлев К.П., Станис Д.В.* К вопросу об украинско-китайских отношениях // Постсов. исслед. 2019. № 5. С. 1305–1312.

- Кухаренко 2014 – *Кухаренко Н.В.* Китайская политика «мягкой силы» в отношении Белоруссии, Украины и стран Центральной Азии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (14–19 мая 2014 г.). Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2014. С. 480–485.
- Ларин 2016 – *Ларин В.В.* Китай и украинский кризис 2014 г // Исторические события в жизни Китая и современность: Материалы IV Всеросс. науч. конф. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Ин-та Дальнего Востока РАН (17–18 февраля 2016). М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2016. С. 105–115.
- Лычагин, Пашинцев 2015 – *Лычагин А.И., Пашинцев К.М.* Некоторые ключевые особенности китайского фактора в украинском кризисе // Глобальный научный потенциал. 2015. № 4 (49). С. 154–156.
- Мокрецкий 2013 – *Мокрецкий А.Ч.* Китайско-украинские отношения в свете концепции «стратегического равновесия» Украины // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18. № 18. С. 232–253.
- Мокрецкий 2014 – *Мокрецкий А.Ч.* Отношения Китая со странами СНГ // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР: Сб. ст. / Под ред. М.Л. Титаренко. М.: Форум, 2014. С. 239–249.
- Никифорова 2011 – *Никифорова В.А.* Реакция Китайской Народной Республики на распад СССР // Общество и государство в Китае. 2011. Т. 41. № 1. С. 200–204.
- Шиптенко 2019 – *Шиптенко А.В.* Проблема ядерного арсенала бывшего СССР на территории Украины: 1991–1996. Позитивный опыт сотрудничества // Вестн. Брянского гос. ун-та. 2019. № 1 (39). С. 156–163.

References

- Alpeeva, E.G. (2020), “The main areas of cooperation between Ukraine and China”, *Post-Soviet Studies*, no. 8, pp. 664–678.
- Babayan, D. (2016), “The Crimean Context and Strategic Interests of China”, *Free thought*, no. 5 (1659), pp. 143–152.
- Belyakova, M.Yu. and Olifir, D.I. (2017), “Economic expansion of the PRC in the post-Soviet space: The example of Ukraine”, *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, no. 4 (45), pp. 47–52.
- Borisova, Yu.M. (2017), “China’s policy in the post-Soviet space. Initiative ‘One belt – one way’”, *Post-Soviet Studies*, vol. 4. no. 3, pp. 202–209.
- Dankov, A.G. (2019), “China’s educational partnership with Russia, Ukraine and the Republic of Belarus (1992–2018)”, *Tomsk State University Journal. History*, no. 58, pp. 86–90.
- Gan’shina, G.I. (2014), “The Ukrainian crisis of 2014 through the eyes of the Asia-Pacific countries”, *Vestnik RUDN: International relations*, no. 4, pp. 47–58.
- Isaev, A.S. (2014), “China and the ‘Ukrainian Crisis’. Choosing a Strategy”, *China in World and Regional Politics. History and modernity*, vol. 19, no. 19, pp. 231–236.
- Ivanov, S.A. (2015), “Official position and public opinion in China on the Ukrainian crisis”, *By the Pacific Ocean Map*, no. 35 (233), pp. 35–37.
- Kukharenko, N.V. (2014), “Chinese ‘soft power’ policy towards Belarus, Ukraine and Central Asian countries”, *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: Materialy IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and China. History and Prospects of Cooperation: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference], 2014, May 14–19, Blagoveshchenskii gos. ped. un-t, Blagoveshchensk, Russia, pp. 480–485.

- Kurylev, K.P. (2016), "Ukrainian-Chinese Relations in the Context of Beijing's Implementation of the Silk Road Project", *Rol' i mesto Rossii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola molodykh uchenykh* [The Role and Place of Russia in the Asia-Pacific Region. Proceedings of the International Round Table of Young Scientists], 2016, March 28, Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya "Dashkov i K", Moscow, Russia, pp. 53–65.
- Kurylev, K.P. and Stanis, D.V. (2019), "On the issue of Ukrainian-Chinese relations", *Post-Soviet Studies*, no. 5, pp. 1305–1312.
- Kuznetsov, D.V. (2014), "Ukrainian crisis 2013–2014 and the position of China", *Far Eastern Studies*, no. 4, pp. 13–24.
- Larin, V.V. (2016), "China and the Ukrainian crisis of 2014", *Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost': Materialy IV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii Tsentra izucheniya noveishei istorii Kitaya i ego otnoshenii s Rossiei Instituta Dal'nego Vostoka RAN* [Historical events in the life of China and the present: Proceedings of the IV All-Russian Scientific Conference of the Center for the Study of Contemporary History of China and its Relations with Russia of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences], 2016, February 17–18, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Institut Dal'nego Vostoka, Moscow, Russia, pp. 105–115.
- Lychagin, A.I. and Pashintsev, K.M. (2015), "Some key features of the Chinese factor in the Ukrainian crisis", *Global Scientific Potential*, no. 4 (49), pp. 154–156.
- Mokretskii, A.Ch. (2013), "Sino-Ukrainian relations in the light of the concept of "strategic balance" of Ukraine", *China in world and regional politics. History and modernity*, vol. 18, no. 18, pp. 232–253.
- Mokretskii, A.Ch. (2014), "China's relations with the CIS countries", in Titarenko, M.L. (ed.), *Kitaiskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. K 65-letiyu KNR* [People's Republic of China: Politics, economics, culture. On the 65th anniversary of the People's Republic of China], Forum, Moscow, Russia, pp. 239–249.
- Nikiforova, V.A. (2011), "The reaction of the People's Republic of China to the collapse of the USSR", *Society and State in China*, vol. 41, no. 1, pp. 200–204.
- Shiptenko, A.V. (2019), "The issue of the nuclear arsenal of the former USSR on the territory of Ukraine: 1991–1996. Positive experience of cooperation", *The Bryansk State University Herald*, no. 1 (39), pp. 156–163.
- Zhiltsov, S.S. (2021), "China's economic policy towards Ukraine", *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, no. 2 (28), pp. 110–120.

Информация об авторе

Антон Д. Прудников, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; antonyus97@mail.ru

Information about the author

Anton D. Prudnikov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; antonyus97@mail.ru

Объединяя Евразию: перспективы развития Северного морского пути

Алена А. Зюзина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, zuzinaalena.post@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрена история становления Северного морского пути, раскрыта его значимость в качестве транзитной артерии, в том числе в таких ключевых событиях истории России, как Гражданская война 1917–1922 гг. и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В статье также анализируется современное состояние Северного морского пути, определяются возможности, проблемы и перспективы использования данного навигационного маршрута. Раскрываются меры, принимаемые правительством Российской Федерации по дальнейшему развитию современного ледокольного флота. Отмечается значение Арктической зоны Российской Федерации как стратегически важного региона благодаря его геополитическому потенциалу и запасам полезных ископаемых. Раскрывается ключевая роль Арктики в обеспечении энергетической и экономической безопасности России. Выявляется основная экспортно-транзитная направленность арктических коммуникаций. Рассматриваются проблемы развития международного сотрудничества в Арктике. Особенно подчеркивается возрастающая актуальность Северного морского пути в контексте меняющихся климатических условий. По мнению автора, данный навигационный маршрут является не только эффективной альтернативой Суэцкому каналу, но и дополнительным фактором политического и экономического сближения России с ключевыми азиатскими игроками, в частности с Китаем.

Ключевые слова: Северный морской путь, арктическая зона, Крайний Север, Арктика, морские грузоперевозки, Полярный шелковый путь

Для цитирования: Зюзина А.А. Объединяя Евразию: перспективы развития Северного морского пути // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 126–134. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-126-134

Uniting Eurasia. Prospects for the development of the Northern Sea Route

Alena A. Zyuzina

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, zyuzinaalena.post@gmail.com*

Abstract. The article considers the history of the formation of the Northern Sea Route, reveals its importance as a transit artery, including in such key historical events of the history of Russia as the civil war of 1917–1922 and the Great Patriotic War of 1941–1945. The article also analyzes the current state of the Northern Sea Route, identifies opportunities, issues, and prospects for using that navigation route. The measures taken by the government of the Russian Federation for the further development of the modern icebreaker fleet are revealed. The importance of the Arctic zone of the Russian Federation as a strategically important region due to its geopolitical potential and mineral reserves is noted. The article specifies the key role of the Arctic in ensuring Russia's energy and economic security. It also discloses the main export-transit direction of Arctic communications. The author considers issues of the development of international cooperation in the Arctic and emphasizes the increasing relevance of the Northern Sea Route in the context of changing climatic conditions. In his opinion that navigation route is not only an effective alternative to the Suez Canal, but also an additional factor in Russia's political and economic rapprochement with key Asian players, in particular, China.

Keywords: Northern Sea Route, Arctic zone, Far North, Arctic, maritime shipping, Polar Silk Road

For citation: Zyuzina, A.A. (2022), "Uniting Eurasia. Prospects for the development of the Northern Sea Route", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 126-134, DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-126-134

Введение

Ввиду изменения климата и стремительного таяния арктических льдов особую актуальность приобретает использование Северного морского пути (СМП, также Севморпуть, Северный морской коридор). СМП является стратегически важной транспортной артерией, способной потенциально составить конкуренцию Суэцкому каналу. На данном историческом этапе Россия активно развивает инфраструктуру СМП, чтобы привести его возможности в соответствие с уровнем и условиями развития международных перевозок, потоков товаров и услуг.

Можно с уверенностью заявлять, что Северный морской путь является в настоящее время одним из приоритетов среди национальных интересов России и к его развитию привлечено

повышенное внимание руководства страны и бизнес-субъектов. В среднесрочной перспективе он должен стать ключевым звеном северной транспортной системы страны, объединяющей морской и автомобильный транспорт, трубопроводы и информационные коммуникации.

Северный морской путь как национальная транспортная артерия России

В Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. в качестве приоритетной задачи на среднесрочную перспективу обозначено освоение месторождений полезных ископаемых в Арктическом регионе, в том числе и в акватории шельфа Арктического бассейна.

Активность использования Северного морского пути измеряется в первую очередь объемами экспорта по нему углеводородов, а также его транзитным потенциалом. Преимущества СМП как международного транспортного коридора уже оценили Китай, Япония, Республика Корея.

Эксперты, анализируя потенциал Северного морского пути как отечественного интегративного элемента мирового транспортного пространства, отмечают, что СМП является кратчайшим логистическим маршрутом между европейской частью России и Дальним Востоком. Так, протяженность Северного морского пути от Карских ворот на северо-западе до бухты Провидения на юго-востоке составляет около 5600 км, что позволяет соединить морские порты Мурманска и Владивостока кратчайшим водным путем (около 14000 км), в то время как, например, маршрут через Суэцкий канал предполагает преодоление более 23 000 км [Журавель 2018; Вороненко, Грезик 2019].

Однако развитие Северного морского пути осложняется природно-климатическими, гидрографическими и навигационными условиями Арктики. Очевидно, что в силу удаленности и труднодоступности территории увеличение объемов перевозок воздушным и тем более автомобильным транспортом является экономически нецелесообразным. Таким образом, особое значение приобретает транспортировка по воде, но недостаточное развитие портово-приречного хозяйства и короткий период навигации в настоящее время создают серьезные препятствия для интенсивного вовлечения внутреннего водного транспорта в единую мультимодальную транспортную систему в краткосрочной перспективе.

Ретроспективно-дискурсивный аспект развития Северного морского пути

Развитие Северного морского пути неразрывно связано с освоением Арктики.

Попытки освоения Северо-Восточного прохода (так назывался Северный морской путь до начала XX в.) предпринимались с середины XVI в. Активность проявляли не только представители коренных народов Севера, поморы, но и англичане. Английские мореплаватели Хью Уиллоуби и Ричард Ченселлор в 1553 г. начали поиск северного пути в Индию и Китай через Северный Ледовитый океан.

Одному из трех кораблей экспедиции удалось высадиться в Белом море в бухте Св. Николая (недалеко от этого места 350 лет спустя был основан город Северодвинск). Кораблекрушение 1556 г. у берегов Норвегии, погубившее экспедицию Ричарда Ченселлора, задержало попытки открыть Северо-Восточный проход на 200 лет.

М.В. Ломоносов в своих трудах «Краткое описание различных плаваний по Северным морям и указание на возможный переход Сибирским океаном в Восточную Индию» (1762) и «Приложение О северном плавании на восток по Сибирскому океану» (1764) представил расчеты для разработки теоретического обоснования возможности плавания через полюс в страны Востока.

Фактически освоение российской Арктики началось в середине XVIII в. В конце XIX – начале XX в. к проблеме поиска Северного морского пути подключились такие выдающиеся русские ученые и военные специалисты, как Д.И. Менделеев и С.О. Макаров. Результатом этого сотрудничества стала разработка высокоширотного ледокола «Ермак», спущенного на воду в 1898 г. и введенного в строй в 1899 г.

В 1878 г. шведский мореплаватель и исследователь Арктики Эрик Норденшельд впервые прошел почти весь маршрут за одну навигацию. На пароходе «Вега» он осуществил сквозное (с зимовкой в пути у берегов Чукотки) плавание через Северо-Восточный проход.

Спустя 15 лет норвежский полярный исследователь Фритъоф Нансен, используя постоянный дрейф льда, преодолел мыс Челюскин на шхуне «Викинг». Вернувшись из экспедиций полярников встречали на родине как национальных героев, окружили ореолом восхищения и признания в мировой прессе.

В 1900–1902 гг. Петербургская (Императорская) академия наук организовала первую русскую полярную экспедицию. На

яхте «Заря» под руководством российского геолога и исследователя Арктики Эдуарда Толя экспедиция описала часть западного побережья полуострова Таймыр, архипелаг Норденшельда и одну из губ острова Котельный.

В 1907 г. Главное гидрографическое управление выступило с инициативой организации масштабной экспедиции по исследованию Северного Ледовитого океана. Для этого были построены два ледокольных парохода «Таймыр» и «Вайгач», которые в апреле 1910 г. прибыли на свою базу во Владивосток, а в сентябре–октябре 1910 г. совершили первый экспедиционный рейс для гидрографических исследований Берингова пролива.

Даже события 1917 г. и Гражданская война не остановили работу северо-ледовитой экспедиции. В 1920 г. был образован «Отдельный Обь-Енисейский гидрографический отряд», одной из задач которого стала перевозка продовольствия из Сибири в европейскую часть России. В декабре 1932 г. постановлением правительства страны было организовано Главное управление Северного морского пути (ГлавСевМорПут), а в марте 1933 г. создан Гидрографический департамент. Они должны были проложить и обеспечить судоходство по Северному морскому пути, оснастить его современными средствами навигационного обслуживания.

Великая Отечественная война способствовала более интенсивному использованию Северного морского пути, превратив его в главную транспортную магистраль Советского Севера. За период с 1941 по 1945 г. судами Главсевморпути было перевезено более 3 млн т военных и народнохозяйственных грузов. Доставка осуществлялась системой морских конвоев.

В начале 1950-х гг. активное строительство дизель-электрических ледоколов увеличило период навигации в Западной Арктике с 1,5 до 6 месяцев. С середины 1970-х гг. благодаря формированию атомного ледокольного флота была обеспечена круглогодичная навигация по Северному морскому пути. Стратегическое значение СМП заключалось в транспортно-логистическом обеспечении доставки грузов в северные районы СССР («Северный завоз»), а также перевозки в обратном направлении природных ресурсов, добываемых в Арктике.

Попытки развития Арктической зоны предпринимались российским правительством практически с момента образования Российской Федерации, т. е. с 1990-х гг. Однако они были приостановлены в связи с тем, что в тот момент Россия не могла позволить себе ни экономическое, ни социальное развитие Арктической зоны.

В настоящее время российская власть принимает активные меры по развитию территории Арктики. Основные направления данной политики зафиксированы в указе Президента РФ «О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». В этом документе не только перечислены основные цели и задачи развития Арктики, но и указаны средства, необходимые для их реализации.

Международное измерение развития Северного морского пути

Цифровая навигация, оперативная гидрометеорология и мониторинг окружающей среды, беспилотная авиация для ледовой разведки составляют инфраструктуру арктического судоходства. Чтобы обеспечить ее бесперебойное функционирование в условиях экономических санкций, России необходимо наращивать последовательное и долгосрочное сотрудничество с рядом азиатских государств. Увеличение объема как российских, так и иностранных грузоперевозок по Северному морскому пути, установление стабильного круглогодичного судоходства позволят снизить стоимость перевозок, страховых тарифов, тарифов на проход ледокола и т. д. Однако используемые технологии, оборудование, программное обеспечение не всегда можно поставить в РФ, этому препятствуют введенные санкции. Возникает потребность в импортозамещении и в интенсификации сотрудничества с государствами Азии, не поддерживающими режим санкций и готовыми поставлять необходимую высокотехнологичную продукцию.

В 2018 г. Китай объявил себя арктической державой и принял первую арктическую стратегию – «Политика Китая в Арктике». Следуя данному документу, Китай ведет активное строительство ледоколов и других различных типов судов ледового класса. Кроме того, японская компания “Mitsui OSK Lines” и “China COSCO Shipping” участвуют в совместном проекте по модернизации и обслуживанию порта Сабетта на восточном берегу полуострова Ямал, а корейская компания “Hyundai Merchant Marine Co” совместно с китайской “Poly Group” выступили с заявлением о заинтересованности в проекте по реконструкции порта Сабетта, Архангельского глубоководного порта и развитии Мурманской транспортной системы [Вороненко, Грецик 2019].

Важно отметить, что все эти страны уже достаточно активно участвуют в работе Арктического совета.

Летом 2018 г. танкеры-газовозы ледового класса Arc7 «Владимир Русанов» и «Эдуард Толль» в рамках долгосрочного контракта между НОВАТЭК и Petrochina доставили с Ямал СПГ в китайский порт Цзянсу Жудун первую партию сжиженного природного газа, впервые в истории пройдя ледовый маршрут Северного морского пути без ледокольного сопровождения всего за девять дней.

Летом 2019 г. был начат проект по реализации регулярных контейнерных перевозок. Одна из крупнейших китайских транспортных компаний, COSCO Shipping, выступила с заявлением о готовности совершить 14 коммерческих контейнерных перевозок по Северному морскому пути контейнеровозами дедвейтом¹ 28–34 тыс. т.

Основная мотивация привлечения иностранных перевозчиков на Северный морской путь заключается в использовании СМП в качестве транзитной артерии, особенно в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь», в частности – в виде концепта «Полярного шелкового пути» [Гриняев, Медведев 2018]. Совместная реализация такого масштабного проекта могла бы стать частью программы взаимного сближения России и Китая и соответствовала бы интересам развития обеих стран [Загорский 2019; Ларченко 2018]. Кроме того, данный вектор развития СМП представляется особенно перспективным в контексте обеспечения международной энергетической безопасности и упрочения конкурентных преимуществ Российской Федерации на мировых энергетических рынках.

Главное препятствие для осуществления таких проектов – отсутствие в России единого оператора, который бы регулировал деятельность всей сферы контейнерных перевозок.

Заключение

В целях эффективной интеграции Северного морского пути в глобальную транспортную систему в качестве альтернативной Суэцкому каналу транзитной магистрали, а также для укрепления российского суверенитета в Арктике в целом РФ необходимо решить ряд задач, таких как: модернизация и развитие порто-

¹ Дедвейт (англ. deadweight) – показатель грузовместимости грузового судна (*примеч. отв. ред.*)

вой инфраструктуры, повышение безопасности навигации (в том числе совершенствование систем поиска и спасения), создание условий для осуществления регулярных контейнерных перевозок с привлечением крупнейших международных транспортных компаний, формирование экономически привлекательных тарифов, обеспечение экологической стабильности региона, создание новых арктических проектов и увеличение финансирования уже реализуемых.

Арктическая стратегия Российской Федерации ставит приоритетной целью развитие Северного морского пути. СМП является ключевым фактором в обеспечении как энергетической, так и экономической безопасности России в Арктике. В связи с изменением климатических условий и уменьшением площади арктического льда транзитный потенциал данной транспортной артерии непрерывно растет, а вместе с ним увеличиваются и конкурентные преимущества России. Кроме того, развитие СМП представляется необходимым с точки зрения обеспечения геополитической и военной безопасности страны, улучшения условий жизни в регионах российского Крайнего Севера, облегчения доступа к месторождениям углеводородов и других полезных ископаемых и их экспорта, а также надежного транспортного сообщения и повышения грузопотока.

В настоящее время эксплуатация Северного морского пути направлена на освоение арктических районов России, добычу, переработку полезных ископаемых и их экспорт. Привлечение иностранных компаний является неотъемлемым условием осуществления крупных энергетических проектов в Арктическом регионе. Реализация проекта «Полярный шелковый путь» и активное участие в арктических вопросах Евразийского экономического союза [Чжао 2021] в перспективе будут способствовать созданию грандиозной транспортной инфраструктуры между Азией и Европой как на суше, так и на море.

Литература

- Вороненко, Грезик 2019 – *Вороненко А.Л., Грезик С.В.* Перспективы сотрудничества России и стран СВА в арктическом регионе // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 60–78.
- Гриняев, Медведев 2018 – *Гриняев С.Н., Медведев Д.А.* Экономические детерминанты арктической политики Китая // Информационные войны. 2018. № 3 (47). С. 31–33.

- Журавель 2018 – *Журавель В.П.* Проект «Ямал СПГ» – пример эффективного международного сотрудничества в области освоения и освоения Арктики // Науч.-аналит. вестн. Ин-та Европы РАН. 2018. № 3. С. 95–100.
- Загорский 2019 – *Загорский А.В.* Китай в Арктике // Междунар. отношения. 2019. № 7. С. 76–83.
- Ларченко 2018 – *Ларченко Л.В. и др.* Может ли Северный морской путь стать конкурентоспособным международным транзитным маршрутом? // Инновации. 2018. 2018 С. 64–67.
- Чжао 2021 – *Чжао Хуэйжун.* Необходимость, осуществимость и выбор пути сопряжения Большого Евразийского партнерства и инициативы «Один пояс – один путь» // Вестн. РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. № 1. С. 109–116.

References

- Grinyaev, S.N. and Medvedev, D.A. (2018), “Economic determinants of China’s Arctic policy”, *Informatsionnye voiny*, no. 3 (47), pp. 31–33.
- Larchenko, L.V. et al. (2018), “Can the Northern Sea Route become a competitive international transit route?”, *Innovations*, no. 10, pp. 64–67.
- Voronenko, A.L. and Grezik, S.V. (2019), “Prospects for cooperation between Russia and the NEA countries in the Arctic region”, *Arctic and North*, no. 35, pp. 60–78.
- Zagorskii, A.V. (2019), “China in the Arctic”, *International Affairs*, no. 7, pp. 76–83.
- Zhao Huirong (2021), “Necessity, feasibility, and choice of way of integrating the Greater Eurasian Partnership and the Initiative called ‘One Belt, One Path’”, *RSUH/RGGU Bulletin “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 1, pp. 109–116.
- Zhuravel’, V.P. (2018), “The Yamal LNG project is an example of effective international cooperation in the field of exploration and development of the Arctic”, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 3, pp. 95–100.

Информация об авторе

Алена А. Зюзина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zyuzinaalena.post@gmail.com

Information about the author

Alena A. Zyuzina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; zyuzinaalena.post@gmail.com

Критика и библиография

УДК 94(575.2)

DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-135-141

Рецензия на книгу: Труды Института
постсоветских и межрегиональных исследований.
Вып. 5: Кыргызстановедение /Редкол.: Е.И. Пивовар (отв. ред.),
Е.Я. Виттенберг, М.Ю. Мухин, И.Е. Ханова. М.: РГГУ, 2022. 305 с.

Александр С. Левченков

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, bohem2001@mail.ru*

Аннотация. «Кыргызстановедение» продолжает традицию страноведческих выпусков серии научных изданий «Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований». Авторы книги – известные специалисты из Российского государственного гуманитарного университета и других вузов и научных институтов России, ведущих научных и экспертно-аналитических центров Киргизии, Казахстана, Узбекистана. В центре внимания авторов – широкий спектр вопросов истории, культуры и современности Киргизии, российско-киргизских отношений, межкультурного взаимодействия на пространстве Центральной Азии в целом. «Кыргызстановедение» знакомит читателей со страницами истории Киргизии, особенностями формирования и эволюции российско-киргизских предпринимательских отношений и сотрудничества в области образования и науки, с этапами и особенностями конституционно-правового и в целом общественно-политического развития страны, с традициями духовной и материальной культуры кыргызов и вкладом Киргизии в уникальное мультикультурное пространство Евразии. Результаты междисциплинарного анализа значимых историко-культурных процессов и явлений, изложенные в книге, представляются особенно важными в контексте современного развития Кыргызской Республики, ее отношений с соседними государствами и участия в интеграционных проектах на евразийском пространстве. Участие в подготовке издания солидного международного коллектива подтверждает востребованность и перспективность межрегионального научно-образовательного сотрудничества.

Ключевые слова: евразийская интеграция, историческая память, Киргизия, межкультурный диалог, традиционное общество, Центральная Азия

Для цитирования: Левченков А.С. Рец. на книгу: Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. 5: Кыргызстановедение /Редкол.: Е.И. Пивовар (отв. ред.), Е.Я. Виттенберг, М.Ю. Мухин, И.Е. Ханова. М.: РГГУ, 2022. 305 с. // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 135–141. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-135-141

Book review:

Pivovar, E.I. (ed.), Wittenberg, E.Ya., Mukhin, M.Yu. and Khanova I.E. (2022), Publications of the Institute of post-Soviet and interregional studies, iss. 5: Kyrgyzstan' Studies, RGGU, Moscow, Russia

Aleksandr S. Levchenkov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, bohem2001@mail.ru*

Abstract. “Kyrgyzstan’ Studies” continues the tradition in country studies issues of a series on scientific works “Publications of the Institute of post-Soviet and interregional studies”. The authors of the book are well-known specialists from the Russian State University for the Humanities and other universities and scientific institutes of Russia, leading scientific and expert-analytical centers of Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan. The authors focus on a wide range of issues of the history, culture and modernity of Kyrgyzstan, Russian-Kyrgyz relations, cross-cultural interaction in Central Asia as a whole. “Kyrgyzstan’ Studies” introduces readers to the pages of the Kyrgyzstan history, the peculiarities of the formation and evolution of Russian-Kyrgyz business relations and cooperation in the field of education and science, the stages and features of the constitutional, legal and socio-political development of the country in general, the traditions of the spiritual and material culture of the Kyrgyz and the contribution of Kyrgyzstan to the unique multicultural space of Eurasia. The results of the interdisciplinary analysis of significant historical and cultural processes and phenomena presented in the book are particularly important in the context of the modern development of the Kyrgyz Republic, its relations with neighboring states and participation in integration projects in the Eurasian space. The participation of a solid international team in the preparation of the publication confirms the relevance and prospects of interregional scientific and educational cooperation.

Keywords: Eurasian integration, historical memory, Kyrgyzstan, intercultural dialogue, traditional society, Central Asia

For citation: Levchenkov, A.S. (2022), “Book review: Pivovar, E.I. (ed.), Wittenberg, E.Ya., Mukhin, M.Yu. and Khanova I.E. (2022), Publications of the Institute of post-Soviet and interregional studies, is. 5: Kyrgyzstan’ Studies, RGGU, Moscow, Russia”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian studies. History. Political science. International relations” Series*, no. 4, pp. 135-141, DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-135-141

В 2022 г. был опубликован новый, пятый выпуск «Трудов Института постсоветских и межрегиональных исследований». Продолжая традицию данной серии научных изданий, авторский коллектив посвятил новый сборник междисциплинарных статей Киргизской Республике – ее истории, культуре и современному развитию в широком международном контексте.

Подготовка и выпуск «Кыргызстановедения» Институтом постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета (далее – ИПиМИ РГГУ) неслучаен. Как указывается во введении, «последние годы были отмечены значительной активизацией двустороннего российско-кыргызского сотрудничества» в деятельности ИПиМИ РГГУ [Труды 2022, с. 9].

Среди партнеров ИПиМИ РГГУ в Киргизии, плодотворное взаимодействие с которыми имеет давнюю историю, Киргизско-Российский (Славянский) университет имени Б.Н. Ельцина (далее – КРСУ), Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, Бишкекский государственный университет имени К. Карасаева, Джелалабадский государственный университет имени Б. Осмонова, Ошский государственный университет и некоторые другие.

Представители киргизской академической общественности приняли активное участие в организованном ИПиМИ РГГУ онлайн-заседании Форума ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов государств – участников Содружества Независимых Государств «Сотрудничество в сфере гуманитарного образования стран СНГ. К 30-летию образования Содружества», который состоялся 4 декабря 2020 г.¹

В декабре 2021 г. киргизские специалисты приняли деятельное участие в работе международной конференции «Интеграционные процессы на постсоветском пространстве как ответ на вызовы современному развитию России и других государств – участников СНГ (к 30-летию создания СНГ)», также организованной ИПиМИ РГГУ².

В 2021 г. сотрудничество РГГУ с партнерами в Киргизии вышло на новый уровень. Большую роль в этом сыграл проект «Учебно-методическое обеспечение деятельности Славянских университетов», реализуемый по поручению и при поддержке

¹ 4 декабря состоялось Онлайн-заседание форума ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов государств – участников СНГ [Электронный ресурс] // Российский государственный гуманитарный университет. 2020. 5 декабря. URL: <https://www.rsuh.ru/education/postsoviet/news/detail.php?ID=674127> (дата обращения 3 сентября 2022).

² В РГГУ состоялась Международная конференция «Интеграционные процессы на постсоветском пространстве как ответ на вызовы современному развитию России и других государств – участников СНГ (к 30-летию создания СНГ)» [Электронный ресурс] // Российский государственный гуманитарный университет. 2020. 4 декабря. URL: <https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=796946> (дата обращения 3 сентября 2022).

Министерства науки и высшего образования России и направленный на поддержку деятельности и развития Славянских университетов в странах СНГ. В рамках данного проекта активно развивались контакты отечественных специалистов с известными учеными и педагогами из КРСУ.

В 2022 г. проект получил продолжение, причем основной упор был сделан на развитие научно-институционального сотрудничества, включая создание в Бишкеке совместного Центра евразийских исследований. Именно это взаимодействие стало основой для привлечения к работе над «Кыргызстановедением» целого ряда блестящих исследователей из КРСУ.

Среди авторов выпуска – исследователи из Российского государственного гуманитарного университета и других вузов и научных институтов России, широко известные своими публикациями по истории, экономике и культуре Центральной Азии, по общественно-политическим и интеграционным процессам на евразийском пространстве. Так, глава авторского коллектива, академик РАН Е.И. Пивовар в 2022 г. выпустил крупную обобщающую работу, посвященную анализу евразийских интеграционных объединений и организаций [Пивовар 2022]. Соавторами издания стала целая плеяда историков, филологов, юристов и искусствоведов из КРСУ. Кроме того, в работе над книгой приняли участие специалисты из Казахстана и Узбекистана, представляющие кафедру Ассамблеи народа Казахстана Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, кыргызское этнокультурное объединение г. Нур-Султан, отдел водных и экологических исследований Международного института Центральной Азии в Ташкенте.

Таким образом, в центре внимания авторов «Кыргызстановедения» отнюдь не случайно оказался широкий спектр вопросов, касающихся истории, культуры и современности Киргизии, российско-киргизских отношений, межкультурного взаимодействия на пространстве Центральной Азии в целом.

В статье Е.Я. Виттенберга и И.Е. Пивовара «Сотрудничество российского и кыргызского бизнеса. История и современность» раскрываются особенности формирования и развития российско-киргизских предпринимательских отношений, торговли, инвестиционной активности, институционального сотрудничества. Обращая внимание на ряд наболевших проблем, авторы тем не менее приходят к выводу о том, что

...благодаря стратегическому характеру российско-кыргызского партнерства во взаимодействии бизнесменов России и Кыргызстана в области торговли, взаимных инвестиций, создания совместных предприятий есть определенные реальные достижения [Труды 2022, с. 73].

Роли и месту Киргизии в современном межкультурном диалоге на евразийском пространстве посвящена статья М.В. Катагощиной и И.Е. Хановой «Кыргызская Республика в международном диалоге культур на пространстве Евразии». По мнению авторов, в развитии межкультурного диалога ключевую роль играет

...заинтересованность деятелей науки и образования, творческой интеллигенции, студенчества Кыргызстана в расширении международных культурно-информационных коммуникаций [Труды 2022, с. 114].

Статья Б.И. Бوروبашова, Т.А. Нурматова, Н.С. Турсунбаевой, С.Б. Чогулдурова «Конституционно-правовое развитие Кыргызской Республики» описывает основные этапы формирования конституционно-правовой системы Киргизии. Подытоживая богатую историю конституционных преобразований, авторы отмечают, что Конституция как основной закон требует постоянного совершенствования, поэтому внесение изменений, поправок должно иметь регулярную основу [Труды 2022, с. 145].

В работе А.К. Бектановой и А.Х. Бугазова «Гражданское общество в Кыргызстане: истоки и современность» предпринята попытка проанализировать этнокультурные истоки особенностей модели гражданского общества современной Киргизии. Авторы приходят к выводу о том, что на национальные институты гражданского общества значительное влияние оказывают «ценности, традиции и модели поведения индивидов, сформированные ранее и составившие стержневую основу социокультурной матрицы кыргызов» [Труды 2022, с. 161].

В статье А.У. Джакишева «Кыргызско-Российский Славянский университет – научный и образовательный форпост России в Кыргызстане» особое внимание уделяется вопросам развития КРСУ как признанного центра российского образования и науки в Киргизии [Труды 2022, с. 164–170].

Н.П. Калашникова в работе «Международный проект АНК “Беседы на Шелковом пути”: новые возможности межстранового сотрудничества в сохранении общей исторической памяти» останавливается на важных вопросах международного сотрудничества по вопросам сохранения общей исторической памяти на примере проекта АНК [Труды 2022, с. 171–180].

Л.Р. Скреминская в статье «Исторические страницы повседневной жизни кыргызского народа в произведениях Ч. Айтматова» рассматривает интересные аспекты отображения традиций духовной и материальной культуры кыргызов в произведениях писателя. По выражению автора, «Айтматов жил среди своего на-

рода, дышал с ним одним воздухом, говорил с ним на его языках – родном кыргызском и не менее родном – русском, называя оба языка двумя крылами одной птицы» [Труды 2022, с. 197].

Вклад Кыргызской ССР в победу над гитлеровской Германией в 1945 г. подробно описан в статье М.Ю. Мухина «Победа – одна на всех. Киргизия в годы Великой Отечественной войны». Автор приходит к справедливому заключению о том, что «Кыргызская ССР в 1941–1945 гг. являлась полноценной и полноправной частью Советского Союза, и победа над гитлеровским Рейхом и его союзниками является, безусловно, и победой советской Киргизии» [Труды 2022, с. 210].

Ш.А. Исмаилов в статье «Рукописи не горят...» описывает трагическую историю рукописи одного из узников КАРЛАГа [Труды 2022, с. 213–219].

В статье Н.Д. Эшмурадовой «Право в традиционном кыргызском обществе» анализируются различные аспекты влияния традиционных исторических и религиозных норм и правил на формирование механизмов правового регулирования общественных отношений в Киргизии. Автор приходит к выводу о том, что «правовая система кыргызов вобрала в себя необходимые для усовершенствования правовые нормы адата и шариата, при этом не утратив своей самобытности» [Труды 2022, с. 236].

И.В. Стасевич и В.А. Прищепова в работе «Фотоколлекции К.К. Юдахина по традиционной культуре кыргызов в собрании Петербургской Кунсткамеры» обращаются к относительно малоизученной на данный момент истории формирования коллекционного собрания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера). Вместе с тем, как отмечают авторы, «многие поколения российских исследователей собирали предметы традиционной культуры, аннотировали их, составляли научные музейные описи» [Труды 2022, с. 241]. Статья снабжена великолепной подборкой фотографий К.К. Юдахина.

В развернутой статье И.Е. Хановой и К.А. Кудаярова «Республика Кыргызстан: очерк истории и культуры» отражены основные этапы истории Киргизии с древнейших времен до современности, формирования кыргызского этноса, развития культуры и эволюции государственности [Труды 2022, с. 261–292].

Наконец, завершает издание обзорный материал Ш.М. Файзиева, посвященный международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», прошедшей в Ташкенте в июле 2021 г. [Труды 2022, с. 293–303].

В заключение можно констатировать, что результаты междисциплинарного анализа значимых историко-культурных про-

цессов и явлений, изложенные в книге, представляются чрезвычайно важными в контексте современного развития Кыргызской Республики, ее отношений с соседними государствами и работе в интеграционных проектах на евразийском пространстве. Участие в подготовке издания солидного международного коллектива подтверждает востребованность и перспективность межрегионального научно-образовательного сотрудничества.

«Кыргызстановедение» не только закладывает фундамент для активного развития исследований в области нового для российской гуманитаристики направления, но и может быть использовано в педагогическом процессе при преподавании общих и специальных курсов по истории, экономике, политике и культуре Киргизии и Центральной Азии в целом, международных отношений и интеграционных процессов, гуманитарного сотрудничества.

Литература

- Труды 2022 – Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. Вып. 5: Кыргызстановедение / Редкол.: Е.И. Пивовар (отв. ред.), Е.Я. Виттенберг, М.Ю. Мухин, И.Е. Ханова. М.: РГГУ, 2022. 305 с.
- Пивовар 2022 – Пивовар Е.И. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы. СПб.: Алетейя. 2022. 468 с.

References

- Pivovarov, E.I. (ch. ed.), Wittenberg E.Ya., Mukhin M.Yu. and Khanova I.E. (eds.) (2022), *Trudy Instituta postsovetskikh i mezhregional'nykh issledovaniy. Vyp. 5: Kyrgyzstanovedenie* [Works of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies, iss. 5 'Kyrgyzstan' Studies], RGGU, Moscow, Russia.
- Pivovarov, E.I. (2022), *Prostranstvo Bol'shoi Evrazii XXI veka. Integratsionnye protsessy: instituty, napravleniya, vyzovy* [The space of Greater Eurasia of the 21st century. Integration processes: institutions, directions, challenges], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Александр С. Левченко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bohem2001@mail.ru

Information about the author

Aleksandr S. Levchenkov, Cand. of Sci. (History), associated professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125047; bohem2001@mail.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
Т.Ю. Журавлева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 12.12.2022
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 8,9
Тираж 1050 экз. Заказ № 1633

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Мнусская пл., 6
www.rggi.ru